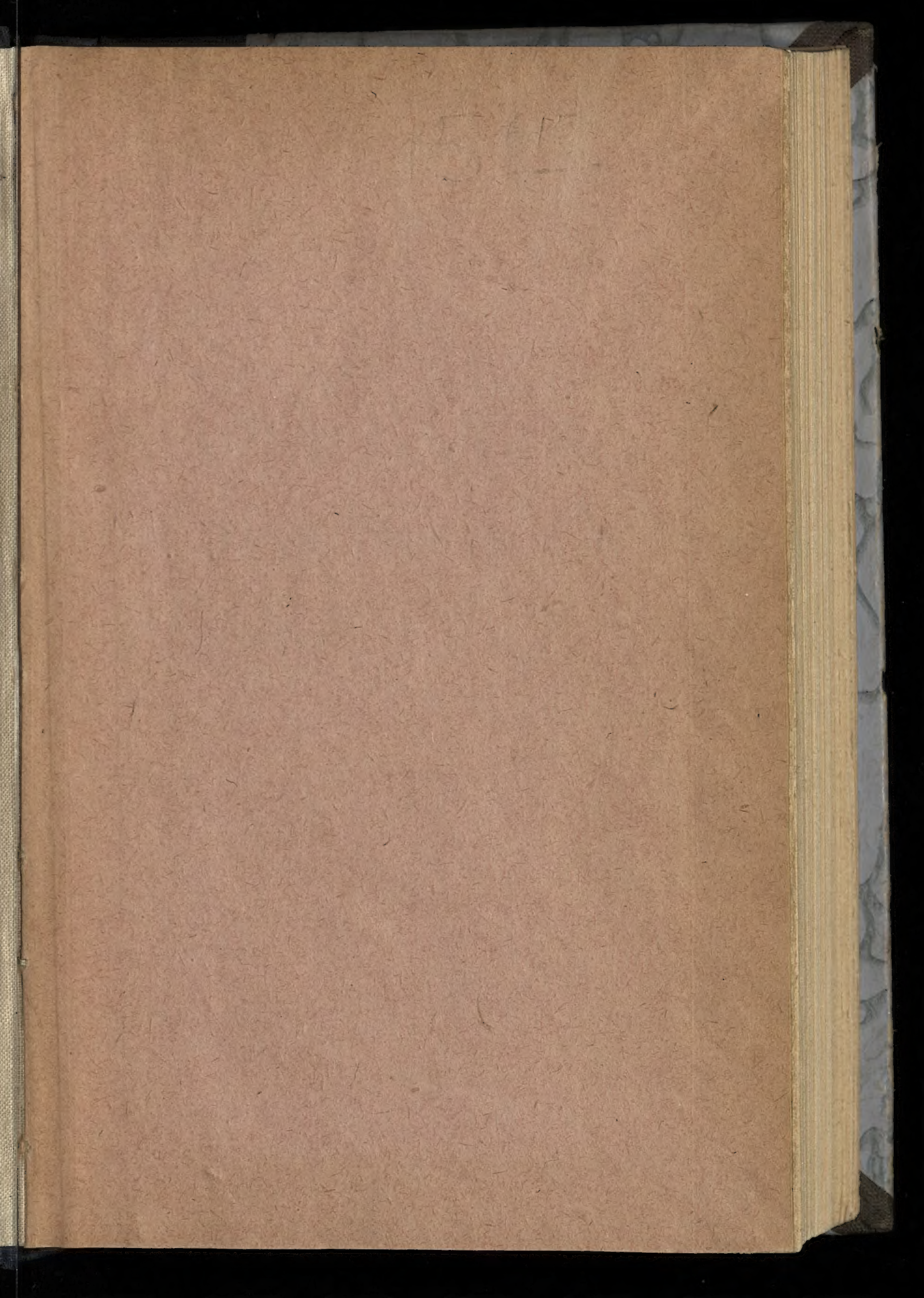
еволюцион.
подъем в
индии

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революционный подъем в Индии

сборник

партиздат
1933

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
КОМАКАДЕМИИ • КОЛОНИАЛЬНЫЙ СЕКТОР

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ в ИНДИИ

Сборник

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

RESEARCH INSTITUTE FOR WORLD ECONOMICS AND WORLD POLITICS • COLONIAL SECTION

THE REVOLUTIONARY UPSURGE IN INDIA

CONTENTS

СОДЕРЖАНИЕ

Предлагаемый сборник является результатом дискуссии, проведенной Колониальным сектором Института мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии в марте — апреле 1932 г. по докладу тов. Мазута. Однако сборник не представляет из себя стенограммы прений, а включает переработанные по указанию редакционной комиссии выступления и отчасти заново написанные статьи на основе прений по указанному докладу. На этой первой дискуссии не все вопросы были всесторонне и достаточно разработаны; они явятся предметом дальнейших дискуссий и работ, организуемых Колониальным сектором. Редакционная комиссия работала в составе тт.: *П. Мифа, Г. Сафарова, Б. Фрейера, И. Мазута и Б. Дониаха.*

Сборник подготовлен к печати т. *А. Штуссером.*

25 ноября 1932 г.

Колониальный сектор.

И. МАЗУТ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ В ИНДИИ

I. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС

А. Кризис

Английские империалисты в последнее время усиленно заговорили о том, будто бы в Англии и еще более в Индии наметились признаки оживления, экономического подъема. Министр по делам Индии г-н Хор, выступая в парламенте, заявил:

«Если подвести некоторый итог экономического положения в стране в одной фразе, то я могу сказать, что Индия уже прошла самую худшую точку падения экономического кризиса и сейчас находится в гораздо лучшем положении, чем ряд основных стран, и общее восстановление, подъем имеет больше возможности и лучшие условия в Индии, чем в какой бы то ни было другой стране».

Английские империалисты во главе с г-ном Хор ссылаются при этом на то, что Индия «выплатила» свой долг в 15 млн. ф. ст. английскому казначейству, что произошло некоторое повышение цен на сырье, поднялся курс акций и увеличился импорт в Индию.

А между тем все факты подтверждают не только дальнейшее обострение кризиса, но также и то, что в колониальной Индии структурный кризис всей экономики, переплетающийся сейчас с мировым кризисом, довел страну до небывалой нищеты и разорения. Индия задыхается больше чем когда бы то ни было под тяжестью феодально-ростовщической и империалистической системы эксплоатации. Общественный строй Индии, полный феодально-кастовых пережитков, усиливая гнет, отсталость, гниение в экономике страны, препятствует свободному развитию индийского народа и усиливает кризис всей общественно-экономической системы Индии. Приведем несколько фактов в доказательство нашего тезиса.

Внешняя торговля

В 1929/30 г. за первые десять месяцев экспорт товаров достигал 265 крор рупий [1], в 1930/31 г. за то же время — 135 крор рупий. Импорт за тот же период упал с 201 до 105 крор рупий. По отдельным статьям падение еще ярче: импорт хлопчатобумажных изделий упал с 49,7 крор рупий до 15,9 крор; экспорт джутовых изделий упал с 62,9 до 20,5 крор рупий.

Цифры внешней торговли за последние месяцы подтверждают дальнейшее ее падение. В декабре 1931 г. сумма экспорта и импорта равнялась 24,85 лакх рупий [2], в январе 1932 г. — 24,13 лакх рупий, в феврале — 22,61 лакх рупий, включая экспорт золота.

Итак данные о внешней торговле подтверждают, что кризис в Индии — стране, экспортирующей сырье, — не только не ослабляется,

[1] 1 крор рупий = 10 млн. рупий, по твердому курсу равнялся 750 тыс. ф. ст.
[2] 1 лакх рупий = 100 тыс. рупий = 7 500 ф. ст.

но и обнаруживает дальнейшую тенденцию к углублению. Падение внешней торговли сопровождалось также резким сокращением внутреннего товарооборота. До некоторой степени об этом можно судить по дефициту железных дорог. За 1931 г. дефицит по железным дорогам равнялся 7 млн. ф. ст., несмотря на то, что размер железнодорожных фрахтов был сильно увеличен. За тот же 1931 г. сокращение перевозок людей достигло 15%. Если принять грузооборот на милю в 1923/24 г. за 100, то в 1926/27 г. он равнялся 96,1, а в 1929/30 г. — 87,7.

Падение цен. Правительственный департамент статистики в своей таблице индекса оптовых цен дает следующие цифры, принимая 1914 г. за 100:

Годы	Хлеб	Хлопок-сырец	Хл.-бум. изд.	Джут	Все товары
1918	110	309	298	75	178
1919	163	200	—	115	196
1921	145	143	280	83	178
1924	123	272	229	102	173
1927	139	167	159	93	148
1929	125	146	160	95	141
1930	100	91	139	63	116
1931	78	83	123	49	96
1932 янв.	76	103	124	52	97
февр.	72	106	132	51	97
март	70	89	128	49	94

Министр по делам Индии Хор в парламенте указал, что падение цен на сельскохозяйственные продукты шло таким образом (1913 г. = 100): в 1928 г. — 138, 1930 г. — 112, 1931 г. — 76. Министр себя утешал тем, что в январе наступил перелом. Но приведенные выше данные горько разочаруют английскую буржуазию. *Кризис,* острота которого в Индии объясняется полуфеодально-кабальной и империалистической системой эксплоатации, *продолжает резко обостряться.*

При рассмотрении этой таблицы необходимо помнить, что английский империализм производил всякого рода манипуляции с курсом рупий, усиливая внеэквивалентный обмен, вернее — грабеж крестьянских и рабочих масс страны. Кроме того в Индии, как нигде в мире, ножницы оптовых и розничных цен, или, вернее, оптовых и тех цен, по которым крестьяне продают свою продукцию, достигают огромных размеров, и потому официальные данные в очень большой мере преуменьшают подлинную картину грабежа крестьянских масс.

Приведенная таблица правительственного органа свидетельствует, во-первых, о том, что *именно* в 1931 г. произошло огромное падение цен; во-вторых, что оно далеко опередило падение цен, которое имело место во время кризиса 1920—1921 гг., подтверждая то, что нынешний кризис по своей глубине превосходит все прошлые кризисы, отображая растущую деградацию и отсталость индийского общественно-экономического строя; в-третьих, что падение цен на сырье сильно опередило падение цен на товары, в том числе хлопчатобумажные товары, и, в-четвертых, не только потеряно в

последние месяцы некоторое повышение цен, последовавшее после отмены золотого стандарта, но понижение цен идет дальше и в особенности на сырье, полностью опровергая утверждения империалистов и буржуазии. Разрыв оптовых и розничных цен, промышленных и сельскохозяйственных, мировых и индийских приводит в Индии (в силу того, что она отсталая *колониальная*, аграрная страна, где империализм опирается и использует феодальные пережитки, где преобладают полуфеодальные методы эксплоатации, сочетающиеся с торгово-ростовщическим капиталом) к огромному внеэкономическому ограблению, от которого в первую очередь страдает крестьянство.

В «Кэпител» от 21 апреля 1932 г. дается подробная таблица индексов цен за последние 18 лет. Из нее видно (если принять 1914 г. за 100), что индекс по сравнению с 1927 г. упал к марту 1932 г. на хлеб до 69, на стручковые — до 69, на масличные семена — до 69, на другие пищевые продукты — до 61. На джут-сырец индекс упал до 51, на хлопок-сырец — до 78. Падение индекса на готовые изделия представляет следующую картину: джутовые изделия — 75, хлопчатобумажные изделия — 31, строительные материалы — 12, металлы — 16. Общий индекс упал до 54.

Таким образом цены на все сельскохозяйственные продукты упали ниже среднего, в то время как промышленные (за исключением джутовых, предназначенных для мирового рынка) понизились значительно меньше.

Разрыв оптовых и розничных цен весьма велик.

«Либерти» от 20 апреля 1932 г. например сообщает, что в то время как номинальная цена за тюк джута в третью неделю апреля была 28 рупий 12 анн, *на деле* продавали его за 21 рупию 8 анн. Если взять *фактическое* падение на джут-сырец, поскольку это касается крестьянства, то и здесь можно показать, что падение цен на сырье опережает падение цен на джутовые изделия. Во всяком случае разрыв оптовых и розничных цен очевиден, и это особенно ударяет по пролетариату и городской бедноте. Данные о Бомбее это подтверждают:

Цены на различные сорта проса за маунд[1]:

Дата	Джавар		Баджра	
	Оптовые	Розничные	Оптовые	Розничные
	Руп. Ан. П.	Руп. Ан. П.	Руп. Ан. П.	Руп. Ан. П.
Октябрь 1931 г.	2—1—10	3—6—8	2—13—9	4—0—9
Ноябрь „ „	2—1—10	3—5—4	2—13—9	3—14—9

Еще более яркую картину падения цен и разорения крестьянства дают цифры розничных цен. Еженедельник «Махрата» приводит следующие данные: в декабре 1929 г. крестьянин за 1 рупию отдавал 7 сир пшеницы или 5,25 сир риса или 10,25 сир ячменя,

[1] 1 маунд = 40 сир; 1 сир = 16 читак = 80 тола. Эти меры веса в различных провинциях и даже в разных городах имеют различное значение. По официальному стандарту 1 маунд = 82,28 англ. фунта; 1 сир = 2,057 англ. фунта.

в мае 1931 г. он за 1 рупию отдавал 13 сир пшеницы или 9,3 риса или 25,05 сир ячменя.

Ассоциация углепромышленников в своем отчете дает следующие цифры: в 1930 г. крестьянин за 1 рупию давал 5—6 сир рису, а в 1931 г. — 16 сир рису («Кэпител» от 7 января 1932 г.). Приведенные данные подтверждают всем известную картину неслыханного разорения крестьянства, которое уже не только не в состоянии удержать свой голодный паек, но не может поддерживать воспроизводство своего и без того нищенского хозяйства.

На фоне кризиса происходит падение площади ряда технических культур. Площадь под джутом уменьшилась, по данным ряда газет, больше чем наполовину. Площадь под хлопком уменьшилась следующим образом (цитируем по «Манчестер Гардиен» официальные цифры за 1931/32 г.): в 1929/30 г. площадь под хлопком составляла 25 922 тыс. акров, в 1930/31 г. — 23 812 тыс. акров, в 1931/32 г. — 23 522 тыс. акров. Урожайность в 1929 г. — 5 243 тыс. тюков (bales), в 1930 г.— 5 224 тыс., в 1931/32 г. — 4 064 тыс. тюков. Эти данные, свидетельствуя вообще о низкой урожайности в Индии, являющейся результатом полуфеодальных пережитков и деградации сельского хозяйства, указывают на то, что в этом году наступило дальнейшее ухудшение.

Вместо ряда технических культур разоряющиеся крестьяне переходят к зерновым культурам. «Коммерс» от 26 июля 1931 г. сообщает о том, что даже общая посевная площадь сократилась, характеризуя тем самым деградацию сельского хозяйства *в условиях земельного голода* индийского крестьянства.

Годы	Посевная площадь (в акрах)
1926/27	226 012 867
1927/28	226 142 000
1928/29	223 862 000

Временным переходом от технических культур к зерновым, главным образом к пшенице и худшим сортам риса, британский империализм надеется улучшить положение в деревне и поднять цены на остающееся сырье, так же как это частично проделывалось в 1921 г.

Но эти меры, еще больше разоряя крестьянство, неспособны облегчить его положение в деревне. Положение крестьянства связано и обусловлено всей социальной структурой, противоречия и гнилость которой кризис только еще ярче обнаружил. Товарность индийского сельского хозяйства вообще очень мала, и это ярко иллюстрируется на примере пшеницы.

Индия, способная стать одним из важнейших мировых центров по производству пшеницы, вынуждена ее импортировать.

Импорт пшеницы в Индию

Годы	В тоннах
1929/30	294 900
1930/31	124 300
1931/32	111 300

Между тем ее экспорт в 1931/32 г. равнялся 19 600 *т.*

Отдельное колебание цен в последние месяцы в связи с отказом от золотого стандарта и ажиотажем, связанным с войной на Дальнем Востоке, — закупки хлопка, риса и т. д. — не изменяет сделанных нами выводов. Однако индийские капиталисты не оставляют надежды на то, что будет большая война, которая пойдет им на пользу, как это было в 1914—1918 гг.

Промышленность

Под влиянием кризиса продолжает свертываться промышленность, за исключением хлопчатобумажной. Особенно значительное падение наблюдается в джутовой промышленности, работающей на внешний рынок. Значительно снизилась продукция заводов Таты в связи с сокращением железнодорожного строительства и падением экспорта чугуна, в частности в Японию.

Отдельные заказы, связанные с военными поставками, не изменили общей картины. Некоторый рост хлопчатобумажной промышленности (и постройка нескольких новых небольших хлопчатобумажных фабрик), связанный с движением бойкота товаров, не изменяет общей картины углубляющегося кризиса.

Рост производства хлопчатобумажных товаров шел следующим образом, по данным Манчестерской торговой палаты:

Годы	Пряжа (в млн. фунт.)	Хл.-бум. товар (в млн. ярдов)
1927/28	809	2 357
1928/29	648	1 893
1929/30	833	2 419
1930/31	867	2 561
1931 (апрель — июнь)	312	969

Рост за три года кризиса чрезвычайно мал (незначительно превысил норму выработки 1927—1928 гг.) *по сравнению* с общим падением импорта хлопчатобумажных товаров за те же годы, а именно:

Импорт хлопчатобумажных товаров

Годы	В млн. ярдов
1929	1 910
1930	1 253
1931	742

Таким образом хлопчатобумажная промышленность только в ничтожной доле сумела воспользоваться уменьшением ввоза хлопчатобумажных товаров, и то лишь опираясь на движение бойкота. *Причина здесь ясная, — она заключается в чудовищно растущем разорении народных масс и в связанном с ним сужении внутреннего рынка.*

Для иллюстрации этого вывода можно привести следующие данные, которые приводит «Бомбей Кроникл» от 23 декабря 1931 г. в своей передовой: «Потребление хлопчатобумажных товаров на

человека уменьшилось с 13,5 ярда в 1913 г. до 12 ярдов в 1930 г. Если же взять только потребление *трудящихся масс,* то потребление упало, — заявляет «Бомбей Кроникл», — с 8 ярдов в 1913 г. до 3 ярдов в 1930 г.». Для всех сколько-нибудь знающих Индию приведенные цифры не только не могут показаться преувеличенными, а, наоборот, не в полной мере рисуют быстрый темп разорения и неслыханного обнищания трудящихся масс. О сужении внутреннего рынка (а также о силе бойкота английских товаров) можно также судить по средней (на душу населения) цифре ввоза английских товаров, цитируем по «Кэпител» от 7 апреля 1932 г.: 1921 г. — 5 шилл. 8 пенсов, 1930 г. — 3 шилл., 1931 г. — 1 шилл. 10 пенсов.

Обесценение денег и выкачка золота

Английские империалисты используют денежно-финансовую систему, как и весь государственный аппарат, не только для того, чтобы обеспечить свое монопольное положение в эксплоатации народных масс страны, но и для того, чтобы путем внеэкономического принуждения выколачивать добавочную долю колониальной сверхприбыли. Вся история ограбления индийского народа это ярко подтверждает. Последний факт — выкачка золота — идет по той же линии. Английский империализм, обесценивая рупию, наполняя денежный рынок бумажными рупиями, отказавшись от золотого стандарта, единым махом срезал больше чем на 30% зарплату рабочих и служащих, подкрепляя свою денежную политику огромным увеличением налогового обложения. Это сыграло свою роль в разорении трудящихся слоев населения (в том числе и средних слоев крестьянства), выбросивших на рынок свои ничтожные сбережения в форме мелких золотых и серебряных вещей. Стоимость рупии упала с 16 анн до 11. Последовавший в связи с этим некоторый подъем цен, также связанный с военным ажиотажем, не компенсировал «единовременного» грабежа масс в форме обесценения рупии.

Следует тут же отвергнуть ту точку зрения, которая считает, что курс рупии, искусственно (по закону) установленный на 12½% выше по сравнению с фунтом стерлингов, после отмены золотого стандарта фунта стерлинга вырос (сам по себе, без закона) на 30–35%. Эта точка зрения явно неправильна и дает почву для мыслей, будто бы экономический кризис в Индии обнаруживает признаки смягчения. Рупия после отмены золотого стандарта была обесценена больше чем на 30%. Ничтожные биржевые колебания бумажной рупии происходят в результате того, что английский империализм держит в своих руках все командные высоты, в том числе политическую власть, и производит всякие манипуляции (казначейские знаки, увеличение и сокращение денежной массы, банковский процент и т. д.), которые ничем не отличаются от его политики прошлых лет. Это можно видеть например по курсу рупии прошлых лет (см. таблицу на стр. 11).

Таким образом денежная система, являющаяся у английского империализма одним из дополнительных методов внеэкономического грабежа, также подтверждает, что вывоз золота является резуль-

Январь	1925 г.	1 рупия	= 1	шилл.	$6^{1}/_{8}$	пенса
„	1926 „	1 „	= 1	„	$6^{3}/_{16}$	„
„	1927 „	1 „	= 1	„	$6^{1}/_{32}$	„
„	1928 „	1 „	= 1	„	$6^{3}/_{16}$	„
„	1929 „	1 „	= 1	„	$6^{1}/_{16}$	„
„	1932 „	1 „	= 1	„	$6^{7}/_{64}$	„

татом разорения трудящихся масс, кризиса производственного аппарата всего народного хозяйства, — здесь суть истины.

Разоряемые трудящиеся слои города и деревни, спасаясь от голодной смерти и стремясь сохранить землю и т. д., вынуждены были выбросить по пониженной (по сравнению с мировой) цене свои ничтожные золотые сбережения, которые при отсутствии нормально функционирующей банковой системы и сберкасс и наличии полуфеодально-ростовщической кабалы представляют собой пока наиболее популярную форму мелких «сбережений», «освященную» всякими бытовыми и религиозными традициями. Колониальное крестьянство вообще продает свою сельскохозяйственную продукцию по ценам, далеко отстающим от мировых цен. Это — проявление неэквивалентного обмена между колониальными и империалистическими странами. Оно нашло свое отражение также в том, что цены промышленных товаров упали значительно меньше, чем цены на сырье колониального крестьянства, угнетаемого империалистической и полуфеодальной кабалой, которую энергично использует национальная буржуазия.

Выбрасывание этого золота, которое получило название «distress gold (нищенское золото)», не является характерным только для Индии, — оно наблюдается в Индонезии и ряде других колониальных стран. Оно характеризует неслыханное разорение не только широких масс крестьянства, но и полузажиточных и части зажиточных слоев города и деревни. Это вынуждены признать индийские буржуазные экономисты и даже английские империалисты.

«Экономист» от 12 марта 1932 г. успокаивает себя тем, что «если даже продажа золота до некоторой степени представляет собой *вынужденную* реализацию золота», то это ничего, ибо растут вклады в банки и т. д. Скрыть что это золото есть результат разорения трудящихся масс очень трудно. Это та же колониальная дань.

На перепродаже этого золота наживаются индийские спекулянты и крупные ростовщики, на этом выигрывает английский империализм. Вывоз золота из Индии за время с 26 сентября 1931 г. по 27 февраля 1932 г. равнялся 513 млн. рупий. Путем выкачки золота из Индии английские империалисты надеются покрыть свой заем в... 80 млн. ф. ст. САСШ и Франции. Выпуская бумажные рупии, т. е. прибегая к помощи печатного станка, англо-индийское правительство скупает золото, вывозит его в Англию, меняет на бумажные фунты стерлингов, которые привозит в Индию, и из них покрывает свои «долги» (!) Английскому госбанку, т. е. по сути дела вторично грабит индийский народ.

Таким путем английско-индийское правительство выплатило 15 млн. ф. ст. Лондону и затем нагло, устами министра по делам Индии, заявило, что это свидетельствует о начале нового подъема в Индии. Британский империализм, введя правительственный курс

рупии, по признанию Брейлсфорда и др., положил себе в карман $12\frac{1}{2}\%$ премии за ограбление индийского народа. Манипуляция с курсом рупии, монополия в банках, тарифы и т. д., — все эти каналы использует английский империализм. Манипуляция с казначейскими знаками (Treasury bills), закупка и продажа бумажных стерлингов, произвольное сокращение или увеличение количества бумажных рупий и образование таким образом то искусственного голода на бумажные рупии, то переполнения и т. д. и т. п. — все это британский империализм пускает в ход для ограбления народа, ослабления своих конкурентов и иногда временного приукрашивания общего состояния в стране. А некоторые горе-ученые, проглядывая фактическое обесценение денег и ограбление масс, говорят об удивительном событии — о длительном поднятии (!) курса рупии на 1 пенс выше официального курса.

Выкачку золота английские империалисты стремятся изобразить как нормальный ход вещей, сводящийся к тому, что индийские дельцы, раджи и пр. используют разницу в цене золота. Индийские буржуа вынуждены признать, что золото получается в результате разорения трудящихся масс; но не об этом они беспокоятся. Индийская буржуазия думает не об улучшении положения трудящихся масс, а требует только того, чтобы это золото не уходило из страны и было использовано для создания Резервного банка (Reserve Bank), т. е. в интересах индийских эксплоататорских классов. На конференции Федерации торговых палат («Хиндустан Таймс» от 28 марта 1932 г.) мистер Бхат потребовал, чтобы правительство собрало 100 крор рупий и скупило «золото нищеты и отчаяния» не меньше чем на 56 крор рупий. *Дискуссия о «золоте отчаяния» лишний раз подчеркивает антинародный характер буржуазии и ее политического органа Национального конгресса.*

Разорение масс и выкачка золота непосредственно связаны также с ростом налогового обложения и задолженности рабочих, крестьян и городской бедноты. Для иллюстрации налогового обложения приведем несколько цифр.

В 1929/30 г. обложение с 201 крор рупий ввоза равнялось 33 крор рупий, а в 1930/31 г. обложение с 105 крор рупий ввоза равнялось 21 крор рупий, т. е. имелось сильное увеличение таможенных пошлин. В этом же 1931 г. были увеличены железнодорожные фрахты не меньше чем на 15%, был увеличен налог на соль, керосин и т. д. Минимальный размер валового дохода, с которого брался подоходный налог в 1930 г., равнялся 2 тыс. рупий, в 1931 г. облагался уже доход в 1 тыс. рупий, т. е. огромный слой служащих, ремесленников и т. д. был впервые подвергнут прямому обложению и увеличен налог на прежние слои. Не останавливаясь на этом, империалисты готовят введение *нового косвенного обложения на продукты питания и широкого потребления,* направленного против широчайших масс крестьянства, пролетариата и городской бедноты.

Несмотря на огромный рост налогового обложения, бюджетный дефицит в 1931 г. равняется 13,5 крор рупий плюс к этому дефицит по отдельным провинциям и т. д. и т. п. Дефицит растет, налоговое обложение увеличивается, нищета растет, железнодорожное строительство почти совсем прекратилось, торговля замирает, произ-

водство сокращается, и на этом фоне *растут* расходы на полицию, армию, тюрьмы и весь аппарат кровавого угнетения и закабаления индийского народа. Все эти данные свидетельствуют о дальнейшем разорении трудящихся масс, сокращении внутреннего рынка и о дальнейшем обострении экономического кризиса.

В связи с этим необходимо отметить, что те индийские коммунисты, которые предсказывали в конце 1930 г. начало «бума» (подъема в промышленности), жестоко ошиблись. Методологический корень их ошибки заключался в том, что, вместо того чтобы брать экономику (и тенденции ее развития) всей страны в целом, учитывая при этом ее взаимодействие с мировым рынком, они поверхностное, незначительное оживление в хлопчатобумажной промышленности, вызванное движением бойкота английских товаров, посчитали всеопределяющим. Они не сумели временные поверхностные явления отличить от глубоких, основных тенденций развития.

Обнищание трудящихся масс

Еженедельник «Махрата» констатирует, что из каждых 16 анн (1 рупия) стоимости своей продукции крестьянин Соединенных провинций потерял вследствие обесценения 11 анн. Это составляет примерно $^2/_3$, а правительство дает ему временную уступку в отношении сбора налога в размере 2 анн 7 пай.

Правительственная комиссия Соединенных провинций вычислила, что сельская задолженность по провинции поднялась до 120 крор рупий. Журнал «Кэпител» сообщает от 17 сентября 1931 г., что «вследствие падения цен более чем на 50% задолженность крестьянства Пенджаба выросла вдвое. Считают, что если сельскохозяйственная задолженность Пенджаба выросла с 90 крор в 1921 г. до 135 крор рупий в 1929 г., то в 1931 г. она превосходит 270 крор рупий».

Оперируя данными Комиссии по исследованию деятельности банков, «Таймс оф Индия» от 14 сентября 1931 г. писала, что долг крестьянства в Бенгалии в 1929 г. равнялся 100 крор рупий, теперь с падением цен долг вырос до 150 крор или больше.

В отчете местного комитета Национального конгресса сказано, что, в то время как падение цен на 52% совершенно разорило арендаторов, правительство временно уменьшило свои поборы на 6%, а помещики временно снизили арендную плату на 7% каждый. *Таким образом в 1931 г. разоряющееся крестьянство должно платить еще больше налогов, ренты, процентов, чем в прошлые годы.* Министр по делам Индии заявил 1 марта в парламенте, что вследствие падения цен на сельскохозяйственные продукты задолженность многих крестьян выросла на 70%. В таких условиях отдельные незначительные уступки империалистов и феодалов не в состоянии облегчить положения крестьянства, приостановить обострение кризиса и связанный с ним дальнейший рост аграрного движения.

Стихийное движение неплатежа ренты, долгов, налогов таким образом *имеет самую солидную экономическую почву.* Случаи отказа от выплаты долгов участились настолько, что сумма обраща-

ющегося ростовщического капитала в Соединенных провинциях сильно уменьшилась. Правительственная комиссия Соединенных провинций в своем отчете отметила: «Ссудный капитал для целей займа составляет теперь только от половины до четверти той суммы, которая обычно была доступна для кредита» до начала кризиса.

В ряде районов страны царит форменный голод, имеется много фактов продажи детей. Продажа земли за недоимки принимает массовый характер.

Газета «Хинду» сообщает, что в одном округе свыше 300 крестьян бросило свои участки земли, не будучи в состоянии уплатить долги и налоги. Такие сообщения начинают все более учащаться, равно как и случаи насильственного выселения с земли за неплатеж долгов, налогов и арендной платы. В последнее время началась распродажа земель даже мелких помещиков. Об этом поступают многочисленные сообщения из Бенгалии, частично Мадрасского президентства и т. д. Газета «Адж» от 1 апреля 1932 г. сообщает, что 250 владений продаются в Динапуре за неуплату земельного налога. «Модерн Ревью» в мартовском номере 1932 г. сообщает о том, что в Бенгальском законодательном собрании было указано, что с июля 1931 г. до января 1932 г. за невзнос земельного налога было продано 13 455 земиндарских имений.

Положение рабочих становится все хуже и хуже. Многочисленные факты свидетельствуют об оголтелом наступлении предпринимателей и правительства на нищенский жизненный уровень индийского пролетариата. Для иллюстрации приведем ряд данных из буржуазных источников, отнюдь не заинтересованных в том, чтобы изобразить обстановку хуже, чем она есть.

«Кэпител» от 7 января сообщает, что зарплата горняков понижена в 1931 г. на 33½%. Зарплата углекопов уменьшена с 9 анн в день до 6, зарплата джутовых рабочих упала до 1 рупии 4 анн в неделю (цитируем по «Либерти»). Официальный отчет сообщает, что рабочий золотых копей в Майсоре получает настолько ничтожную зарплату, что в состоянии тратить на члена семьи не больше 2 анн в день, т. е. на 20—30% ниже минимума, затрачиваемого на содержание уголовных преступников в тюрьмах. Зарплата работниц рисовых фабрик в Калькутте была снижена с 8 анн до 4 анн в день при 12-часовой работе.

В одном Бомбее насчитывается свыше 70 тыс. безработных, на железных дорогах выброшено на улицу свыше 50 тыс. рабочих. Свыше 120 тыс. железнодорожников работает неполную неделю; неполную неделю работают все джутовые рабочие. В 1931 г. было выброшено на улицу свыше 75 тыс. джутовых рабочих.

В Бомбее сокращенная неделя в железнодорожных мастерских означает, по данным реформистских профсоюзов, 40% сокращения зарплаты.

Растет интенсификация труда: текстильщиков переводят на большее число веретен и ткацких станков. Сокращение зарплаты и увольнение рабочих коснулись угольной промышленности, предприятий Тата, чайных плантаций. С 1 января 1932 г. правительство сразу сократило зарплату всех железнодорожников на 10% и начало проводить 10-процентное сокращение зарплаты всех госу-

дарственных служащих, в том числе почтовых. Вместе с тем увеличивается квартплата: так на предприятиях Тата квартплата была повышена на 50%.

Безработные никакого пособия не получают; задолженность рабочих растет. Неполная рабочая неделя сопровождается удлинением рабочего дня. Все это — на фоне сохранившихся кабальных порядков, о которых уже не раз сообщалось в печати: 12—14-часовой рабочий день, штрафы, выплата зарплаты раз в месяц, зависимость от джоберов и ростовщиков, бесправие и т. д. и т. п.

На фоне растущей голодовки широчайших масс населения увеличиваются эпидемии, смертность. По подсчетам индийских докторов, от одного туберкулеза ежегодно умирает около миллиона человек, а средняя продолжительность жизни упала за последние несколько лет с 25 до 22 лет (Патна, «Индийская нация» от 15 февраля 1932 г.).

Мистер Брокуэй, представитель империалистической независимой рабочей партии, в своей книге «Восстающая Индия» принужден был признать, что «средняя продолжительность жизни в Индии упала с 30,75 лет в 1881 г. до 23,5 в настоящее время» (стр. 19). Он был вынужден признать рабский, хищнический, грабительский характер британского империализма.

Итак на основе углубляющегося кризиса и увеличивающейся эксплоатации со стороны империалистов, помещиков, ростовщиков и индийских капиталистов неслыханно усиливаются разорение и обнищание трудящихся масс, все более суживается внутренний рынок, растут голод и смертность, растет ненависть рабочих и крестьянских масс против существующей системы кабалы, голода и рабства. На этом фоне растет недовольство предательской политикой Национального конгресса, все более широкие слои рабочих и крестьян начинают отходить от буржуазного Национального конгресса и переходить на сторону революционной программы борьбы за национальное и социальное освобождение.

Б. Политика британского империализма

Тенденция развития внешней торговли в Индии последних лет свидетельствует о том, что доля Англии неуклонно падает. В 1931 г. по сравнению с 1930 г. доля Англии упала с 39 до 34%.

Еще более разительна картина падения импорта хлопчатобумажных товаров в Индию. Любопытно с этой точки зрения изучить таблицу английского экспорта, составленную Манчестерской торговой палатой.

Годы	Общее количество (в млн. ярдов)	Общая стоимость (в млн. ф. ст.)
[illegible]	1 542	30,4
1929	1 374	26,1
1930	778	13,7
1931	390	5,5

Снижение импорта в Индии огромное, особенно если учесть что в 1913 и 1914 гг. было ввезено в Индию из Англии около

3 млрд. ярдов хлопчатобумажных тканей. В это же время доля Японии беспрерывно росла. В том же отчете указано, что количество хлопчатобумажных тканей, ввозимых Японией, дошло с 90 млн. ярдов в 1921/1922 г. до 562 млн. ярдов в 1929/30 г., т. е. выросло на 600%.

Данные, которые приводит бомбейская газета «Таймс оф Индия», немного расходятся с приведенными, но и они рисуют ту же самую картину.

В то время как доля Англии уменьшилась с 1 276 млн. ярдов в 1929 г. до 357 млн. ярдов в 1931 г., доля Японии упала всего лишь с 521 млн. ярдов в 1929 г. до 336 млн. ярдов в 1931 г., т. е. почти сравнялась с Англией.

Борьба за индийский рынок наблюдается не только со стороны Японии, но также и со стороны САСШ и ряда других государств. Так например в области гальванизированного железа Англию начала вытеснять Бельгия. Обострение кризиса, конкуренция империалистических держав и общая тенденция ослабления позиций английского империализма привели английскую буржуазию к плану о выходе из кризиса и укреплении своих позиций через укрепление Британской империи, усиление эксплоатации колониальных народов и английского рабочего класса.

Исходя из этого, английский империализм стремится провести систему преференциальных (предпочтительных) тарифов и при помощи пошлин и ряда других мероприятий (экономического и административного характера) обеспечить за собой внутриимперский рынок. То же в отношении Индии. В последнее время в Индии проводится ряд преференциальных тарифов (на хлопчатобумажные товары, металл и т. д.). Даже укрепление внутреннего рынка Британской империи, ослабление позиций конкурентов не помогут британскому империализму. Помимо обострения противоречий, усиления подготовки к войне и жестокой таможенной войны в настоящее время Англия слишком зависит и связана с европейскими и американским рынками.

На этом пути британский империализм ищет выхода из кризиса. Послевоенное развитие индийской экономики, особенно в годы 1930—1931, показало, что в области хлопчатобумажных товаров (низших и средних сортов) Англия потеряла индийский рынок. Английский экспорт, состоявший в значительной мере из текстиля, должен изменить свой характер. Это изменившееся положение британский империализм пытается использовать в своих переговорах с индийской буржуазией об условиях соглашения. Британский империализм пугает индийскую буржуазию конкуренцией японских текстильных товаров (которая действительно принимает серьезные размеры), предстоящей, как утверждает «Кэпител» в номере от 7 апреля 1932 г., конкуренцией со стороны СССР в области пшеницы, льна, конопли и т. д. на европейском рынке, затем угрозой контрмер против индийской буржуазии в Англии, в доминионах и британских колониях и наконец значением своей армии и флота в борьбе как против революции в Индии, так и против внешних нападений. «Кэпител» убеждает индийскую буржуазию в том, что в ее интересах добровольно поддержать Британскую империю и систему

преференциальных тарифов, обещая оставить ей индийский рынок для хлопчатобумажных товаров — грубых и средних сортов, обеспечить для этих же товаров рынок остальных английских колоний (в Африке и т. д.), где сейчас растет японская конкуренция, и дать некоторые дополнительные уступки экономического и «конституционного» характера.

Политика британских империалистов в Индии сводится к тому, чтобы укрепить свое экономическое и политическое господство. Борясь с революционным народным движением, в целях предотвращения и разгрома индийской революции империалисты, с одной стороны, действуют методами террора: десятки тысяч рабочих, крестьян и революционной молодежи брошены в тюрьмы, по всей стране свирепствуют карательные отряды, введено осадное положение, уничтожена всякая видимость закона, расстреливаются тысячи рабочих и крестьян, применяются все виды оружия, вплоть до авиации. С другой стороны, империалисты готовы итти на небольшие экономические и политические уступки индийской буржуазии для привлечения ее на свою сторону. Эти уступки (размер которых определяется степенью мощности народно-революционного движения) в области экономической идут в *общем по линии сохранения Индии как аграрно-сырьевого придатка метрополии*, а в области политической — по линии привлечения эксплоататорских классов к некоторому участию в управлении при обеспечении интересов и господствующего положения английского империализма. Для оценки его интересно отметить передовую «Таймса» от 3 мая 1932 г.:

«Чрезвычайные законы («ordinances») сами по себе ничего не решают... Имперское правительство должно дать подлинное доказательство, что его слово есть обязательство и что окончание работ комиссии конференции «круглого стола» означает начало практического проведения реформ... чем скорее, тем лучше, ибо нет иного постоянного решения индийской проблемы».

Британский империализм не напрасно волнуется, ибо все факты говорят о том, что террор не сумел придушить революционное движение, которое в условиях углубляющегося кризиса принимает все более серьезные размеры, втягивая миллионы крестьянства, создавая предпосылки к революционному восстанию трудящихся масс. Но уступками британский империализм не в состоянии разрешить существующие противоречия. Наоборот, они поведут к дальнейшему развертыванию революционной борьбы, ибо лишний раз продемонстрируют контрреволюционный характер индийской буржуазии.

Все события последних лет кризиса свидетельствуют о том, что противоречия между британским империализмом и интересами развития производительных сил Индии не ослабевают. Даже те уступки, на которые идут империалисты, говорят о том, что английский капитал не в состоянии разрешить проблемы национального рынка для индийской промышленности. Основные экономические противоречия между интересами развития производительных сил Индии и интересами британского империализма остаются. Антинародный характер индийской буржуазии как раз больше всего проявляется в том, что, выступая против индийской революции, он предает основные интересы экономического и политического развития страны.

Индийская буржуазия страшится народной революции и, борясь вместе с империалистами против нее, идет на соглашение с ними, не отказываясь от того, чтобы использовать каждую выгодную ситуацию для того, чтобы выклянчить новые уступки, увеличить свою долю в эксплоатации народных масс.

В области экономических уступок британский империализм провел в последнее время протекционистские тарифы для бумажной, сахарной, шелковой (искусственный шелк) и хлопчатобумажной промышленности и оказал значительную помощь предприятиям Тата, охраняя при этом свои интересы.

Помощь индийской хлопчатобумажной промышленности была проведена так, чтобы подорвать конкуренцию Японии и оградить интересы Ланкашира. Ибо одновременно с введением предпочтительных тарифов империалисты ввели пошлину на импортный хлопок, необходимый для выработки тканей лучших сортов, т. е. ослабили позиции индийской буржуазии в борьбе против Ланкашира.

Соглашаясь на отдельные уступки, британский империализм стремится направить индийский капитал в сельское хозяйство и в те отрасли промышленности, которые связаны с непосредственной переработкой сельскохозяйственных продуктов и не усиливают противоречий с Англией, одновременно стремясь укрепить свое влияние также путем широкого переплетения и сращивания с индийским капиталом, как это имело место в джутовой промышленности.

Переговоры еще не окончились. Индийская буржуазия требует еще уступок, требует своего права участвовать в использовании части госбюджета, настаивает на том, чтобы часть военных расходов была отнесена за счет Англии, требует создания Резервного банка для поддержки индийского капитала и участия в управлении финансовой системой страны, введения покровительственных пошлин, выступает против выделения железнодорожного бюджета из общегосударственного (этим путем англичане пытаются укрепить и обеспечить свое руководство на железных дорогах) и т. д. и т. п.

Британский империализм, ведя переговоры с индийской буржуазией, последовательно защищает интересы своих феодальных союзников, встречая в этом поддержку той части индийской буржуазии, которая связана с помещичьим землевладением и ростовщическим капиталом.

В области государственного управления страной британский империализм готов привлечь буржуазию к большему участию в госаппарате, увеличить процент участвующих в выборах в законодательные собрания, дать последним больше самостоятельности в деле руководства здравоохранением и т. п., даже дать им право распоряжаться 12—20% госбюджета, конечно сохранив право вето за вице-королем и т. п., одновременно выдвинув схему федерации, которая по этому плану должна при помощи князей, помещиков, духовенства и прочих реакционных групп укрепить власть империалистов и феодальных групп с привлечением индийской буржуазии. Развивая свою схему феодально-федеральной колониальной Индии, британский империализм стремится создать такой государственный порядок, который дал бы ему возможность наиболее надежным образом сохранить и закрепить свое господство над Индией, используя

с этой целью до максимума феодальные пережитки и всякие противоречия (национального, религиозного и прочего характера). Строя федерацию, британский империализм, укрепляя свою власть, возможно создаст Резервный банк, укрепив в нем свое руководящее влияние при помощи реакционных групп, связанных с британским империализмом. Английский империализм, ведя переговоры, в то же время пускает в ход все средства давления, стремясь обострить внутренние противоречия. Одним из важнейших его методов в этом направлении является попытка искусственного разжигания национальных разногласий.

Конституция, которую империализм пытается провести, имеет своей целью не только укрепить английское иго, но и сплотить эксплоататорские классы для борьбы против индийского народа, против индийской революции.

Конституция, которую разрабатывает британский империализм, по сути дела довольно близка к тому проекту конституции, который выработала индийская буржуазия. Проект, выработанный комиссией, состоящей из представителей всех партий под представительством Неру, и утвержденный Национальным конгрессом, представляет собой основной документ индийской буржуазии всех оттенков и течений. С этим документом буржуазия выступила в 1929 г., за него она борется в настоящее время.

Вместе с тем британский империализм требует от индийской буржуазии лойяльности, поддержки Британской империи и системы предпочтительных тарифов, а также поддержки британского империализма в его борьбе против Советского союза. Британский империализм стремится обеспечить себе поддержку индийской буржуазии для борьбы с другими империалистическими странами, поставившими на очередь дня новый передел мира (САСШ и др.), как это было в 1914—1918 гг.

В. Конференция „круглого стола" и Национальный конгресс

Работа второй сессии конференции «круглого стола» внешне окончилась разрывом с Национальным конгрессом, но на деле фактический разрыв не наступил, переговоры продолжаются, борьба за размер уступок еще не окончена. Основная причина того, что переговоры еще не привели к формальному соглашению, заключается в том, что в условиях не прекращающегося экономического кризиса и растущего разорения народных масс огромный подъем революционной борьбы крестьянских и рабочих масс заставил Национальный конгресс выступить с «левым» маневром для дезорганизации, предупреждения народного восстания, стремясь в то же самое время добиться дополнительных уступок у британского империализма.

Ряд заявлений вождей Национального конгресса это подтверждает. Г-н Ганди по возвращении в Индию послал лорду Ирвину телеграмму, в которой, оправдывая решение Национального конгресса об объявлении движения бойкота, заявил: «Прошу верить мне. Я пытался, как мог, но не удалось. Тем не менее я не теряю на-

дежды с божьей помощью сохранить то отношение, которое мы установили во время наших переговоров в Дели. Я не подведу ваше доверие». Да, доверие английских империалистов Ганди вполне оправдает.

Один из «левых» вождей Национального конгресса, Субхаш Боз, в своем интервью в «Бомбей Кроникл» от 28 декабря 1931 г. подтвердил эту мысль еще яснее: «Эти декреты (речь идет о чрезвычайных декретах английского правительства, вводящих осадное положение) могут вызвать в народе чувства беспокойства и нетерпения, но именно задачей Национального конгресса является предотвратить возможность направления народной энергии по нездоровому руслу. Если конгресс развернет движение в ответ на вызов правительства, заключающийся в издании чрезвычайного декрета, можно будет удержать это движение в пределах непротивления. Но если конгресс не возьмет на себя руководящую роль, предстоит опасность, что народная энергия будет растрачена и направлена в ненадлежащее русло».

Смысл заявления вождя «левых» национал-реформистов вполне ясен: если не взять инициативу «выступления» в свои руки, то может получиться стихийный революционный взрыв и трудящиеся массы, отбросив в сторону предательскую теорию ненасилия, поднимут всенародное революционное восстание против империалистов, помещиков и всех прочих паразитов и уничтожат существующую систему национального порабощения и социальной кабалы.

Крестьянские массы левеют, миллионы пришли в движение, число стихийных выступлений растет, в Бирме и Кашмире происходит партизанская война, в Соединенных провинциях движение неплатежа налогов и ренты начинает проводиться по инициативе крестьян, в ряде районов крестьянство начинает с недоверием относиться к Национальному конгрессу и отходить от него, — все это приводит в ужас индийскую буржуазию. Буржуазный Национальный конгресс боится того, что антиимпериалистический и аграрный потоки начинают все больше смыкаться и что в отдельных районах элементы национальной войны налицо.

Огромное развитие рабочего движения, растущий отход рабочих масс от Национального конгресса заставляют индийскую буржуазию предпринимать всяческие маневры к тому, чтобы удержать свое влияние и изолировать коммунистов, укрепить свои позиции в профсоюзном движении.

Весь опыт классовой борьбы последних лет, а также усиливающаяся работа коммунистов способствуют разоблачению Национального конгресса и его официальной идеологии — гандизма. Гандизм выражает интересы буржуазии и связанных с ними слоев помещиков и резко враждебен революционному народу. Разоблачение классовой сущности гандизма является первоочередной задачей, и здесь нельзя допускать никаких послаблений. Поэтому следует признать вредным истолкование гандизма как своеобразного народничества, отказывающегося от борьбы за «национальные» интересы буржуазии и т. д., допущенное в книжке Рославлева «Гандизм». Тов. Рославлев дает весьма несуразные оценки гандизма: «*Ради изгнания* машины из Индии Ганди согласен отказаться *даже* от

свободы Индии»; для Ганди «аскетизм... идеал поведения человека будущего общества»; «следовательно Ганди, *хочет он того или не хочет*, опять пришел к тому, что своей реакционной проповедью он *помогает* современной буржуазии укреплять свое господство»; «Ганди борется за общину». Объясняя, почему Ганди призывал индийцев служить в армии во время 1914—1917 гг., т. Рославлев утверждает: «Потому, видимо, что этот принцип всепрощающей любви пригоден лишь для области чистой математики, а не реальной жизни. Потому что реальная жизнь потребовала от него «группового» или «национального» эгоизма, *против которого* он так ополчается». Выходит, что Ганди против буржуазного национального движения. Все эти приведенные формулировки, свидетельствуя о серьезных ошибках и путанице у автора «Гандизма», лишний раз подтверждают, что нам и индийским коммунистам крайне необходимо широко разоблачать и разъяснять классовую природу гандизма, разоблачать все его маневры, показать его классовое содержание, прикрытое мистической, лживой мишурой (которую некоторые горе-марксисты, приняв за чистую монету, с ученым видом вздумали опровергать).

Тов. Сталин дал отчетливую характеристику Ганди в своем докладе на XVI съезде ВКП(б): «Что касается помощников (английских империалистов. — *М.*) типа Ганди, то царизм имел их целое стадо в лице либеральных соглашателей всякого рода». Из этого положения следует исходить при оценке гандизма, и нечего вносить путаницу, ибо она мешает борьбе и разоблачению национал-реформизма. О Ганди и гандизме ясно и определенно сказано в платформе действия коммунистической партии Индии, и индийские коммунисты не имеют никаких оснований пересматривать свою точку зрения и обязаны решительно бороться с теми, кто выступает против платформы действия компартии Индии.

Буржуазия, чувствуя, что на одном гандизме не выедешь, помимо новых «левых» маневров, направленных на укрепление авторитета Национального конгресса и его вождей, стремится использовать «левые» отряды национал-реформизма, в том числе и наиболее опасную его разновидность — роевскую.

Трудящиеся массы левеют, буржуазия, прикрываясь «левыми» маневрами, идет направо. Классовая борьба обостряется, размежевка идет усиленным темпом; все более широкие слои трудящегося населения под ударами кризиса и под влиянием уроков классовой борьбы и освободительного движения начинают переходить на сторону революционных методов борьбы, ищут революционной программы и революционного руководства.

II. РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС ИНДИИ И ПОЛИТИКА „ЛЕВОГО" НАЦИОНАЛ-РЕФОРМИЗМА

Городская мелкая буржуазия

В массовом движении 1930 г. городская мелкая буржуазия принимала большое участие. Из ее рядов Национальный конгресс вербовал значительную часть своих волонтеров и низовых организаторов.

Опираясь на нее, буржуазия стремилась укрепить свое влияние среди рабочих и крестьянских масс.

Материальное положение мелких ремесленников, торговцев и служащих и до кризиса было тяжелое. В условиях колониального порабощения и полуфеодальной системы кабалы, при сохранении феодальных пережитков во всем общественном укладе страны, на фоне общей нищеты, забитости, отсталости народных масс и связанной со всем этим ограниченности внутреннего рынка — положение городской мелкой буржуазии представляло и представляет печальную картину.

Английский империализм, препятствуя развитию производительных сил страны, поддерживая все отсталое и отжившее в общественном строе Индии и установив свою монополию в государственном аппарате, преградил путь применения и правильного использования сил индийской интеллигенции. Вопрос о массовой безработице среди интеллигенции является одним из наиболее жгучих вопросов индийской действительности последних 15—20 лет.

Кризис 1930—1931 гг. еще больше ухудшил положение трудовых слоев мелкой буржуазии. Безработица среди интеллигенции и служилого люда значительно выросла. Среди увольняемых на железных дорогах, фабриках, учреждениях и т. д. имеется значительный процент клерков, железнодорожных служащих и т. п. Имеются безработные инженеры, учителя и лица свободных профессий. Правительство провело 10-процентное снижение зарплаты всех почтовых и железнодорожных служащих и в то же самое время ввело прямой налог на тех, чей заработок равняется 1 тыс. рупий в год, и косвенное обложение на предметы широкого потребления. Выросла квартирная плата и всякие местные поборы, как то: плата за воду, электричество, трамвай и т. п. и т. д. Все это еще больше ухудшило положение мелкого люда.

Положение интеллигенции, мелких торговцев и ремесленников стало значительно хуже. Часть «нищенского золота» представляет их сбережения, выбрасываемые на рынок в результате разорения и голодовки. Потребление риса худших сортов взамен лучших возросло. Такой процесс происходит не только в городе, но и в деревне. Многие мелкие помещики и мелкие посредники также разоряются; некоторые из них принуждены отдавать свою землю, будучи не в состоянии покрыть свою задолженность. Такой источник дохода, как заработок в городе, который получали некоторые члены их семей, сплошь и рядом начинает иссякать или уменьшаться.

В результате злоба и отчаяние растут, усиливаются ненависть и желание бороться против английского империализма, создается почва для усиления недовольства политикой буржуазного Национального конгресса, происходит процесс диференциации и отхода от национальной буржуазии.

Этот процесс проявляется в ряде фактов.

В последнее время наблюдается огромное усиление террористического движения, против которого единым фронтом выступают Национальный конгресс и британские империалисты. Развитие тер-

рористического движения (в рядах активных участников которого впервые выступили женщины) в последнее время сопровождается процессом поворота к массовой борьбе. С этим связано растущее внимание к марксизму (процесс Бхагат-Синга, судебные выступления, отдельные листовки, интерес к марксистской литературе и т. д.). Террористические группы выступают за независимость Индии, отрицая гандистское ненасилие, однако оставаясь в области социально-экономических воззрений на почве буржуазной программы. Процессы размежовки, которые ныне идут в их рядах, представляют собой не только отображение растущего недовольства революционных элементов мелкой буржуазии национал-реформизмом в области борьбы за национальное освобождение, но также и проявление растущего убеждения некоторых слоев в том, что независимость может быть достигнута только на путях революционного народного восстания, направленного против английских империалистов и их феодально-ростовщических союзников в стране.

Разочарование политикой Национального конгресса и процесс отхода от него ярко проявляются в молодежных, студенческих и прочих организациях. Они проявляются в выступлениях против Национального конгресса, с одной стороны, и в массовом повороте к социализму — с другой.

Газета «Адванс» сообщает, что Всебенгальская студенческая ассоциация создала рабочую подкомиссию, которая созвала собрание всех тех, кто «верит, что полная независимость Индии может быть осуществлена только тогда, когда рабочий класс завоюет гегемонию в национальной революции». На этом собрании было решено принять энергичное участие «в организации рабочих на основе социалистической программы и усиления пролетарского молодежного движения». На одной из конференций студенческой молодежи были вывешены плакаты: «Долой буржуазный Национальный конгресс!»

Бомбейская организация «Науджаван Бхарат Сабха», руководимая «левыми» национал-реформистами, под давлением настроений радикальных элементов студенческой молодежи осудила участие Национального конгресса на конференции «круглого стола» «как предательство борьбы за независимость». Такие факты имели место в ряде других районов страны (Пенджаб и т. д.). Движение за социализм, которое «левые» национал-реформисты пытаются обезвредить и лишить революционного содержания, распространяется по всей стране. Сообщения об организации кружков, союзов молодежи для изучения социализма становятся все многочисленнее. Учащаются попытки созыва социалистических конференций.

Газета «Хиндустан Таймс» сообщала, что «Науджаван Бхарат Сабха» в Соединенных провинциях решил созвать социалистическую конференцию молодежи, которая верит в то, что социализм есть единственный метод освобождения Индии. Цель конференции — «координировать и систематизировать действия социалистических обществ, групп, партий и лиц».

Рост недовольства политикой Национального конгресса заметен не только в рядах союзов молодежи и учащихся. Он проявляется также среди рядовых сторонников Национального конгресса. В Бомбее

рядовые сторонники Национального конгресса принимали участие в сжигании на улицах города иностранных товаров, что дало повод «Бомбей Кроникл», органу Национального конгресса, обозвать их хулиганами. В ряде мест, в Бенгалии, Соединенных провинциях и др., рядовые сторонники конгресса выступали активными организаторами движения неплатежа налогов, арендной платы — в то время как вожди конгресса, выступая активно против нее, не останавливались перед тем, чтобы изобразить выступления крестьян как «религиозно-национальную» борьбу. Аллахабадская газета «Лидер» сообщает о ряде фактов, когда по инициативе рядовых членов конгресса в деревнях были созданы «ассоциации неплательщиков ренты», начинавших пикетировать дома лендлордов, требуя снижения ренты вне зависимости от снижения налогов правительства. Комитет конгресса Дели опубликовал заявление, в котором отказался от признания этих ассоциаций, и дезавуировал пикетирование лендлордов, вызвав своим постановлением недовольство крестьян.

Активность городских низов *в последнее время возрастает.* Относительное спокойствие, которым было встречено введение чрезвычайных законов и арест вождей конгресса, сменяется сейчас растущим оживлением низов, причем *инициатива выступлений принадлежит главным образом рядовым участникам национального движения.* Характерным в этом отношении является выступление бывшего конгрессиста Паткара, перешедшего в ряды Бомбейского союза рабочей молодежи. Он заявил: «Рабочие получили хороший и твердый урок из рук предательского руководства... и время пришло, когда рабочие сами должны взяться за руководство политической борьбой» («Бомбей Кроникл» от 23 ноября 1931 г.).

Еще ярче этот процесс проявляется в рабочем движении. Недаром группа Роя заговорила *сейчас* о том, что борьбу за Учредительное собрание следует увязать с перспективой «восстания», причем группа Роя одновременно саботирует и дезорганизует революционную борьбу трудящихся масс (ж.-д. стачку и т. д.).

Борьба против империализма, за национальное освобождение в условиях кризиса сейчас не только не стихает, а, наоборот, принимает более отчетливый и повсеместный характер. Если национальная буржуазия по сути дела движется направо, то среди значительных слоев городской мелкой буржуазии растет активность, растет сопротивление империализму. Это в настоящее время облегчает задачу разоблачения предательской политики конгресса и его «левого» крыла.

Рост сопротивления со стороны значительных слоев городской мелкой буржуазии против империализма и против предательства буржуазией национальных интересов имеет место сейчас не только в Индии, но также и в Китае и ряде других колониальных стран и должен быть учтен коммунистами в борьбе против империализма, за национальное и социальное освобождение трудящихся масс.

Крестьянское движение

Платформа действия компартии Индии правильно отметила: «Землевладение помещиков, туземных князей, ростовщиков и остат-

ки крепостничества в землевладельческом строе Индии, а следовательно и во всех социальных и политических учреждениях ее являются главным устоем британского господства».

Средневековое землевладение, ростовщическая кабала, подпираемая всей системой империалистической эксплоатации, привели сельское хозяйство в состояние деградации, а обнищание, разорение и порабощение крестьянских масс дошли до неслыханных размеров.

Подавляющее большинство индийского крестьянства — беднота — не в состоянии обеспечить воспроизводства своего нищенского хозяйства. Яркой иллюстрацией деградации сельского хозяйства могут послужить данные об экспорте и импорте пшеницы:

Годы	Экспорт	Импорт
	(в тоннах)	
1929/30	12 400	294 900
1930/31	195 300	124 300
1931/32	19 600	111 300

Аграрная Индия даже в период острейшего кризиса принуждена ввозить пшеницу из-за границы. При таком положении, когда в Индии, которая по праву могла бы стать одной из житниц мира, необходимость ввозить пшеницу стала обычном явлением, — а это одно свидетельствует о деградации сельского хозяйства в результате существующих аграрных отношений, — удары кризиса, свирепствующего третий год, превратили это «нормальное» состояние в катастрофу, которая приводит в движение многомиллионное крестьянство.

Сельская задолженность, достигавшая по самым скромным подсчетам примерно 8—9 млрд. рупий, выросла за годы кризиса, по свидетельству секретаря по делам Индии г-на Хор, в ряде районов почти на 70%.

Земля в провинциях Бенгалии, Соединенных провинциях, Бихар и Орисе, Ассаме почти целиком принадлежит помещикам. Здесь 223 920 поместий охватывают территорию в 89 млн. акров, на которой живет 30% всего индийского населения. При этом преобладают полукрепостнические методы эксплоатации. В таких провинциях, как Бомбейская и Пенджабская, процесс разорения и обеднения крестьянства привел к такому положению, что свыше 3/4 крестьянских хозяйств обрабатывают (свои и арендованные) участки меньше минимума потребного даже для голодного существования. Кризис последних лет и здесь ускорил процесс разорения и эксплоатации крестьянских хозяйств, особенно в монокультурных районах. Голод действительно шествует по стране.

Калькуттская газета «Либерти» от 10 апреля 1932 г. сообщает, что в районе Гайбанда в Бенгалии несколько тысяч крестьян передвигаются с места на место в поисках пищи, не имея уже что заложить. Положение, отмечает «Либерти», хуже прошлогоднего, когда уже были смертные случаи от голода, убийства детей и т. п. «Фри Пресс оф Индия» от 18 октября 1931 г. сообщал, что в районе деревень Жирайв крестьяне от голода умирают на полях. Местный союз молодежи собирает пищу для голодающих кре-

стьян. Сообщая о положении крестьян в Синде, «Бомбей Кроникл» от 10 октября 1931 г. указывал, что «люди не имеют пищи подряд по 3—4 дня, а в некоторых случаях целую неделю. В некоторых районах, не имея зерна, люди питаются травой известной под названием «марира» и «багро». В иных местах нет даже травы, чтобы спасти человеческую жизнь. Женщины остаются внутри домов, не имея что надеть, не будучи в состоянии принести воды для детей». «Бенгали» от 25 ноября 1931 г. сообщает, что около 5 тыс. голодающих крестьян явились просить о помощи в г. Брахмабарма, — многие из них с трудом передвигались от истощения».

В ряде районов имели место голодные бунты. «Ассошиэтед Пресс» сообщает, что в Тенали, Южной Индии, «толпа в тысячу крестьян напала на помещичьи амбары и разгромила их». «Либерти» от 7 ноября 1931 г. сообщает о крупных хлебных беспорядках в районе Лагири — Маконпур, во время которых были разгромлены помещичьи амбары и имели место столкновения с полицией. Количество таких случаев возрастает. *Вместе с разорением растет экспроприация крестьянства.* Комитет Национального конгресса Соединенных провинций отметил, что в провинции «тысячи крестьян уже согнаны с земли и отчаяние и недовольство среди крестьян очень сильны» («Хиндустани Таймс», сентябрь 1931 г.). «Бомбей Кроникл» в марте 1932 г. сообщает, что «ряд земельных владений, принадлежащих мелким крестьянам в Бомбейском президентстве, продается с аукциона ввиду того, что крестьяне не в состоянии платить долги». Газета «Либерти» еще от 5 июля 1931 г. указывала, что «земля продается голодающими крестьянами за суммы, которых хватает на прокормление в течение нескольких дней. В пораженных голодом районах за 1 рупию в день можно нанять 10—12 крестьян».

Такие сообщения все учащаются, они приходят из Мадрасского президентства, Соединенных провинций, Пенджаба и т. д. На фоне безвыходного положения крестьянства растет и углубляется крестьянское движение.

Историю крестьянского движения последних лет можно разбить на следующие этапы. Для первого этапа крестьянского движения (1930 г.) были характерны следующие моменты: а) движение проходило под руководством Национального конгресса; б) основным содержанием была поддержка антиимпериалистического движения; в) аграрные требования не выходили за рамки требования снижения отдельных налогов, права свободно пользоваться пастбищами и т. п.; г) широко распространенных требований, направленных против помещиков и ростовщиков, не было и д) движение в общем носило форму собраний и демонстраций, самовольного пользования пастбищами и неплатежа отдельных налогов по призыву конгресса. Только в отдельных районах (например джутовый район Кишарганж) крестьянское движение прорывало рамки конгресса. В Бирме, в отличие от всей Индии, крестьянское движение приняло форму открытого вооруженного восстания.

К концу первого периода (1930 г.) крестьянское движение начало принимать более серьезный характер. В борьбу начали втягиваться новые силы, все чаще стали выдвигаться требования сни-

жения, отсрочки и отмены уплаты земельного налога, ренты и долгов.

Падение сельскохозяйственных цен в 1931 г., по заявлению секретаря по делам Индии г-на Хора, носившее гигантский характер (если 1913 г. взять за 100, то 1930 г. — 112, а сентябрь 1931 г. — 76), привело к огромному развитию крестьянского движения против уплаты ренты, налогов и долгов. Второй этап (1931 г.) характерен следующим: а) в брожение и движение приведены миллионы крестьянства; б) основными стали требования снижения или отмены (в зависимости от района) уплаты ренты, налогов и долгов; в) аграрное движение начало смыкаться с антиимпериалистическим; г) в отдельных местах начало расти недовольство политикой конгресса и д) количество стихийных выступлений крестьянства начало быстро расти.

Конец 1931 и начало 1932 г. характеризуются новыми явлениями, которые знаменуют переход борьбы крестьянства на новую ступень. Здесь характерны: а) втягивание в борьбу крестьянства ряда туземных княжеств; б) переход стихийных выступлений крестьянства сплошь и рядом в вооруженные столкновения с полицией и войсками, принявшие форму восстания в Кашмире и северо-западной полосе; в) массовые выступления против помещиков и ростовщиков; г) стихийный массовый отказ от платежа ренты, налогов и долгов; д) рост недовольства политикой конгресса, усиление процесса диференциации и влияния городского пролетариата на крестьянство; е) новые «левые» маневры конгресса и ж) террор правительства, прямая попытка разгромить крестьянское движение вооруженными силами, сопровождающаяся отдельными незначительными налоговыми уступками.

Как на первом, так и на втором этапах зажиточное крестьянство, насколько можно судить по газетным данным, принимало участие в движении против британского империализма, в движении за снижение налогов, против полицейского террора и т. д.

Втягивание в борьбу крестьянства туземных княжеств

Наиболее крупным событием в этом отношении является восстание кашмирского крестьянства, связанного с Пенджабом. В этом восстании принимали участие десятки тысяч крестьян, не только захвативших ряд городов, но также помогавших городской бедноте Сринагара — столица Кашмира — провести ряд боев с полицией и войсками. Движение было направлено против феодала-князя, против помещиков и ростовщиков. Оно возникло не только благодаря жестокому кризису в обстановке помещичье-ростовщической кабалы и полуфеодальных методов эксплоатации, но также и под влиянием могучего антиимпериалистического движения в Индии.

Движения в княжествах приняли почти повсеместный характер. «Бомбей Кроникл» от 13 октября 1931 г. сообщает, что «недавно 10 тыс. крестьян эмигрировало из княжества Джхал в Синде, будучи больше не в состоянии терпеть гнет главного министра княжества». Газеты сообщают о восстании крестьян против поме-

щиков в княжестве Патиала; об увеличивающихся беспорядках в княжествах Катиавара, Джиндо, Тонк, Майсор и др. «Ассошиэтед Пресс» от 2 января 1932 г. сообщает о серьезном столкновении между полицией и крестьянами в княжестве Рева, не пожелавшими, чтобы полиция строила дополнительные полицейские посты; было арестовано свыше 300 крестьян. В княжестве Драгандра 500 крестьянок демонстрировали перед дворцом князя в знак протеста против запрещения политических митингов. Демонстрация была разогнана полицией.

Растущая активность крестьянских масс в княжествах, свидетельствуя о могучем движении подымающегося крестьянства против помещичье-феодальных порядков, привела в беспокойство княжеские круги. Махараджа Биканер, выступив по поводу восстания в Кашмире, заявил, что «это является серьезным вопросом не только для князей, но и для всей Индии», и призвал всех заинтересованных в сохранении существующей социальной системы притти на помощь княжествам. Крестьянство княжеств втягивается в общеиндийскую борьбу, и она — в этом махараджа не ошибся — направлена против всей существующей социальной системы.

В Британской Индии крестьянское движение достигло наибольшего напряжения в Соединенных провинциях. Недаром английские владыки считали и считают Соединенные провинции самым «опасным местом».

В течение 1931 г. в Соединенных провинциях нарастало движение в пользу кампании отказа от платежа ренты, долгов и налогов. Вся политика Национального конгресса сводилась к тому, чтобы не допустить этой кампании. В первую половину 1931 г. конгресс оказал энергичное содействие помещикам и британским чиновникам в сборе ренты и налогов. Когда же начало бурно нарастать недовольство крестьян, конгресс был вынужден поставить вопрос о снижении налогов, не забывая в то же время о защите интересов лендлордов. К концу 1931 г., стремясь удержать свое влияние в крестьянских массах, провинциальный комитет конгресса объявил о своей готовности поддержать на известных условиях кампанию неплатежа налогов. Объявив после возвращения Ганди частичную кампанию неплатежа в Соединенных провинциях, конгресс предпринял все, чтобы ее не допустить, и предоставил англо-индийскому правительству свободу действия для кровавого разгрома крестьянского движения (карательные экспедиции и т. д.). Многочисленные факты подтверждают, что, несмотря на террор и маневры конгресса, идет стихийное нарастание крестьянского движения. Сила крестьянского движения проявлялась даже на конференциях и митингах, созванных конгрессом в конце прошлого года. В один и тот же день в ряде округов Соединенных провинций состоялось по призыву конгресса 1 003 собрания, на которых присутствовало свыше 100 тыс. крестьян. На одном собрании в Аджмер-Мерваре на митинге участвовало 8 тыс. крестьян. На крестьянской конференции в Баваре, созванной конгрессом, участвовало больше 30 тыс. человек. На крестьянских митингах (Северо-западной провинции, Бомбейском президентстве и др.) присутствуют десятки и тысячи людей. Стремясь удержать свое

влияние, конгресс поставил перед собой задачу создания крестьянских организаций под своим руководством, привлекая к руководству помещиков, адвокатов и т. д. В округах Андра, где положение крестьян чрезвычайно тяжело, конгресс создал 160 крестьянских ассоциаций, насчитывающих свыше 10 тыс. человек. В 25 округах Соединенных провинций конгрессом были созданы крестьянские общества, задача которых — «помочь крестьянам защищать их интересы законными путями». То же самое конгресс проводит и в других провинциях.

Решения одной из конференций в Соединенных провинциях, приводимые нами ниже, типичны для крестьянских конференций, проходивших под руководством Национального конгресса.

1. Для того чтобы уничтожить нынешнее несчастное положение крестьян и помещиков, рента должна быть уменьшена на 8 анн и соответственно должен быть уменьшен правительственный налог.

2. Водяной налог уменьшить на 30%.

3. Отмена недоимок по ренте.

4. Восстановление крестьян в их арендных правах.

5. Освобождение крестьянства на один год от уплаты дополнительных налогов и подобных долгов...»

Это собрание призывает арендаторов потерпеть и проводить борьбу путем ненасилия, а помещиков присоединиться к арендаторам в этой борьбе» (цитируем по Chashi-mazdur).

Вынужденный под напором крестьянских масс созывать конференции, Национальный конгресс ставил себе задачу добиться подчинения крестьянства и сохранения влияния помещиков, создать единый фронт арендаторов и помещиков в борьбе «за ряд временных налоговых уступок». На таких конференциях помещикам и адвокатам, представителям Национального конгресса, удавалось в течение 1931 г. сохранять свое влияние, оттягивая борьбу крестьянских масс за немедленный отказ от уплаты ренты и долгов и отвлекая их на рельсы ненасилия и «законных» форм движения; удавалось охранять интересы помещичьего строя и всей британской империалистической системы грабежа. Эта политика буржуазного Национального конгресса по сути дела почти совпадала с «крестьянской» политикой британского империализма.

Борьба крестьянства

Развитие крестьянского движения, несмотря на свой неравномерный характер, все больше начинает принимать всеиндийский характер, сопровождаясь открытыми вооруженными выступлениями против империалистов, помещиков и ростовщиков, прорывом непротивленческих рамок Национального конгресса.

Выступление кашмирских крестьян, начавшееся, по сообщению «Дейли Геральд» (Лагор), как движение неплатежа ренты, переросло затем в настоящее крестьянское восстание, направленное против помещиков, ростовщиков, чиновников и князя, — восстание, сопровождавшееся захватом ряда городов и уличными боями в столице княжества. Отказ от уплаты ренты и налогов и крова-

вые столкновения с полицией и войсками происходят в ряде провинций. Газета «Хинду» сообщает об имевшем месте в апреле столкновении в Южной Индии между крестьянами и полицией, выступившей на защиту крупного помещика. Были убитые и раненые.

В меморандуме Пенджабской ассоциации торговцев, поданном губернатору, последние требуют принять меры к охране ростовщиков, указывая, что в последние 11 месяцев в Пенджабе было убито 35 ростовщиков и совершено 116 налетов «только потому, что они хотели возвращения своих долгов» («Дейли Геральд», Лагор 25 февраля 1932 г.).

«Ассошиэтед Пресс» от 18 февраля сообщает о «бунте» в Тарапуре, в Бихаре; в результате столкновения — пять убитых, много раненых. Газета «Адванс» от 19 февраля 1932 г. сообщает: «Арендаторы не платят ренты помещикам в Бенгалии, экономическое положение становится все мрачнее».

«Ассошиэтед Пресс» от 29 февраля сообщает о том, что в провинции Бихар был ряд выступлений; при одном толпа в тысячу человек атаковала полицейский участок и ранила офицера и двух полицейских. Со стороны крестьян имеются убитые и раненые. То же агенство сообщает о том, что в ряде районов Восточной Бенгалии и Соединенных провинций крестьяне систематически портят телеграфные провода. 29 января 1932 г. крестьяне атаковали полицию в округе Бхулесвар, имеются убитые и раненые. Того же числа в округе Хардой Соединенных провинций толпа в 5 тыс. человек напала на полицейский участок. Имеются убитые и раненые.

Газета «Трибуна» от 11 февраля сообщает о выступлении нескольких тысяч крестьян в Монгуре в Бихаре против полиции, пришедшей собирать налоги. Есть убитые и раненые. «Бомбей Кроникл» сообщает о движении неплатежа в Мадрасском президентстве «Фри Пресс оф Индия» от 9 марта 1932 г. сообщает, что полиция конфисковала урожай 81 крестьянина в округе Борзад Бомбейского президентства за отказ платить налоги. «Хиндустан Таймс» от 16 марта 1932 г. пишет, что крестьяне ряда округов Соединенных провинций продолжают отказываться платить ренту. «Хиндустани Таймс» от 31 марта 1932 г. сообщает, что арендаторы в Аджмер-Мервара отказываются платить ренту и выполнять «принудительный труд». *Характерным явлением последних месяцев является также то (и это новое явление), что растут вожаки из крестьянской среды, инициатива идет снизу.* «Бомбей Кроникл» от 1 января 1932 г. был вынужден признать, что «замечательная черта движения крестьян в Соединенных провинциях — это то, что крестьяне стали своими собственными вождями... что крестьянское движение в большой степени начато по инициативе самих крестьян... и что они связали себя с конгрессом потому, что они не могли получить помощи от других организаций». Это происходит не только в Соединенных, но также и в других провинциях. В газетах теперь сплошь и рядом попадаются такие сообщения. «Хиндустан» «Таймс» от 16 марта 1932 г.: «Несколько крестьян в Хиригпур Колан было арестовано и осуждено за про-

паганду неплатежа ренты по своей инициативе». «Ассошиэтед Пресс» от 8 марта 1932 г. пишет, что «в Бенгалии крестьяне сами ведут пропаганду неплатежа ренты, особенно в Майменсинге и окружающих районах». «Хиндустани Таймс» от 15 апреля 1932 г. сообщает о семи крестьянах, осужденных «за отказ платить ренту и агитацию за кампанию неплатежа». «Лидер» от 3 апреля сообщает из Аллахабада о приговоре над 11 крестьянами за «участие в пропаганде за неплатеж ренты».

Сообщениями, подобными приведенным выше, полны индийские газеты. Они свидетельствуют о том, что крестьянские массы в ряде мест начинают брать инициативу в свои руки. Помещики Соединенных провинций и Бенгалии жалуются на то, что крестьяне отказываются платить ренту, и призывают английские власти притти на помощь. В ряде округов, особенно в Соединенных провинциях, англо-индийское правительство *уже* приступило к насильственному сбору ренты, используя полицию и войска.

Национальный конгресс сделал все возможное, чтобы удержать движение неплатежа. Будучи вынужден принять ничего не значащее решение о кампании неплатежа, исполнительный орган конгресса Working Commitee оговорил в декабрьской резолюции, что «ни одна провинция, ни один округ не должен предпринимать кампанию неповиновения, покуда вожди конгресса не убедятся в том, что люди поняли ненасильственный характер кампании и готовы потерять свою жизнь». В другой резолюции Национальный конгресс отметил, что он не «покушается на интересы помещиков», и призвал помещиков и денежные классы помочь конгрессу. В то же самое время конгресс потребовал от правительства временного сокращения налогов *как обязательной меры против аграрной революции.*

Политика британского империализма по сути дела ничем не расходится с политикой Национального конгресса. Об этом довольно откровенно написал «Таймс» от 10 мая 1931 г. «Во всех кругах подчеркивают, что самая большая опасность миру и благополучию в Соединенных провинциях — это кампания неплатежа ренты. Это движение не надо отождествлять с деятельностью конгресса, хотя последний конечно использовал это движение, которое однако надо рассматривать само по себе».

Так же как и конгресс, британские держиморды согласились с необходимостью временного сокращения земельного налога в отдельных округах; так же как и конгресс, они выступили на защиту лендлордов, приступив к насильственному сбору ренты, и при моральной поддержке конгресса разослали карательные экспедиции по деревням для подавления крестьянских выступлений.

Примером уступок может служить снижение правительством земельного налога в Соединенных провинциях в размере 4 крор 12 лакх рупий (крор — 750 тыс. ф. ст., лакх — 7 500 ф. ст.), расходясь при этом с Национальным конгрессом, который требовал снижения в 6½ крор рупий. Снижение земельного налога было проведено в Бирме, отдельных округах Бенгалии, Бомбейского президентства, Пенджаба и других провинций. Особое внимание при

этом уделяется зажиточным слоям деревни. По указанию англо-индийского правительства подобное снижение земельного налога проводят и индийские княжества.

«Фри Пресс оф Индия» сообщает, что после восстания крестьян в княжестве Падакотаи, в Мадрасской провинции, соседнее княжество Траванкор приказало отменить насильственные мероприятия по взиманию земельного налога.

«Ассошиэтед Пресс» от 25 ноября 1931 г. сообщает, что магараджа Днейтура уменьшил земельный налог на 250 тыс. ф. ст. и отменил все штрафы, наложенные в течение последних пяти лет. «Хиндустани Таймс» от 25 ноября 1931 г. сообщает, что княжество Манди не только временно снизило налог, но даже вводит конституцию, с законодательным собранием и т. д. «Бомбей Кроникл» сообщает, что магараджа Капрутала снизил земельный налог, а правитель Рампор объявил о введении «основных прав своих граждан и снизил земельный налог на 52 тыс. ф. ст. «Ассошиэтед Пресс» от 19 марта 1932 г. сообщает, что низам Гайдерабада снизил земельный налог на 280 тыс. ф. ст., а владыка княжества Рева — на 46 тыс. ф. ст. Такое же снижение проведено в Кашмире и ряде других княжеств.

Снижение налогов оказалось совершенно недостаточным для того, чтобы ослабить разорение крестьянства, последовавшее в результате экономического кризиса, не говоря уже о том, что никакие паллиативы не в состоянии решить аграрного вопроса, вытекающего из всей совокупности феодально-империалистической системы эксплоатации; его можно разрешить только путем аграрной революции. Это прекрасно подтверждает пример Бирмы, где, несмотря на то, что снижение налогов было произведено давно, партизанская борьба крестьянства продолжается по сие время.

Поэтому с большей энергией и жестокостью, прикрываясь уступками, *развертывает британский империализм свою политику террора и карательных экспедиций.* Об этом, несмотря на жесткую цензуру, отрывочные сведения проникают даже в печать.

«Фри Пресс оф Индия» сообщает от 25 февраля 1932 г. о том, что правительство собирает штраф в размере 40 тыс. рупий с трех деревень в Бихаре. В Мотигари, округа Чемпаран, послан отряд полиции в 50 человек, 4 сержанта и 2 офицера сроком на два года; расходы должны быть оплачены крестьянами («Ассошиэтед Пресс» от 2 апреля 1932 г.); в Бельсанд — 8 сержантов, 3 инспектора и 80 полицейских сроком на один год за счет крестьян. Ввиду опасного положения в округе Миднапур (Бенгалия) правительство увеличило полицейские отряды за счет крестьян. В округ Тарапура послан дополнительный отряд в 100 полицейских; то же самое сделано в округе Монгур (Бихар). Карательный отряд в округе Читагаон уже собрал 37 675 рупий и добирает 29 031 рупию.

«Ассошиэтед Пресс» от 9 марта 1932 г. сообщает о том, что полк «стрелков Восточного Бенгала» переходит из деревни в деревню в связи с кампанией неплатежа. «Лидер» от 7 марта 1932 г. передает о том, что для борьбы против кампании неплатежа войска

движутся по деревням в округе Типпера (Бенгалия), что одной полиции оказалось недостаточно. Пенджабское правительство известило о том, что карательные отряды останутся еще в деревнях ввиду неблагополучного положения. К числу карательных экспедиций в центральной части Индии следует добавить вооруженную борьбу против партизанского движения в Бирме и Кашмире, военные операции против племен на северо-западной границе и бесшабашный разгул в северо-западной провинции. Движение на северо-западной границе распространяется в районе Белуджистана. «Таймс» от 28 марта 1932 г. с горечью пишет, что «атаки племен, перешедших границу, являются первым признаком беспокойствия в Белуджистане за долгое время».

Таким образом факты, приведенные выше, подтверждают, что английский империализм, идя на небольшие временные налоговые уступки крестьянству, стремится путем кровавого насилия и террора раздавить крестьянское движение, охранить интересы помещиков (в том числе взяв на себя в ряде районов задачу собирания земельной ренты) и еще раз показать индийской буржуазии свою для нее пользу в борьбе против народной революции.

Крестьянская борьба все больше распространяется по стране. Крестьянские массы все чаще стихийно прорывают рамки конгресса, растет недовольство его политикой, сопровождаясь отходом значительных слоев крестьянства от конгресса; революционная сознательность крестьянства растет, увеличивается стихийное влияние пролетариата на деревню.

Эти явления отображают новое и характерное в индийской деревне, а именно то, что антиимпериалистический и аграрный потоки начинают смыкаться и, как признают даже империалисты и буржуазия, угроза народной революции становится реальной.

Мистер Ани, один из вождей Национального конгресса, признал на крестьянской конференции в Нагпуре («Бомбей Кроникл» от 16 декабря 1931 г.), что «крестьяне начинают критически относиться к конгрессу». «Ассошиэтед Пресс» от 8 марта 1932 г. сообщает, что в Бенгалии, особенно в районе Майменсинг, крестьяне сами ведут активную кампанию неплатежа ренты. Власти встревожены тем, что она направлена «одинаково как против правительства, так и против помещиков». Не менее характерно заявление «Хиндустан Таймс» от 11 марта 1932 г.: «Черты крестьянской проблемы потерпели необычайное изменение. Крестьяне, как бы они ни были интеллектуально или экономически отсталы, пробудились к новой сознательности относительно своей судьбы. Широкие массы бедных и отсталых земледельцев могут еще стонать под тяжестью феодально-капиталистической эксплоатации, однако они уже поняли, пусть еще слабо, свои потенциальные возможности». Газета «Хинду» от 5 февраля 1932 г. приводит характерный факт, подтверждающий этот процесс пробуждения крестьянства и смыкания аграрной и антиимпериалистической борьбы. Когда налоговый чиновник потребовал в одной из деревень округа Фатехпур Соединенных провинций уплаты ренты, «арендаторы ответили, что они борются за самоуправление и не намерены платить, так как не признают

обязательства платить». В результате были убитые и раненые. Это пробуждение находит свое отражение также в требованиях крестьянства. Интересным в этом отношении является списание крестьянской конференции в Роха Бомбейского президентства («Бомбей Кроникл» от 14 января 1932 г.). До начала конференции крестьяне прошли демонстрацией с красным флагом. Индусы и мусульмане, парии и непарии вместе участвовали в процессии. На конференции присутствовало 5 тыс. крестьян. Была принята резолюция о национализации земли. Среди других резолюций была одна за коллективный отказ от платежа ренты помещикам и участия в судебных процессах, когда лендлорды требуют сгона арендаторов с земли за недоимки. Рост революционной сознательности крестьянских масс и влияние рабочего класса наиболее отчетливо проявились в Бомбейском президентстве, Пенджабе и Бенгалии. Экономическая и политическая борьба рабочего класса без сомнения оказала огромное влияние на индийское крестьянство. Громадное большинство индийского пролетариата тесно связано с деревней, и многочисленные рабочие, возвращающиеся на побывку, особенно во время стачек и безработицы, разносят по всей стране революционные идеи, подхваченные в городах. Этого боялись буржуазные националисты еще задолго до подъема 1930 г. Профессор Мукерджи в своей книге (в 1925 г.) ставил вопрос о руководящей роли пролетариата в крестьянской войне. «Возникает дальнейшая опасность того, что классовая сознательность городского пролетариата распространится среди крестьянства, что уже обещает стать серьезной социальной и политической угрозой». Многочисленные факты свидетельствуют о том, что эта «угроза» начинает принимать серьезный облик. Бомбейская газета «Рейлуэй Маздур» сообщает: «13 декабря в зале Дамодар Такерси состоялось собрание бомбейских рабочих с целью оказания помощи крестьянам Конкана и активного участия в их борьбе. Бай Чигир, один из руководящих крестьянских организаторов в районе Конкана, был главным оратором. Он рассказал, как крестьяне начинали тяжелую борьбу против кхотов[1] и ростовщиков; как кхоты из Аминдара при активной поддержке вождей конгресса (большинство которых состоит из кхотов и катедаров[2]) определенно враждебно относились к классовым требованиям крестьянства... В заключение он призывал бомбейских рабочих доказать их тесный союз с крестьянами, взяв в свои руки руководство крестьянским движением... В результате товарищи, выступавшие на собрании, внесли ряд конкретных предложений о том, как бомбейские рабочие должны практически выполнять свой долг».

В Пенджабе отход от Национального конгресса и связь с пролетарским движением вылились в форму создания рабоче-крестьянской партии, которая развернула чрезвычайно энергичную работу не только в Пенджабе, но также и в отдельных районах Соеди-

[1] Кхот — владелец крупных земельных участков и целых деревень на особых правах. Этот вид землевладения распространен в прибрежной полосе Бомбейского призидентства. — *Ред.*

[2] Катедар — владелец „ката“ — грамоты на право владения наделом райота. Катедар обычно перепоручает свое право за высокую арендную плату. — *Ред.*

ленных провинций. Многочисленные конференции, проведенные этой партией, письменная и устная агитация, резолюции и требования ее представляют собой замечательное доказательство роста революционной сознательности трудящихся масс и усиления влияния рабочего класса. В своем недавно выпущенном манифесте пенджабская рабоче-крестьянская партия, называющая себя «национально-революционной федерацией сознательных рабочих и крестьян», резко выступает против Национального конгресса, разоблачает его буржуазно-помещичий, антиреволюционный характер и призывает крестьян выступать совместно с городскими рабочими. Партия «Кирти Кисан» в этом манифесте выдвигает следующие основные лозунги: полная независимость, уничтожение помещичьего землевладения, конфискация земли и передача ее крестьянству, отмена задолженности, твердый земельный налог и определенный водяной налог. Кроме того «Кирти Кисан» выставила частичные требования:

1. Земельная рента согласно принципу подоходного налога и ирригационный налог согласно количеству употребляемой воды.
2. Запретить ростовщикам брать больше 6%.
3. Отменить налог *на* деревенского сторожа.
4. Расходы на карательную полицию отнести за счет провинциального правительства.
5. Организовать рабоче-крестьянские трибуналы, чтобы решать долговые дела с ростовщиками.
6. Открыть госпитали, школы, ввести бесплатное воспитание и бесплатную медицинскую помощь.

«Кирти Кисан» провела в Пенджабе много крестьянских конференций и превратилась в настолько серьезный фактор, что Национальный конгресс был вынужден специально послать Джавахарлал Неру для контрпропаганды. Растущая сознательность крестьян и смычка с борьбой городских рабочих имеют также место в других провинциях. На крестьянской конференции в Тинневели (Южная Индия) была принята резолюция, осуждающая увольнение рабочих-текстильщиков и требующая их восстановления («Хинду», декабрь 1931 г.). Растет также активность среди сельскохозяйственных рабочих, батраков и деревенских низов.

Экономический кризис тяжело отражается на положении сельскохозяйственных рабочих. Десятки тысяч рабочих возвращаются из Цейлона, Малайских штатов, Бирмы, тысячи рабочих выбрасываются с плантаций, положение батраков и безземельной бедноты, особенно в тех районах, где господствует денежная форма платы, не поддается описанию; голодная смерть от истощения — обычное явление. Голодные бунты, разгромы амбаров помещиков, убийства ростовщиков и помещиков, в которых сельская беднота и батраки принимают главное участие, распространяются все шире по стране. В ряде аграрных выступлений крестьянства батрачество играло наиболее активную и иногда руководящую роль.

Одним из проявлений активности батрачества является усиление движения париев, которые в ряде провинций составляют подавляющее большинство батраков, сельскохозяйственных рабочих и самых низших слоев деревни.

Растущая активность париев (в городе и деревне) заставила бур-

жуазный Национальный конгресс всерьез взяться за укрепление своего влияния среди них в целях ослабления революционных элементов, в то время как английский империализм, используя кастовые пережитки, стремится внести раскол в ряды трудящихся масс и отвести их внимание от революционной борьбы.

При рассмотрении крестьянского движения важно отметить и тот факт, что английскому империализму и его помощникам все меньше удается вносить разброд в крестьянство по линии индо-мусульманской вражды. Восстание в Каширегандже 1930 г. было в одинаковой степени направлено против мусульманских и индусских ростовщиков и помещиков. Восстание мусульманского крестьянства в Кашмире направлено и против мусульманских ростовщиков и чиновников. «Ассошиэтед Пресс» от 6 февраля 1932 г. сообщила, что «толпа напала на сборщиков налога и главный сборщик, магометанин Али Джанхар Хан в Ури был ранен». То же агенство от 10 марта приводит другой факт нападения мусульман-крестьян на мусульман-сборщиков налога в Трае (Кашмир). Газета «Адванс», сообщая от 8 января 1932 г. о десятитысячной крестьянской конференции Нокхоли в Бенгалии, отмечает, что присутствовали одинаково как индусы, так и мусульмане. То же самое на конференции в Роха (Бомбейское президентство). А между тем британский империализм настолько энергично и открыто пытается использовать религию для стравливания индусов и мусульман, что не постеснялся провести англичанина, отставного майора британской армии Александра Вильсона, редактором мусульманской «Муслим Аутлук». Буржуазный Национальный конгресс, выступая против аграрной революции с неменьшей энергией, стремится прикрыться индо-мусульманским вопросом для того, чтобы сблокироваться с английским империализмом для борьбы против крестьянства.

«Либерти», орган Боза, сообщая от 27 февраля 1932 г. о том, что «мусульманские пропагандисты подымают народ против лендлордов и ростовщиков для неуплаты своих обязательств», обзывает это антииндусской *communal* пропагандой и, как это было в отношении Кашмира, требует беспощадной борьбы против них.

●

Все приведенные факты свидетельствуют о том, что крестьянское движение развертывается. В движение вступают миллионы. Несмотря на неравномерный характер, движение все больше и больше распространяется по всей стране, достигая особой остроты в туземных государствах и Соединенных провинциях. Аграрное движение начинает все больше смыкаться с антиимпериалистическим и стихийно прорывает рамки конгресса. Движение неплатежа, которое конгресс все время старался удержать, начинает выходить из-под его контроля, и крестьянские низы начинают брать инициативу в свои руки. Движение неплатежа является центральным в настоящее время в деле раскачки крестьянских масс, развертывания революционной борьбы и освобождения от влияния Национального конгресса.

Развитие крестьянского движения сопровождается отходом довольно значительных масс от конгресса, и революционные орга-

низации, подобно «Кирти Кисан», начинают пока в некоторых районах приобретать серьезное значение.

Национальный конгресс путем «левого» маневра пытается удержать и укрепить свое влияние. Но растущая тяжесть кризиса и рост революционных организаций и классовой сознательности рабочего класса затрудняют дезорганизаторскую, предательскую политику конгресса в условиях, когда крестьянские бунты в отдельных местах начинают переходить в элементы национально-революционной войны. С исключительной остротой ощущается отсутствие объединенной, единой, всеиндийской компартии, которая одна лишь способна оторвать крестьянские массы от буржуазного Национального конгресса и направить движение неплатежа налогов, арендной платы и долгов, а также изолированные, спорадические крестьянские бунты и выступления по пути всеиндийского революционного восстания за независимость, землю и хлеб.

Аграрное движение и „левый" национал-реформизм

Буржуазный Национальный конгресс отчетливо видел, что развитие крестьянского движения ведет к аграрной революции, и задолго до объявления своей новой кампании бойкота (1932 г.) начал об этом предупреждать британский империализм, прося у него ряда уступок, в виде временного снижения налогов и т. д.

Г-н Пател, один из лидеров конгресса, в сентябре 1931 г. заявил, что «неминуема аграрная революция в Индии и никакое правительство ее не остановит» («Бомбей Кроникл» от 30 сентября 1931 г.). Другой вожак Национального конгресса — в Соединенных провинциях подтвердил, что «великая аграрная революция маячит на горизонте и, я думаю, пробуждение крестьянства распространится по другим провинциям».

Орган империалистов «Стейтсмен» от 10 марта 1932 г. со своей стороны признал, что, «хотя кампания неплатежа ренты еще фактически не началась в Бенгалии, дух неплатежа и бунта... постепенно распространяется среди крестьянства. И эти настроения, если их не обуздать, через некоторое время приведут к крестьянскому восстанию».

Индийская буржуазия и британский империализм стремятся не допустить аграрной революции. Об этом руководство конгресса ясно заявило в своих декабрьских резолюциях. И правильно отметил в своей статье о новом оппозиционном выступлении Национального конгресса «Хиндустан Таймс» от 3 января 1932 г., «трагедия положения усиливается тем, что у правительства и конгресса имеется больше точек соглашения, чем разногласий». До возвращения Ганди из Лондона «левые» вожди конгресса были вынуждены на словах выступать за движение неплатежа, а Неру даже ссылался на пример русского крестьянства («Хиндустан Таймс» от 26 сентября 1931 г.). Национальный конгресс усиленно изображал себя крестьянской организацией; когда же дело дошло до борьбы, вожди конгресса предложили крестьянству воздерживаться (см. решения Working Committee) и, будучи посажены в тюрьму, молчали, но предоставили

империалистам полную свободу кровавого разгрома крестьянского движения, не ответив на террор империалистов открытым призывом к крестьянству подняться против империалистов и помещиков. О характере своей работы Неру открыто заявил в «Хиндустан Таймс» от 2 сентября 1931 г.: «Только благодаря влиянию конгресса крестьяне остались пока замечательно спокойными». И это действительно выражает суть политики конгресса и его «левого» крыла.

Такую же дезорганизаторскую работу проводят «левые» национал-реформисты среди революционных слоев городской мелкой буржуазии, особенно молодежи. Речь Боза на конференции молодежи в Махарастре в конце декабря 1931 г. заслуживает серьезного внимания для изучения новых «левых» маневров, которые подготовливают буржуазия и ее «левые» отряды. На этой конференции Боз начал «критику» конгресса за его участие на конференции «круглого стола» и выступил с предложением об организации левых элементов, выказав готовность в случае нужды пойти на раскол конгресса. Буржуазия, видя полевение мелкой буржуазии и растущий нажим со стороны рабочих и крестьян, готовится вновь организовать отдушину по типу прошлой Лиги независимости. В стране растут местные мелкобуржуазные группы, организации, считающие себя радикальными, социалистическими, за которыми идут также революционно-демократические и отдельные пролетарские слои. «Левый» национал-реформизм стремится втянуть их в свою орбиту. Поэтому Боз на съезде профсоюзов в Калькутте и других собраниях выступал с уверениями в том, что он социалист, но призывал трудящиеся массы итти не за интернациональным социализмом, а за своим особым «индийским социализмом».

Этот нынешний «левый» маневр «левого» национал-реформизма, отображающий растущее полевение трудящихся масс, должен прикрыть продолжающееся сближение с империалистами и прямое наступление индийской буржуазии против индийской революции. Об этой ненависти к революционному народу ясно проговорился орган Национального конгресса «Адванс» от 2 февраля 1932 г., призывая империалистов раздавить крестьянское восстание в Кашмире:

«Сегодня это в Кашмире, завтра это может быть в Гайдарабаде, и пламя может превратить всю Индию в огромный пожар. Британское правительство должно помочь кашмирскому правительству подавить восстание, ибо это есть восстание независимо от того, к какой религиозной общине повстанцы принадлежат».

В этой ненависти к революции суть нынешней политики национал-реформизма.

III. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И МАНЕВРЫ НАЦИОНАЛ-РЕФОРМИЗМА

ОЦЕНКА СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ

Борьба индийского пролетариата за последние годы оказала огромное влияние на весь ход развития революционной борьбы трудящихся масс Индии. Индийский пролетариат своей борьбой 1928—1929 гг. показал пример крестьянству и мелкой буржуазии

города. Методы борьбы рабочего класса (стачки, боевые демонстрации и т. д.) наложили свой отпечаток на весь характер освободительного движения 1930 и 1931 годов.

Начиная с 1921 по 1929 г. в стране шла стачечная борьба (имевшая свои отливы и приливы), достигшая серьезных размеров в 1928/29 г. В эти годы рабочие впервые выступили с самостоятельными политическими стачками и демонстрациями. Ход стачечной борьбы по 1931 г. шел следующим образом:

Годы	Число стачек	Число рабочих охвач. конфликт.	Число потер. дней
1921	395	600 351	6 974 426
1922	278	435 434	3 972 727
1923	213	301 044	5 051 704
1924	133	312 462	8 730 918
1925	134	270 423	12 578 129
1926	128	186 811	1 097 278
1927	129	131 655	2 019 970
1928	203	506 851	31 647 404
1929	141	531 059	12 165 692
1930	148	196 301	2 261 732
1931	166	203 008	2 408 123

Эти цифры относятся только к Британской Индии. (Статистики стачек на территории туземных государств нет). Приведенные данные свидетельствуют о том, что в последние десять лет индийский пролетариат прошел серьезную школу классовой борьбы, сопровождавшейся ростом классовой сознательности и организованности рабочего класса. В то время как в первые годы все стачки возникали стихийно, в 1928—1929 гг. ряд стачек начался организованно, показывая высшую ступень развития пролетариата. Для иллюстрации приведем хотя бы два таких факта: 1) вторая бомбейская стачка текстильщиков (1929 г.) и стачка железнодорожников Велико-индийской полуостровной линии (1930 г.) начались организованно в назначенное профсоюзом время и по его призыву; 2) в процессе борьбы были созданы массовые революционные профсоюзы «Гирни камгар» («Красный флаг» — союз текстильщиков) и союз работников ВИП (Велико-индийская полуостровная) ж. д.

В 1930 г. наблюдается снижение количества экономических стачек (из чего некоторые товарищи ошибочно заключают об общем ослаблении рабочего движения, объясняя это поражением бомбейской стачки текстильщиков), но на ряду с этим идет огромный рост политических стачек, данные о которых не включаются в официальную статистику.

Количество политических стачек особенно велико в Бомбее, причем часть из них самостоятельные выступления рабочих, остальные составляли часть общих выступлений народных масс, выступлений, проходивших внешне под руководством Национального конгресса.

Английское правительство не ведет в Индии статистики политических стачек. Но для иллюстрации можно взять отдельные сообщения из индийской печати. Бомбейская рабочая газета «Рабочий Еженедельник» от 23 апреля 1930 г. писал: «Для протеста против кампании террора британского империализма... секретарь AITC

призвал рабочих выйти на однодневную стачку 18/IV. Трамвайные и железнодорожные мастерские забастовали накануне. Около 25 тыс. текстильных рабочих забастовали 16/IV и вышли на демонстрацию с красными знаменами и лозунгами: «Долой империализм!», «Да здравствует революция!», «Вперед к всеобщей стачке!», «Долой убийц наших товарищей!» и т. д. Были созваны митинги».

В № 16 от 14 мая та же газета писала:

«Начиная с 6 мая волна политических стачек прошла по всей стране. Рабочие Индии, особенно Бомбея, демонстрировали под своими революционными знаменами..., политические стачки 6 мая имели место почти во всех промышленных городах. В политической стачке в Бомбее в этот день участвовало по меньшей мере 70 тыс. текстильных рабочих (40 фабрик), железнодорожные мастерские в Матунге, рабочие ж.-д. линии Бомбей - Барода — Центральная Индия и т. д.».

Именно в 1930 г. рабочее движение поднялось на более высокую ступень по сравнению с предыдущим периодом. Именно в 1930 г. произошел отрыв пролетарского авангарда от «левого» национал-реформизма, началось формирование нелегального коммунистического движения на основе отмежевания от национал-реформизма и борьбы против него.

Во вторую половину 1931 г. начался новый подъем экономической борьбы, причем в приведенные выше цифры не включены данные о стачках на территории индийских княжеств. А между тем характерным для 1931 г. как раз и был тот факт, что в борьбу начали втягиваться не только отстающие районы (Мадрасское президентство по количеству стачек вышло на третье место) и отсталые отряды рабочих (кожевники, рабочие спичечных фабрик, сельхозрабочие и т. д.), но в особенности рабочие индийских туземных княжеств (Индор, Барода, Траванкор, Гайдерабад и т. д.).

Данные о развитии стачечного движения позволяют сделать следующие выводы.

В 1928–1929 гг. широко развернулся фронт экономических стачек. В движении участвовали передовые районы, как Бомбей и Калькутта. Экономическая стачка являлась преобладающей формой движения, переплетаясь в отдельных районах с политическими выступлениями. Борьба передовых рабочих раскачала трудящиеся массы, привела к тому, что в 1930 г. высоко поднялась волна политических стачек рабочего класса. Для передовых районов политические выступления в 1930 г. явились преобладающей формой. Борьба передовых рабочих, начавшись с экономических боев, на базе которой выросли политические выступления, оказала влияние на отсталые районы. В 1931 г. отсталые районы и отсталые слои начали втягиваться в экономическую борьбу, которая быстро наполняется политическим содержанием.

Передовые слои, подтягивая своей борьбой отстающие районы (и тем самым создав базу для развития всеиндийского профессионального движения и всеиндийских выступлений), в 1929 г. развернули высокую активность в области экономической борьбы, на основе которой в 1930 г. развернулась политическая борьба (стачки и т. д.), в начале и середине 1931 г., задержав и даже

повысив свою массовую активность; одновременно передовые слои начали все больше отходить от Гашконгресса и оформляться в самостоятельную классовую силу.

В конце 1931 и начале 1932 г. в передовых районах опять подымается волна стачек, которая происходит в обстановке подтягивания отстающих районов и слоев. Почва для всеобщей стачки становится еще более созревшей. Ход стачек последних лет в Индии подтвердил следующее положение Ленина:

«Совершенно очевидно теперь, какова именно взаимозависимость экономической и политической стачки: без их тесной связи действительно широкое, действительно массовое движение невозможно.

Конкретной же формой этой связи является, с одной стороны, то, что в начале движения и при втягивании новых сил в движение чисто экономическая стачка играет преобладающую роль, а с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень».

«Бомбей Кроникл» от 10 мая 1932 г. сообщает, что профсоюзы рабочих ж.-д. линий Бомбей — Барода — Центральная Индия, Восточно-Бенгальской, Бенгал-Нагпур, Велико-индийской полуостровной, Махрата-Мадрас и Юго-индийской линий провели среди своих членов референдум по вопросу о стачке, показавший, что железнодорожники почти единогласно требуют всеобщей стачки. Реформистская ж.-д. федерация еще раз оттянула решение о стачке якобы для того, чтобы удалить неурядицы между двумя профсоюзами на Северо-западной ж. д. и дать возможность высказаться оставшимся небольшим профсоюзам. Это — четвертое или пятое по счету очередное оттягивание стачки на железных дорогах.

Реформистские профсоюзы и федерация железнодорожников вынуждены выступать на словах за стачку вследствие огромного напора снизу. На железных дорогах уволено 50 тыс. рабочих; ожидается увольнение еще 30 тыс.; неполную неделю работают 150 тыс.; зарплата сокращена (прямо и косвенно) в среднем на 40—45%; рабочий, получавший 30 рупий, теперь едва вырабатывает 15 рупий в месяц; администрация лишила рабочих ряда льгот в отношении бесплатного проезда и т. д. или урезала их; недовольство огромное. В ряде железнодорожных мастерских (Матунга, Лилуа, Аджмер, Лукнов и т. д.) произошли стихийные стачки. На всех железных дорогах происходят митинги протеста. В Бхусавале рабочие вышли на демонстрацию, требуя объявления всеобщей стачки и провозглашая в числе других лозунгов: «Долой снижение зарплаты!», «Боритесь за безработных!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» («Бомбей Кроникл» от 8 февраля).

Подробные сообщения о митингах и демонстрациях железнодорожников приходят со всех концов страны. Движение за всеобщую стачку на железных дорогах растет *снизу*, напор масс увеличивается, принимая все больше *всеиндийский характер*.

Не менее характерным для роста стачечного движения является мартовская стачка бомбейских докеров, остававшихся в последние годы в стороне от активной борьбы. Стачка вспыхнула стихийно: сначала забастовала тысяча рабочих; через два дня к ним при-

соединилось еще 6 тыс.; затем еще 2 тыс. угольщиков и складских рабочих; а еще через несколько дней присоединились и грузчики. Рабочие — мусульмане и индусы — выдвинули из своих рядов рабочих вождей. Один из них был убит штрейкбрехерами при поддержке полиции. В дальнейшем вмешались «левые» национал-реформисты, пытаясь захватить руководство стачкой в свои руки. Рабочие организовали добровольные пикеты для борьбы с штрейкбрехерами. По сообщениям буржуазных газет митинги и демонстрации проходили с красными знаменами, причем обычными лозунгами были: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой империализм!», «Да здравствует революция!» Помимо того бастующие выставили 17 конкретных требований. Борьба велась с исключительным упорством. Английская администрация завербовала в качестве штрейкбрехеров патан-мусульман и попыталась изобразить борьбу докеров (большинство которых состояло из индусов) против штрейкбрехеров как индо-мусульманскую борьбу. Так же действовала администрация во время стачки (9 мая) рабочих завода газовой кампании, пригласив штрейкбрехерами мусульман. Борьба бомбейских докеров закончилась победой. На собраниях бомбейских докеров выступали представители докеров Карачи. И несомненно под влиянием бомбейской стачки вспыхнула стачка докеров в Мадрасе, которую реформистам удалось однако сорвать. Таким образом стачка докеров показала не только то, что новые слои рабочих втягиваются в борьбу, но также подчеркнула, что в настоящий период экономическая стачка почти сразу наполняется политическим содержанием, и показала растущую классовую сознательность пролетариата. Все это — результат боев, проведенных передовыми слоями рабочих, и политической борьбы 1930—1931 гг.

Характерные явления, рисующие боевое настроение рабочих и рост их недовольства реформистской политикой, наблюдаются в последнее время на юге Индии, бывшем до сих пор целиком в руках реформистов и являющемся одним из отсталых районов Индии. Рабочие фабрики в Мадуре несколько раз стихийно бастовали. На профсоюзном собрании в марте с. г. рабочие большинством 1 500 против 3 высказались за стачку. Реформистские вожаки, пообещав объявить стачку, вновь оттянули ее под тем предлогом, что надо развернуть работу на соседних фабриках и опросить женщин-работниц. Недовольство рабочих растет. Газета «Хинду» (от 30 апреля 1932 г.) сообщает, что на собрании Мадурского рабочего союза, руководимого реформистами, последним было крайне трудно уговорить рабочих отсрочить стачку, причем «значительная часть рабочих, присутствовавших на собрании, была недовольна и требовала немедленного объявления стачки». Рабочие джутовой фабрики в Визианагарам (свыше 4 тыс.) бастуют с января, причем фабричная администрация заявила, что среди рабочих имеется несколько «зачинщиков» (Ringleaders), «которые и являются источником смуты и беспокойства». Волна стачек идет по всему югу Индии, причем каждая стачка вызывает немедленный отклик и митинги сочувствия среди рабочих других отраслей промышленности. Юг пробудился и окончательно втянулся в общеиндийское рабочее движение. Пробуждение и рост классовой соз-

нательности происходит сейчас быстро. Впервые в Мадрасе была создана пролетарская классовая организация – Союз рабочей молодежи со своим печатным органом. В реформистских союзах растет оппозиция. Мадрасское президентство по количеству потерянных рабочих дней вышло на первое место в первой четверти 1932 г. И не менее характерно, что по числу стачечников на первое место вышли Центральные провинции.

Борьба рабочих масс *сопровождается ростом и выдвижением широкого слоя рабочих-активистов*. Это проявляется в следующем: 1) в стихийном характере многих стачек, во главе которых стоят свои низовые вожди, 2) в образовании в ряде случаев стачкомов и фабкомов, 3) в растущей оппозиции низов в ряде реформистских профсоюзов, 4) в активной роли рабочих (в ряде городов) внутри существующих профсоюзов, особенно в революционных, 5) в росте рабочей печати.

Этот процесс принимает настолько серьезный характер, что некоторые «левые» национал-реформисты вынуждены были в своей демагогической псевдорадикальной агитации выступить с лозунгом о привлечении рабочих к руководству профсоюзами.

Оппозиция к реформистским вождям стихийно растет в ряде профсоюзов. Помимо приведенного факта относительно Мадуры газеты сообщают о недовольстве в профсоюзах железнодорожников и в других профсоюзах, считавшихся опорой реформизма. «Бомбей Кроникл» от 7 мая 1932 г. сообщает, что на общем собрании членов Национального союза моряков (Бомбей) были приняты резолюции, осуждающие официальное руководство и требующие перевыборов. «Левые» национал-реформисты пытаются возглавить растущее недовольство рабочих масс, и в ряде случаев им это удается. Так например в профсоюзе рабочих Северо-западной ж. д. им удалось вместо Чаман Лала, против которого выступили рабочие, провести «левого» конгрессиста Аллана.

Рост активности рабочих масс и недовольства реформистами наблюдается повсюду. Прекрасной иллюстрацией служит сообщение о росте борьбы рабочих Лагорских ж.-д. мастерских в газете «Железнодорожник» от 23 декабря 1931 г. Ввиду его ценности приводим подробную выдержку:

После того как в железнодорожных мастерских было заявлено, что рождественские праздники начнутся с 18 декабря и что проведено будет сокращение зарплаты рабочих, волна возмущения охватила все железнодорожные мастерские (в Лагоре). Рабочие хотели провести какое-нибудь выступление, для того чтобы прекратить сокращение зарплаты и добиться введения работы по субботам. На этой неделе они проявляли особенное нетерпение и два или три раза призывали своих вождей предпринять что-либо. Окончательно отчаявшись, они в среду утром решили сами прекратить работу после полудня. До 12 часов они тайком агитировали за это решение по цехам. В 12 часов они вышли из мастерских... Пропагандист из союза железнодорожников по обыкновению начал читать целую лекцию, но рабочие не слушали его... Следует отметить, что функционер союза не знал о намерениях рабочих до последнего момента. Рабочие решились на это выступление

самостоятельно, никто ими не руководил... В мастерских имеется два цеха: паровозный и вагонный... однако, рабочие обеих мастерских действовали вполне солидарно... На следующий день рабочие, как обычно, пришли в мастерские, но работать отказались. Видные вожди союза протестовали против их действия. Они говорили, что эти действия противоречат уставу («неконституционны») и что выступление проведено без согласия союза... В одной мастерской рабочие возобновили работу, в другой продолжали бастовать. Была выбрана депутация рабочих, и после переговоров администрация пошла на некоторые уступки».

Рост активности проявляется также и в том, что теперь организованно создаются стачкомы. В Бомбее это стало почти общим правилом, причем даже в тех стачках, которые не руководятся революционным крылом. Теперь это распространяется и в Калькутте. Газеты сообщают имена вождей из рабочих. В Калькутте во время стачки 4 тыс. работниц рисовых фабрик проведены были демонстрации и митинги, на которых выступали работницы. Лучше всех выступала работница, избранная секретарем профсоюза, возникшего в процессе стачки.

Рост классовой сознательности рабочих масс и отход от Нацконгресса происходит, хотя и неравномерно, по всей стране. Для иллюстрации интересно привести описание четырех рабочих выступлений — стачек в Шолапуре, Калькутте и Каунпуре и майской демострации в Бомбее, — характеризующих различные районы и слои рабочих.

Шолапур. Шолапурская стачка под руководством революционного крыла, охватившая около 20 тыс. текстильщиков, окончилась частичной победой. В результате стачки создан местный отдел «Гирни камгар». Стачку пришлось прекратить, не добившись удовлетворения всех требований рабочих, в частности признания профсоюза, вследствие дезорганизаторской работы Нацконгресса.

Эта стачка происходила во время переговоров Ганди с империалистами в Лондоне. На митингах ораторы резко выступали против Нацконгресса, против Ганди и много внимания уделяли положению рабочих в Советском союзе.

Калькутта. Стачка на текстильной фабрике Кешарам в Метиабурзе началась стихийно. Под руководством революционных рабочих был выбран стачком в составе 11 человек и создана добровольческая дружина для борьбы против штрейкбрехерства.

Стачка 6 тыс. джутовых рабочих на фабрике Хастингс в Ришра, продолжавшаяся свыше 3 месяцев, свидетельствует о растущей классовой сознательности калькуттского пролетариата. На фабрике был выбран стачком, затем комитет помощи. Бастующие рабочие Ришра провели с огромным энтузиазмом митинг в день годовщины Октябрьской революции. Попытки «левых» национал-реформистов вмешаться в стачку окончились неудачно. Калькуттский пролетариат быстро подтягивается к бомбейскому авангарду. Все эти факты свидетельствуют о довольно быстром процессе отхода рабочих от Нацконгресса и показывают, что создание массовой компартии может и должно быть осуществлено в короткий срок.

Каунпур является одним из отстававших районов. Стачка на

многотобумажной фабрике «Джутгелал Камплапат» началась 1 декабря. Руководство было в руках «каунпурского рабочего общества» и рабоче-крестьянской партии. «Железнодорожник» помещает корреспонденцию из Каунпура, в которой дается описание стачки... Был проведен ряд демонстраций с красными знаменами, развернута была агитация против империалистов и Нацконгресса под общими лозунгами: «Долой классовую несправедливость империализма!», «Долой капитализм!» Передовые рабочие вели стачку, разоблачая антирабочую позицию Нацконгресса. Нацконгресс вел агитацию против стачки.

«Мы всегда были убеждены, — пишет корреспондент «Железнодорожника», — в контрреволюционности и оппортунистичности конгресса, но эта стачка окончательно сбросила с него маску перед рабочим населением Каунпура».

Под конец фабриканты уступили, удовлетворив большую часть требований рабочих.

«Хотя стачка длилась сравнительно недолго, она произвела глубочайшее впечатление на каунпурских рабочих как первая успешная стачка в Каунпуре. Она показала рабочим, что им может помочь только сильный союз под революционным руководством. Она показала им, что Конгресс, несмотря на все его лицемерные заверения, является организацией, руководимой буржуазией, и не может помочь рабочим в их конфликтах с капиталистами. Кроме того эта стачка пробудила классовую сознательность рабочих и сознание своей силы».

Бомбей. Бомбейский пролетариат был и остается теперь авангардом индийского рабочего класса. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Первомайские демонстрации, прошедшие в этом году, были многочисленны и исключительно оживленны. Митинги и демонстрации проводились революционным крылом и реформистами отдельно. На всех митингах присутствовало множество рабочих, молодежи и городской бедноты. Перед японским консульством состоялась демонстрация протеста против нападения на Китай и готовящейся интервенции против СССР. В числе лозунгов фигурировали следующие: «Руки прочь от Советской России!», «Победа китайской красной армии!», «Да здравствует китайская революция и советский Китай!», «Долой японский империализм!» и др. На массовом митинге была принята резолюция о классовой солидарности с пролетариатом всего мира в его борьбе против мирового империализма и капитализма и о приветствии советским рабочим по случаю 14 лет существования СССР. Помимо этого митинг принял резолюцию, включающую следующие требования: полная национальная независимость, 8-часовой рабочий день, установление минимума зарплаты в 50 рупий, включая требование немедленного повышения зарплаты на 25%, социальное страхование за счет предпринимателей и государства, пособие безработным в размере 30 рупий в месяц (цитируем по «Бомбей Кроникл»). Бомбейские рабочие не раз выходили с демонстрациями протеста против Нацконгресса, против Ганди и т. д. В Бомбее *борьба против «левого» национал-реформизма захватила широкие слои рабочих*. Бомбейские рабочие первые провели

массовые митинги и демонстрации для поддержки борьбы трудящегося крестьянства и т. д. и т. п. Первомайские демонстрации прошли также в Калькутте, Мадрасе и других центрах. В Мадрасе национал-реформисты впервые (это было на первомайском митинге) вынуждены были, маневрируя, выступить с уверениями о необходимости уничтожить капитализм.

Не менее характерно принятие на митинге рабочими железнодорожных мастерских в Лукнове резолюции, осуждающей отношение Нацконгресса к стачечникам и поддержку, оказанную Нацконгрессом капиталистам.

Все эти факты, имевшие место в различных районах страны, свидетельствуют о том, что *рост классового самосознания рабочих идет по всей стране* (несмотря на наблюдающуюся еще неравномерность); *повсюду наблюдается отход от Нацконгресса; растет слой активных рабочих и оппозиции в реформистских профсоюзах; отсталые районы и отсталые отряды рабочих подтягиваются к передовому бомбейскому пролетариату.* На этом фоне обостряется борьба с национал-реформизмом, особенно его «левым» отрядом. Борьба начинает принимать более сложные формы: «левые» национал-реформисты идут на новые маневры.

Подъем рабочего движения наблюдается как по линии экономической борьбы, так и борьбы за независимость.

Этот подъем связан с растущей тягой рабочих к организации. Количество профсоюзов растет, все более прививаются низовые массовые формы организации — фабзавкомы. В движение вовлекаются отряды рабочих, до сих пор всегда остававшиеся неорганизованными. Возникающие профсоюзы количественно еще немногочисленны, но среди рабочих все усиливается тяга к организации, потребность в массовых организациях, готовность поддержать союзы. *Поэтому потенциальная способность (даже слабых количественно) профсоюзов представлять и вести за собой широкие рабочие массы неимоверно выросла.* Окрепла и крепнет еще более солидарность отдельных отрядов рабочего класса. *Все более широкие массы рабочих начинают понимать приоритет общеклассовых интересов пролетариата над узко-цеховыми.* Рост классового сознания приводит к укреплению революционных традиций. День ареста мирутских заключенных стал общеиндийским рабочим днем — днем мобилизации революционных сил и т. д. Калькуттские грузчики уже третий год проводят годовщину (см. «Хиндустан Таймс» от 6 апреля 1932 г.) расстрела демонстрации грузчиков, устроивших баррикады и положивших начало широкому антиимпериалистическому движению 1930 г. в Калькутте.

Тяга к борьбе и организации растет также среди безработных. В Бомбее под руководством революционного крыла создана Лига безработных, которая ведет энергичную агитацию, встречающую широкий отклик в рабочей массе. По данным «Бомбей Кроникл» (от 11 мая 1932 г.), на митингах безработных помимо общей агитации и вербовки членов выставляется следующая программа требований:

1) Обязательное социальное страхование от безработицы за счет государства и предпринимателей, 2) ежемесячное пособие за счет государства и предпринимателей в размере среднего заработка;

3) освобождение безработных от квартплаты; 4) бесплатный проезд по железной дороге, в автобусе, трамвае; 5) бесплатное питание и обучение детей безработных; 6) пособие рабочим, занятым неполное время, чтобы зарплата их составляла не меньше 45 рупий в месяц; 7) 8-часовой рабочий день для всех рабочих.

В Мадрасе создана также Лига безработных, но под руководством реформистов, которые требуют, чтобы Лига была в стороне от политической борьбы. 20 марта в Карачи свыше 2 тыс. рабочих прошли по улице с лозунгами: «Мы хотим работы и хлеба», «Долой безработицу!», «Мы не будем работать по уменьшенной зарплате».

Картина, изложенная выше, ярко свидетельствует о том, что неверно утверждение, будто бы в результате поражения бомбейской стачки 1929 г. в Индии наступил упадок рабочего движения. Британская статистика не дает цифр политических стачек. А между тем правильная оценка последних лет для понимания самой сущности развития индийского пролетариата как раз заключается в том, чтобы понять: в о - п е р в ы х, огромный рост количества политических стачек в 1930 г., развернувшихся на широкой базе экономических боев в 1928—1929 гг. В передовых районах политические стачки были преобладающей формой движения в 1930 г. и в начале 1931 г. и вместе с экономическими стачками сильно помогли раскачиванию отсталых районов, вовлечению их в борьбу. В о - в т о р ы х, что передовые слои и передовые районы (Бомбей и железнодорожники) своей беззаветной борьбой способствовали втягиванию отсталых районов (и рабочих в туземных княжествах) в борьбу, которая, начав развертываться в конце 1931 г., продолжает возрастать и в настоящее время, т. е. авангард пролетариата своей борьбой раскачал широкие массы рабочего класса и втянул их в борьбу. В - т р е т ь и х, что в условиях растущего кризиса качественные сдвиги в развитии рабочего движения, связанные с процессом отхода от Нацконгресса и сопровождавшиеся временным замедлением темпа развития массовых выступлений (как например в Бомбее), не означали упадка рабочего движения в Индии. В - ч е т в е р т ы х, подтягивание отсталых районов, вновь *поднимающаяся* стачечная волна в *передовых* районах свидетельствуют о том, что почва для общей борьбы и организации всеиндийских массовых профсоюзов рабочего класса Индии и условия для объявления всеобщей стачки еще более благоприятны, чем раньше.

Рабочий класс все больше сплачивается. Уменьшаются ножницы между передовыми и отсталыми районами. Подтягивание отсталых слоев пролетариата, сплочение отдельных районов, усиление всеиндийского характера рабочего движения, сопровождаемое дальнейшим ростом классовой сознательности авангарда — все ближе подводят рабочий класс к захвату гегемонии в свои руки, но для этого нужна компартия. Все факты свидетельствуют, что база для создания массовой компартии быстро растет.

МАНЕВРЫ НАЦИОНАЛ-РЕФОРМИЗМА

А. Политика британского империализма

Подъем рабочего движения и в особенности угроза всеобщей стачки железнодорожников, равно как и аграрное движение, за-

ставили британских империалистов поторопиться с развертыванием ряда дополнительных полицейских мероприятий для разгрома революционного движения.

Политика прямого террора, к которой особенно широко прибегают сейчас английские империалисты, дополняется рядом маневров, имеющих целью дезорганизовать рабочие ряды, внести раздор в их среду, используя религиозные, национальные, кастовые и прочие различия и предрассудки.

Империалисты всячески стремятся развязать индо-мусульманскую борьбу. При любой стачке они ввозят крестьян патан-мусульман из Северо-западной провинции, используют их как штрейкбрехеров, а затем борьбу рабочих против штрейкбрехеров, как и всякое восстание городских низов, стремятся изобразить как индо-мусульманские распри (стачка докеров в Бомбее, антиимпериалистическое восстание в Каунпуре и т. д.). В последнее время империалисты пытаются создать *мусульманские* профсоюзы. Газеты сообщают о таких попытках в Пенджабе, Джамшедпуре и Бенгалии. Усилия английских империалистов и реакционеров остались среди рабочих, безуспешными. Поэтому империалисты особое внимание уделяют служащим, в первую очередь на железных дорогах, пытаясь создать среди них отдельные мусульманские профсоюзы.

Но факты свидетельствуют о растущем сплочении рабочих разных национальностей, религий и каст. Не помог и отчет комиссии Уитли, убогие советы и уступки которой остались пока на бумаге.

Точно так же империалисты пытаются внести раскол в ряды рабочих по линии натравливания париев на индусов «чистых» каст. Парии составляют огромное большинство фабрично-заводских рабочих. *Пробуждение пролетариата поэтому проявляется также в растущей борьбе против кастовых различий,* которая приняла настолько серьезные размеры, что вождь бомбейского комитета Нацконгресса Нариман заявил:

«Вопрос о неприкасаемых (париях) больше не остается чисто умозрительным или религиозным вопросом: он приобрел величайшее политическое значение» («Бомбей Кроникл» от 23 ноября 1931 г.).

Б. Политика агентов империализма в рабочем движении

Группа Джоши, Шива-Рао, Гири и К°, представляющая интересы британского империализма, развернула в последний год энергичную работу, стремясь удержать свои позиции главным образом на железных дорогах, морском транспорте и на юге Индии (Мадрас и т. д.). Последние годы проходили под знаком растущего ослабления позиции этой группы в рабочем движении. *Оппозиция к этой группе дезорганизаторов рабочего движения быстро нарастает в профсоюзах, находящихся под их руководством. Такая* оппозиция сложилась в союзах моряков в Бомбее и Калькутте, в профсоюзах в Мадрасе, а в союзе железнодорожников Северо-западной ж. д. председатель его, известный агент империализма, Чаман, был изгнан из союза (на его место избран «левый» национал-реформист).

Стремясь удержать свои позиции, часть группы Джоши—Гири начала в последнее время слегка заигрывать с национальным движением, не изменяя однако своей основной линии, суть которой заключается в том, чтобы удержать пролетариат в рамках экономической борьбы, в рамках реформизма.

Группа Джоши-Гири и К° всячески стремится распространить буржуазную аполитичность среди индийских рабочих и ограничить политическую борьбу пролетариата парламентской (в законодательном собрании) деятельностью британских назначенцев — адвокатов, которые выдают себя за «представителей рабочих». Группа Джоши — Гири и К° стремится привлечь внимание рабочего класса к отчету комиссии Уитли и состряпать из него программу для рабочего движения. Ближайшей же задачей этой агентуры британского империализма попрежнему остается предотвращение всеобщей стачки на железных дорогах.

Группа Джоши пользуется сильной поддержкой со стороны английской Независимой рабочей партии. Представители НРП ведут энергичную пропагандистскую и организационную работу в Индии, всячески пытаясь укрепить «силы порядка», т. е. реакции.

Британский империализм наряду с проведением массового террора пытается укрепить свою опору в стране. Именно поэтому НРП так полезна для империализма. Тут под покровом радикальных речей НРП является энергичным советчиком Джоши, Шива-Рао, Гири, этой группы предателей и врагов индийского революционного народа.

В. Национал-реформизм

Национал-реформисты в рабочем движении представляют интересы индийской буржуазии. В этом и следует искать объяснение маневров и тактики национал-реформистов в течение последних трех лет.

Национал-реформисты в рабочем движении стали вырастать в серьезную силу лишь за последние годы. Это явилось результатом того, что буржуазия, испугавшись быстро растущего революционного развития пролетариата, повела энергичную борьбу за укрепление своих позиций в рабочих организациях и рабочем классе Индии. Борьба последних 2—3 лет является борьбой пока еще слабых коммунистических групп против буржуазии, борьбой за массы, за гегемонию пролетариата в движении индийского революционного народа. Основа тактики национал-реформистов состояла в сохранении пролетариата на положении придатка индийской буржуазии, в изоляции коммунистического авангарда.

Политику национал-реформистов грубо можно разбить на два периода: первый — с конца 1929 г. по 1931 г. и второй — с конца 1931 г.

Политика национал-реформистов первого периода характеризуется тем, что они, развив на словах энергичную агитацию за национальные интересы и прикрываясь этим, пытались укрепить свои позиции в рабочем классе, одновременно призывая рабочих подчиниться Нацконгрессу. Лозунг «Рабочие и крестьяне — это руки

и ноги Национального конгресса», пущенная летом 1930 г. в Бомбее, рисует суть буржуазной политики «левых» (в том числе Роя и К⁰) национал-реформистов, выступавших за подчинение рабочих буржуазии — этой «головы» Национального конгресса.

Огромный подъем освободительного движения 1929—1930 гг., который буржуазия в своей «борьбе» за уступки использовала для нажима на английский империализм, принудил национал-реформистов выступить против группы Джоши на съезде профсоюзов в Нагпуре по вопросу о сотрудничестве с комиссией Уитли и, скрепя сердце, пойти на раскол. Это был необходимый для национал-реформистов шаг, вытекавший из тактической линии буржуазии в ее переговорах с империализмом, в обстановке нараставшего подъема антиимпериалистического движения, задачу овладения которым национал-реформисты пытались разрешить.

Используя огромный подъем антиимпериалистического движения рабочих масс, национал-реформисты стремились укрепить свои позиции в рабочем классе, поддержать иллюзии общенационального фронта, изображая Нацконгресс общенародной организацией и т. д. В эту сторону они направили свои усилия, стремясь под этим прикрытием изолировать коммунистов от рабочих масс.

Второй этап политики национал-реформизма (в том числе его «левой» разновидности) начинается примерно с конца 1931 г. Соглашение Нацконгресса с империалистами (съезд в Карачи), поездка Ганди в Лондон и другие шаги националистов открыто показали широким слоям трудящегося населения реформистский, антиреволюционный характер конгресса.

Обострявшийся экономический (особенно аграрный) кризис увеличивал нищету и закабаление масс. В таких условиях быстро стала нарастать волна недовольства политикой Нацконгресса. Процесс отхода трудящихся масс от Национального конгресса стал быстро развиваться, одновременно сопровождаясь развертыванием аграрного и стачечного движения и на этой основе стихийным ростом коммунизма.

«Левый» национал-реформизм пошел на новый маневр, суть которого заключается в том, чтобы возглавить недовольство масс и путем ряда тактических мероприятий дезорганизовать революционную борьбу трудящихся. Маневры, предпринятые «левыми», сводились примерно к следующему:

1. выступить на словах с критикой вождей Нацконгресса с одновременным затушевыванием его (НК) классового характера и защитой на деле его принципов (ненасилие и т. д.);

2. выдвинуть перед массами новую программу, сводящуюся к тому, чтобы на словах проповедывать «социализм», «социалистическую» республику и т. д., а на деле ограничить борьбу реформистскими, буржуазными полуреформами;

3. под флагом разглагольствований о единстве рабочих — добиться раскола пролетариата и объединиться с группой Джоши для борьбы против коммунизма (следуя в этом проводимой индийской буржуазией политике соглашения с британским империализмом против революционного народа);

4. использовать растущее недовольство Нацконгрессом для того,

чтобы отвлечь пролетариат от политической борьбы и направить его на рельсы экономизма;

5. возглавить недовольство рабочих низов политикой реформистских (и национал-реформистских) вождей в профсоюзах, «жаловаться» на оттяжку ж.-д. стачки и т. п., а на деле провести объединение с группой Джоши и удержать рабочий класс под руководством буржуазии. Группа Кандалкара — Джоши — Роя — Мукунда Лал и К° играет наиболее активную роль в проведении этой политики, концентрируя *главное свое внимание на дезорганизации пролетарского авангарда;*

6. применять новые формы работы, именно массовые формы, идя на создание фабзавкомов, подхватив на словах лозунг коммунистов о выдвижении в руководство профсоюзов рабочих от станка и т. д.

Перейдем к рассмотрению ряда фактов, подтверждающих сделанные выше выводы.

Оппозиция в реформистских профсоюзах

Как мы уже отметили, председатель союза железнодорожников на Северо-западной ж. д., предатель Чаман Лал был изгнан и заменен «левым» национал-реформистом доктором Аллан. Но наиболее характерна борьба в бомбейском союзе моряков. Движение моряков против руководящей головки — прямых агентов империализма — приняло широкий характер. Проведено много оппозиционных собраний и т. д. «Бомбей кроникл» от 7 мая 1931 г. сообщает, что собрание моряков выразило вотум недоверия старому руководству и тут же выбрало новое руководство, обратившись к союзу докеров с просьбой о помощи. Стачка докеров несомненно оказала огромное влияние на моряков. «Левые» национал-реформисты стали во главе этого движения. То же самое повторяется в ряде других профсоюзов.

Новая „Программа“

Буржуазную «декларацию прав» (съезд Нацконгресса в Карачи) национал-реформисты всячески пытались изобразить «социалистической». Реформистский съезд профсоюзов в принятой резолюции («Таймс оф Индия» от 1 января 1932 г.) потребовал, чтобы Нацконгресс объявил своей целью «немедленное установление социалистической республики». Совет федерации ж.-д профсоюзов, руководимый национал-реформистом Джамнадас Мета [6], принял резолюцию («Хинду» от 9 марта 1932 г.), в которой заявил, что стоит за «социалистическое государство для Индии». На митинге в Нагпуре под руководством группы Рункара-Кандалкара (20 марта) была принята резолюция за «социалистическую конституцию» с одновременным протестом против того, что правительство еще не осуществило предложений комиссии Уитли.

[6] Тот самый Мета, который отказался выйти из состава законодательного собрания даже тогда, когда все конгрессисты объявили ему бойкот, затем в 1930 г. содействовал разгрому стачки на Велико-индийской полуостровной ж. д., не допустив стачки на ББ и ЦП линиях, а сейчас всячески дезорганизует подготовку всеобщей стачки железнодорожников.

Неру, Боз и К^0, не говоря уже о Кандалкаре, Рое и т. п., клянутся в преданности социализму. Боз, который несколько лет тому назад писал, что ему все равно — фашизм или социализм, — сейчас твердо заявляет, что он — за «социализм», но особого типа — «индийский социализм».

Пробуждение рабочего класса и разочарование среди интеллигенции, рост симпатии к коммунизму и Советскому союзу заставляют «левых» социал-реформистов быстро переоблачаться в «социалистические доспехи» для обмана и дезорганизации рабочих масс. В отдельных местах создаются «социалистические» партии. Газета «Лидер» от 25 февраля 1932 г. сообщает, что в Лукнове группой националистов, связанных с Нацконгрессом, создана «Всеиндийская рабочая партия». Либеральная газета советует националистам не торопиться, уверяя, что главная задача в настоящий момент заключается в объединении «левых» национал-реформистов группы Джоши. «Бомбей кроникл» от 14 сентября 1931 г. сообщает об организации «социалистической» партии в Бераре, задача которой — уничтожить деление общества по признаку «касты, веры и положения» и заставить «представительные органы», законом установленные, «работать в духе социалистических принципов». Пенджабская социалистическая партия во главе с профессором Бридж Наррайн, созданная при участии и с благословения Брейлсфорда и сотрудничающая с группой Роя (цель этой партии — создать общество, в котором не будет эксплоатации, но в котором «орудия производства, насколько это будет возможно, будут принадлежать всему народу»), высказывалась за национализацию земли, считая, что осуществить это можно единственно «только путем изменения закона». Пенджабская «социалистическая» партия, ничего общего не имеющая с социализмом, предлагает рабочим и крестьянам отказаться от революции и итти по пути парламентской борьбы за реформы.

Группа Кандалкара-Роя также проповедует создание социалистической партии, которую на первых порах называли рабоче-крестьянской, а теперь «Рабочей» партией. Все эти клятвы в преданности социализму и «социалистические» (!) программы имеют целью укрепить влияние «левого» национал-реформизма и тем самым сохранить руководящее положение индийской буржуазии.

Массовые формы работы национал-реформистов

«Левые» национал-реформисты, особенно группа Роя — Кандалкара — Джоши — Данге и К^0, в последнее время развернули энергичную работу за рабочие массы и за рабочие организации. Боз и К^0 провели ряд собраний среди джутовых рабочих в Калькутте (пытаясь создать свой профсоюз джутовых рабочих), среди горняков, среди металлистов Джамшедпура, среди текстильщиков (Мадрас и др.). Широко развернутой по всей стране кампании «единства» (на деле — раскола рабочих), «рабочему дню» и т. д., попыткам создать федерацию текстильщиков и укрепиться среди отсталых групп пролетариата, сопутствует в передовых центрах, например в Бомбее, агитация на словах за выдвижение во-

ждей из рабочей среды, за создание фабзавкомов, стачкомов и т. п. «Бомбей Кроникл» от 12 апреля 1932 г. сообщает, что во время стачки на фабрике «Виктория» был создан стачком из рабочих, то же самое в ряде других случаев. На собрании моряков («Бомбей Кроникл» от 7 мая) сторонник группы Кандалкара, Маскаренхас, в своей речи призывал рабочих «выбрать своих собственных вождей». То же в ряде других выступлений. В результате трехлетней агитации коммунистов этот лозунг стал среди бомбейских рабочих одним из наиболее популярных лозунгов, и национал-реформизм ныне пытается использовать его для укрепления своих позиций.

Группа Кандалкара — Данге — Джоши стремится возглавить стихийные стачечные бои рабочих, выступая посредником в переговорах с хозяевами. Используя в первый период 1930—1931 гг. антиимпериалистические настроения масс, а теперь — растущую волну стачечных выступлений, «левые» национал-реформисты укрепляют свои позиции и возглавляют некоторые слои пролетариата. Сейчас имеется реальная угроза того, что «левые» национал-реформисты, используя наблюдающуюся еще слабость компартии и ошибки коммунистов, попытаются захватить инициативу и создать массовые национал-реформистские профсоюзы и тем самым затруднить на некоторое время революционное развитие индийского пролетариата. От работы и правильной политики коммунистов зависит, удастся ли национал-реформистам осуществить свою дезорганизаторскую, предательскую задачу. Поэтому просто пренебрежение и самоизоляция коммунистов от рабочих, идущих за национал-реформистами, не только близорука и вредна, но на ближайший период становится чрезвычайно опасной, ибо способствует усилению влияния буржуазной агентуры в рабочем движении. «Левые» национал-реформисты, выступая якобы за выдвижение вождей рабочих низов и фабзавкомов, проговариваются, что они нисколько не думают о создании классовых органов пролетариата, проводящих последовательно революционную классовую политику пролетариата. На областной конференции бомбейских профсоюзов, созванной «левыми» национал-реформистами во главе с группой Кандалкара — Джоши — Данге — Роя (23—24 января 1932 г.) были приняты резолюции, одна из которых так определяет функции фабзавкомов:

«Для устранения жалоб рабочих, во избежание накопления их и для сведения до минимума недовольства рабочих необходимо там, где это принято уставом соответствующего профсоюза, создать на предприятиях фабзавкомы для переговоров с администрацией предприятия. Конференция указывает, что... у этих фабзавкомов — функции чисто совещательного характера и действуют они лишь в рамках конституции профсоюза».

Последнее время фабриканты сами начинают создавать «фабкомы» совещательного характера для согласования мелких жалоб. Орган классового сотрудничества — вот что хотят создать «левые» национал-реформисты. Выхолостить классовое содержание и похоронить традиции, завоеванные фабзавкомами в 1929 г., — вот цель группы Роя — Джоши и К°, стремящейся путем новых маневров протащить свою политику подчинения рабочего класса буржуазии.

Проповедь экономизма

Рункар и К⁰ проводят политику подчинения рабочих буржуазии еще более откровенно, призывая рабочих отказаться от политической борьбы. В тот период, когда буржуазия твердо была уверена в своем руководстве, она даже приглашала рабочих помогать ей в «борьбе» против империализма.

Поэтому национал-реформисты призывали рабочих участвовать в движении конгресса. Растущее пробуждение пролетариата поставило под угрозу руководство буржуазии. Отсюда — попытки буржуазии отвлечь рабочих от политической борьбы к чисто экономической, тред-юнионистской политике. Самым характерным в этом отношении является приближающееся объединение реформистского конгресса профсоюзов и федерации профсоюзов, т. е. национал-реформистов и группы Джоши — Гири — Шива — Рао. В своей речи Рункар (президент реформистского съезда профсоюзов) заявил, что «рабочие чувствуют, что они были преданы вождями конгресса» и поэтому он призывает «*ограничить* свое внимание профсоюзной работой». Отход рабочих от Нацконгресса, растущую сознательность пролетариата, недовольство Нацконгрессом «левые» национал-реформисты стремятся переключить на отход от политической борьбы, переключить на рельсы тред-юнионизма и свести борьбу рабочих к борьбе за предложения комиссии Уитли, за представительство в законодательном собрании, за расширение избирательного права.

Разделение труда среди „левых" национал-реформистов

Бенгальский областной комитет реформистского конгресса профсоюзов, сотрудничающий с Рункаром, Кандалкаром и К⁰, в своей резолюции («Либерти» от 9 мая 1932 г.), приветствуя отчет комиссии, вырабатывавшей платформу единства, т. е. условий соглашения с Джоши и К⁰ — агентами английского империализма — как основу «подлинного тред-юнионизма», «сожалеет» (!) о походе на коммунистов как противоречащем интересам единства. В другой резолюции областной комитет обвинил федерацию железнодорожников в том, что она саботирует усилия железнодорожников организовать всеобщую стачку.

Реформистский конгресс профсоюзов, приветствуя отчет «комиссии единства», решил ускорить объединение с группой Джоши, а по вопросу о железнодорожной стачке отметил, что его позиция не расходится с позицией федерации, но выразил сожаление, что федерация отсрочила объявление стачки. Предстоящее формальное объединение национал-реформистов и группы Джоши, в котором группа Роя приняла самое активное участие, также свидетельствует о том, что группа Кандалкара — Джоши — Мукунда Лал и К⁰, поддержав объединение, пытается изнутри создать псевдо-левую оппозицию для того, чтобы удержать недовольные рабочие массы под руководством реформистской буржуазии.

Кандалкар — Джоши — Рой — Маскаренхас и К⁰, расколов съезд профсоюзов в Калькутте под флагом якобы защиты интересов рабочих и преданности принципам классовой борьбы, выступили

сейчас, когда классовая борьба обостряется, с платформой единства профдвижения, основной пункт которой гласит:

«Основной задачей конгресса профсоюзов должна быть организация рабочих и защита их правовых интересов, для чего надо в переходный период к социализму прибегать к переговорам, представительствам и другим методам коллективных переговоров».

В этом вся буржуазно-реформистская антиреволюционная сущность политики «левого» национал-реформизма, включая его роевскую разновидность. Недаром мистер Рой так отчаянно и беззастенчиво борется против Коминтерна и КП Индии.

Программа группы Роя — Кандалкара и К⁰

Эта группа не только активно помогала буржуазии провести раскол рабочего движения, и в первую очередь союза текстильщиков «Гирни камгар», но сделала все возможное, чтобы удержать пролетариат под руководством буржуазного Нацконгресса. Именно поэтому Кандалкар, Рой и К⁰ энергично выступали против лозунга всеобщей стачки, против рабоче-крестьянской республики и против платформы действия КП Индии. Теперь, когда рабочие низы по всей стране стихийно прорываются ко всеобщей железнодорожной стачке, «левые» национал-реформисты вместе с Роем клянутся в готовности поддержать стачку в надежде ее дезорганизовать подобно тому, как это было на Велико-индийской полуостровной железной дороге. Группа Роя — Кандалкара — Джоши выступила даже со своими принципами будущей конституции Индии. В «Индепендент Индия» от 6 октября 1931 г. они приведены полностью:

«1) Передача всей власти угнетенным и эксплоатируемым массам; 2) уничтожение туземных государств и лендлордизма; 3) освобождение крестьянства от всей эксплоатации и поборов, чтобы большая часть их избыточного продукта оставалась в их владении; 4) национализация земли, коммунального хозяйства, минеральных богатств и банков; 5) безоговорочный отказ от уплаты всех долгов, сделанных безответственным чужеземным правительством; 6) улучшение условий труда и быта промышленных рабочих и 7) контроль рабочих и крестьянских советов над экономикой страны, дабы продукт национальной свободы не был монополизирован счастливым меньшинством».

Эта общая программа ренегатской группы Роя не идет до конца даже в разрешении задач буржуазно-демократической революции и освобождения страны от власти британского империализма. На деле она ничем не отличается от программы «левых» конгрессистов, ибо, во-первых, обходит решающий вопрос о революционной диктатуре рабочего класса и крестьянства, не говорит о передаче земли крестьянам, не говорит о конфискации помещичьего землевладения без выкупа, т. е. ничем не отличается от позиции Неру, который на словах высказывается за уничтожение лендлордизма, но с частичной компенсацией; во-вторых, совсем молчит об аннулировании крестьянской задолженности; в-третьих, не высказывается за конфискацию британских предприятий, т. е. стоит целиком на почве сохранения господствующего положения британ-

ского империализма и соглашения буржуазии с ним; в-четвертых, замалчивает вопрос о самоопределении нацменьшинств; в-пятых, явно выступает за власть буржуазии, для обмана бросая лозунг о советах как части буржуазного аппарата господства, и т. д. и т. п. Это — программа буржуазно-реформистская, подлинно и ярко выявляющая всю сущность «левого» национал-реформизма. Она глубоко враждебна интересам индийского революционного народа. Этой программе соответствует отказ этой группы от всеобщей стачки, от революции, ей соответствует политика соглашения с группой Джоши, с британским империализмом и замазывание классового характера гандизма и Национального конгресса. «Левые» национал-реформисты и особенно группа Роя — Кандалкара — Джоши и К⁰ вынуждены прикрывать свою предательскую сущность «радикальными» маневрами и фразами только для дезорганизации рабочего класса и особенно пролетарского авангарда, ибо опасность коммунизма чрезвычайно велика. Комиссия «единства» в своем отчете вынуждена была признать, что коммунисты к сожалению «пользуются влиянием *вне всякой* пропорции с их организационной силой». Для борьбы против коммунизма роевская разновидность «левого» национал-реформизма идет сейчас на «левые» маневры, обвиняя коммунистов в «ультрарадикализме» и сектантстве. Открытое письмо английской, китайской и германской компартий к индийским коммунистам дает справедливый и резкий отпор этой клевете:

«Это обвинение в сектантстве по сути сводится к обвинению коммунистов в их большевистской непримиримости к национал-реформизму, в их революционной ненависти к империалистической и феодальной системе эксплоатации, в их последовательной и неустанной подготовке и мобилизации трудящихся масс к революционному свержению империалистического господства. Предательская группа Роя — Кандалкара и К⁰ в своем обращении к съезду профсоюзов в Калькутте, в листовке, выпущенной в Бомбее против Брэдли и мирутских заключенных, в своем осуждении позиции революционного крыла на Нагпурском съезде профсоюзов, организацией реакционного блока с группой Джоши — Гири — Бакхале, дезорганизаторской работой на железных дорогах, в своей борьбе против всеобщей стачки, платформы действия КП Индии и т. д. лишний раз доказала, что они проводят политику подчинения рабочего класса буржуазии, препятствуют диференциации и отходу трудящихся масс от национал-реформизма и дезорганизуют революционную борьбу рабочих и крестьян за независимость, землю и хлеб».

IV. К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДИИ

Открытое письмо компартий Китая, Англии и Германии к индийским коммунистам констатировало серьезное отставание коммунистического движения от общего развития рабочего класса.

Индийский пролетариат — молодой пролетариат. Рабочих второго поколения сравнительно мало. Большая часть рабочих — выходцы из деревни, тесно связанные с ней, у которых отсутствуют навыки

к организации и сохранились многочисленные традиции отсталой деревни. Кастовые пережитки и исключительная нищета, задавленность и бесправие рабочих масс наряду с языковыми и религиозными различиями, а также с прочими многочисленными феодальными пережитками в общественном (и экономическом) строе Индии — все это вместе взятое влияло на сплочение и рост классовой сознательности пролетариата, помогало эксплоататорским классам сохранять руководящее влияние в своих руках.

Исключительная тяжесть империалистического гнета и помещичье-ростовщической кабалы привела однако к тому, что индийские рабочие сравнительно рано втянулись в политическую борьбу, в освободительное движение.

Еще в 1908 г. под влиянием первой крупной волны освободительного движения рабочие Бомбея выступили с политической демонстрацией и стачкой против ареста Тилака. Об этой демонстрации Ленин писал: «Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы, — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета!».

Таким образом на заре индийского рабочего движения, когда отсутствовали какие бы то ни было профессиональные и политические организации пролетариата, рабочие в Индии уже показали свою решимость принять участие в борьбе за независимость страны, проявили довольно высокий уровень политической сознательности.

Следующее десятилетие не дало ярких примеров политического роста пролетариата. Однако события 1919—1922 гг. показали, что индийский пролетариат продвинулся далеко вперед. Об этом свидетельствовало не только огромное развитие стачечного движения, впервые принявшее такие колоссальные размеры в Индии (в 1921 году бастовало 600 351 рабочий, число потерянных дней — 6 984 426; в 1922 г. бастовало 435 434 рабочих, число потерянных дней — 3 972 727), образование первых профсоюзов, но и активное участие рабочих масс (не одного только Бомбея) в политических демонстрациях, митингах, уличных столкновениях и боях с полицией. Об этом достаточно ярко пишет Ганди, выступавший в те времена политическим вожаком индийской буржуазии.

В статье «Рабочая лента» (Ганди, «Янг Индия», стр. 736), описывая политическую активность рабочих, Ганди указывает:

«Общественность не имеет понятия об участии, которое проявили рабочие в сборе сваражистского фонда им. Тилака. 21 тыс. рабочих Ахмедабада внесла 51 тыс. рупий, и это по нынешней шкале — одна десятая их месячного заработка. 7 тыс. вступили членами... Бомбейские рабочие тоже послали свои гроши, хотя их не просили. Это — знамение времени». Пробуждение рабочих было совсем не по душе индийской буржуазии. И в 1921—1922 гг. она стремилась ограничить борьбу пролетариата. «Политическая ситуация также начинает оказывать свое влияние на рабочих Индии... *и будет самой серьезной* ошибкой использовать рабочие стачки для политических целей. Я не отрицаю того, что рабочие забастовки могут служить политическим целям. Но они не подходят к плану ненасильственного отказа от сотрудничества. Самая опасная вещь — это ис-

пользовать стачки рабочих для политических целей, до тех пор, покуда рабочие... не будут готовы работать для общего блага» (Ганди, «Янг Индия», стр. 737). Ганди прекрасно понимал опасность широкого развития революционного движения трудящихся масс и вместе со всей буржуазией резко выступил против уличных демонстраций бомбейских рабочих во время приезда принца Уэльского. «В это время в другой части города рабочие находились в состоянии преступного неповиновения... огромная толпа... задержала трамвайное сообщение, отнимала у всех иностранные головные уборы и забрасывала камнями... европейцев. Ободренная первоначальными успехами толпа начала жечь трамваи и автомобили... и это были огромные массы, насчитывавшие не меньше 20 тыс.» (Ганди, «Янг Индия», стр. 1136).

Приведенные факты, а также оценка их индийской буржуазией подтверждают факт политического роста рабочего класса (... в чем в большей степени сказалось влияние Октябрьской революции) и его исключительной активности в освободительном движении 1919–1922 гг.

События 1928—1930 гг. опять показали гигантское развитие индийского пролетариата. Влияние успешного социалистического строительства в СССР, китайской революции, углубляющегося кризиса капитализма и растущего подъема коммунистического движения, а также опыт классовой борьбы в Индии, продемонстрировавший позицию различных классов, — все вместе взятое гигантски двинуло вперед рост классовой сознательности и организованности пролетариата.

В 1928–1930 гг. рабочие принимали активное участие в бойкоте комиссии Саймона и Уитли. Бомбейская демонстрация 20 тыс. рабочих 3 февраля 1928 г. в день приезда комиссии Саймона — первая отдельная рабочая демонстрация с самостоятельными знаменами и под революционным руководством — ознаменовала новую страницу в жизни и развитии индийского пролетариата. Развитие стачечного движения, политические стачки, демонстрации прокатились по всей стране, рабочий класс выступил самой активной массовой силой. Эта борьба оказала революционное воздействие на крестьянство и городскую мелкую буржуазию.

В 1930 г. рабочие массы по всей стране приняли активное участие в освободительном движении.

Таким образом вся история рабочего движения последних 21 лет свидетельствует о том, что пролетариат (особенно в последние годы) активнейшим образом участвовал в борьбе за независимость Индии. Пролетариат решительно выступил против национального рабства, за свободу страны, политическая активность рабочих пошла по антиимпериалистическому руслу. Это вытекало из всей обстановки в стране. В этом была — и пока остается — главная причина огромного влияния буржуазии среди рабочих. Индийская буржуазия, используя ненависть рабочих масс к империализму (и сама будучи в оппозиции и «борясь» за реформы), пошла к рабочим с проповедью единого общенационального фронта, изображая национальной конгресс общенародной организацией и тщательно скрывая его буржуазно-классовый характер. В доверии к Национальному конгрессу

и иллюзиям насчет общенационального фронта заключается суть того, что многие рабочие, выступая на улицах с лозунгами: «Долой капиталистов!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует рабоче-крестьянское правительство!», одновременно поддерживали Национальный конгресс, считая, что он ведет борьбу против империалистов.

Обострение классовой борьбы и рост сознательности пролетариата привели наконец в 1930 г. к разрыву пролетарского авангарда с «левым» национал-реформизмом и образованию компартии (в форме отдельных групп). Это оформление коммунистического движения, означавшее переход пролетариата к борьбе за гегемонию в общенародном движении, произошло под влиянием международного коммунистического пролетариата. Оно сразу проявилось в резком обострении борьбы пролетарского авангарда против конгресса и его агентуры в рабочем движении. Буржуазия развернула бешеное наступление. В письме Неру к бомбейской рабоче-крестьянской партии весной 1930 г. буржуазия потребовала от передовых рабочих подчиниться руководству конгресса. В ответ на решительный шаг революционных рабочих (см. «Рабочий еженедельник»), выступивших за самостоятельность пролетариата и революционную программу борьбы, буржуазный конгресс повел наступление на рабочие организации. Используя поддержку Роя, Кандалкара и К°, конгресс провел «рабочую неделю», расколол Гирни Камгар и т. д. и т. п. Практика всех событий свидетельствует о том, что свою дезорганизаторскую работу конгресс провел, прикрываясь антиимпериалистической фразеологией, выступая в «оппозиции» к британскому империализму. Таким образом страстную, революционную ненависть рабочих масс против империалистического рабства буржуазия в большей мере сумела использовать в своих интересах, всячески стремясь изобразить коммунистов как раскольников антиимпериалистического движения. Слабость коммунистического движения облегчила буржуазии задачу сохранения руководства в своих руках.

Таким образом антиимпериалистический характер народного движения до известного момента, т. е. до тех пор, пока рабочие еще не изжили своих иллюзий насчет конгресса, не убедились в его буржуазном характере и предательской политике, до тех пор, пока классовая размежевка не привела к освобождению передовых слоев пролетариата от влияния буржуазии, а коммунистическое движение явно отставало в темпе своего развития, — буржуазия в состоянии была использовать для укрепления своего влияния и для дезорганизации пролетариата. Когда же опыт классовой борьбы и предательства конгрессом освободительного движения (1930—1931 гг.) показал реформистский, антиреволюционный характер политики конгресса, его буржуазную сущность, — начался отход рабочих масс. В этот период антиимпериалистический характер борьбы рабочего класса из фактора, которым умело пользовалась буржуазия, превращается в фактор, ускоряющий освобождение пролетариата от влияния буржуазии и превращения пролетариата из активнейшей силы освободительного движения в руководящую, в гегемона революционного народа. Именно поэтому правильная политика комму-

нистов в области антиимпериалистического движения принимает сейчас исключительный характер. Ибо индийский пролетариат, прошедший огромную школу политической борьбы, представляет собой первоклассную боевую силу, — и для того, чтобы помочь ему превратиться в самостоятельную классовую силу, сознающую свои особые интересы и способную стать вождем трудящихся масс, необходимо показать (не только на словах, в агитации и т. д., а в массовой борьбе, лозунгах, правильных формах движения и т. п.), что конгресс — это организация буржуазии, предающая борьбу за независимость, что как раз для того, чтобы освободить страну от национального рабства, надо создать компартию, надо сплотить силы рабочего класса, крестьянства и городской бедноты и, изолируя национал-реформистов, пойти по пути революционных методов борьбы, под лозунгами компартии, следуя примеру Китая и Советского союза. Пролетариат должен съуметь зацепиться за демократические движения. А это можно выполнить, *только* принимая самое энергичное участие в освободительном движении, в авангарде, увлекая своим пролетарским примером трудящиеся массы, укрепляя общий фронт рабочего класса и крестьянства и всех революционно-демократических элементов страны.

В 1931 г. отход рабочих масс от конгресса принял довольно серьезные размеры (стачка в Шолапуре, бомбейская демонстрация в день отъезда Ганди, многочисленные резолюции против конференции «круглого стола» и т. д. и т. п.). Процесс развития рабочего движения проходил неравномерно: в то время, как передовые слои отходили от конгресса, отсталые районы, отсталые слои пролетариата, впервые втягивавшиеся в революционную борьбу, выступали с поддержкой кампаний Национального конгресса. В Бомбее национал-реформистам и теперь удается созывать десятитысячные митинги рабочих с протестом против присланных комиссий конференции «круглого стола».

Еще более ярко это проявляется в отстающих районах. Либеральная газета «Лидер» от 8 января 1932 г. сообщает, что рабочие железнодорожных мастерских Перамбур (Южная Индия) потребовали от администрации, чтобы им разрешили покинуть работу в 2 часа дня в знак уважения к арестованным вождям конгресса. На последовавший отказ администрации рабочие бросили работу сами и провели итальянскую стачку. Реформистские вожди во главе с Гири провели вечером молитвенное собрание рабочих, молясь за освобождение вождей конгресса.

Вывод из всего сказанного таков: для того чтобы стать подлинным вождем трудящихся масс и подвести революционный народ к революции, компартия должна, изолировав национал-реформистов, повести правильную политику в освободительном движении, которая заключается в том, чтобы не только энергично бороться за независимость, но также в умении привлечь и использовать всех союзников, готовых, хотя бы некоторое время, хотя бы до известного предела, честно бороться против империалистов и вести против них революционные действия. На этом пути компартия должна стать во главе масс, превратиться в вождя индийской революции.

Революционные группы, выступавшие в защиту коммунизма и считавшие себя коммунистическими, до конца 1929 г. по сути дела оставались внутри Национального конгресса. Процесс развития и отхода революционных групп от национал-реформизма шел усиленным темпом в 1928 и 1929 гг., однако окончательный разрыв наступил лишь в 1930 г. Революционные группы принимали энергичное участие в освободительном движении и пользовались крупным влиянием, но в своей политике они по сути дела сливались с «левым» национал-реформизмом и перед трудящимися массами не выступали как самостоятельная классовая сила. В результате не было и компартии.

Рой и К°, соглашаясь на словах с политикой Коминтерна, на деле мешали созданию компартии и призывали к подчинению рабочего класса «левому» национал-реформизму. Отсюда его (Роя) отчаянная агитация за создание национально-революционной партии и подмена ею компартии; с этим была связана и его политика отказа от критики «левого» национал-реформизма и превращения рабочего класса в придаток буржуазии. Рой был исключен из рядов Коминтерна как предатель и враг международного и индийского пролетариата. Тов. Сталин в своей речи об Индии (1925 г.) наметил основные задачи для индийских коммунистов:

«1) Завоевание лучших элементов рабочего класса на сторону коммунизма и создание самостоятельной компартии; 2) создание национально-революционного блока рабочих и крестьян и революционной интеллигенции против блока соглашательской национальной буржуазии и империализма; 3) обеспечение гегемонии пролетариата в этом блоке; 4) борьба за высвобождение городской и сельской мелкой буржуазии из-под влияния соглашательской национальной буржуазии...». А между тем Рой, соглашаясь на словах с линией Коминтерна, вел курс на подчинение пролетариата буржуазии и саботажа создания компартии.

Таким образом период до конца 1929 г. знаменуется тем (и после исключения Роя остатки его идеологии не полностью еще изжиты), что революционные группы сливались с «левым» национал-реформизмом, не критиковали его, тем самым препятствуя освобождению пролетариата из-под влияния буржуазии и превращению его в самостоятельную классовую силу.

Установка Роя способствовала распространению неверия в силы пролетариата и в его способность стать гегемоном общенародного движения. Участвуя в освободительном движении, революционные группы оставались неотделимой и подчиненной частью общенационального (т. е. буржуазного) фронта.

В 1930 г. наступил перелом. Оформились коммунистические группы. Произошел разрыв с «левым» национал-реформизмом. Началась ожесточенная борьба. Производя этот необходимый перелом, коммунисты допустили серьезные ошибки. Правильно заостряя и разоблачая классовую сущность и реформистские маневры «левых» коммунистов, коммунистические группы отошли от освободительного движения, ошибочно отождествив буржуазный на-

ционал-реформизм, конгрессовое руководство (включая «левых») с широкими слоями рабочих, крестьян и революционной интеллигенции, которые пошли за Национальным конгрессом, желая бороться против империализма и не видя какой-либо другой организации, выступавшей против империализма на легальной арене.

Коммунистические группы допустили ошибку, поставив знак равенства между буржуазией и мелкой буржуазией. Самоустранение коммунистов от массового антиимпериалистического движения, внешне оказавшегося под руководством конгресса, было в корне ошибочным. Оно привело к ослаблению связей коммунистов с рабочими массами и объективно способствовало укреплению влияния буржуазии среди трудящихся масс.

Открытое письмо компартий Китая, Англии и Германии к индийским коммунистам подробно разбирает эту ошибку. Здесь в виде дополнительной иллюстрации можно привести следующее место из одного документа бомбейской партийной организации:

«Рюйкар, который был весьма серьезно дискредитирован в глазах железнодорожников и разоблачен нами как предатель, сумел на гребне национальной борьбы под знаменем конгресса укрепить свое влияние среди железнодорожников».

Бомбейские коммунисты правильно поняли, что в 1930 г. национал-реформисты сумели укрепить свое влияние среди отсталых слоев пролетариата, используя подъем антиимпериалистической борьбы. Самоустранение коммунистов, ограничившихся общими декларациями, облегчило им проведение этой задачи.

Правильная позиция компартии в области антиимпериалистического движения есть часть общего подхода коммунистов к политической борьбе рабочего класса. В Индии впервые создается и начинает строиться компартия. Впервые молодые коммунисты (пусть еще в пропагандистской форме) начинают защищать в тяжелейших условиях коммунистическую платформу и на деле («рабочая неделя» в Бомбее) противопоставлять себя конгрессу (буржуазии). Поэтому еще с большей ясностью нужно вскрыть все слабости для того, чтобы быстрее создать мощную компартию и обеспечить победоносное развитие индийской антиимпериалистической и аграрной революции.

Платформа действия компартии Индии правильно отметила, что «господство английского империализма есть основа отсталости, нищеты и безмерных страданий нашего народа». Британский империализм поддерживает помещичье-ростовщическую систему кабалы. Он лишен морального кредита и заслуживает общую ненависть угнетенных и эксплоатируемых масс Индии. И тот не коммунист, кто не сумеет понять элементарнейшей задачи — всеми силами поддерживать, быть впереди и бороться за независимость, за руководство антиимпериалистической борьбой трудящихся масс, уже начинающей сливаться с аграрным движением.

«...тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение», что мы обязаны поэтому *пред всем народом* излагать и подчеркивать *общедемократические задачи*, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о

своей обязанности быть *впереди всех* в постановке, обострении и разрешении *всякого* общедемократического вопроса... *Мы* должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои» (Ленин).

Вот эту элементарную истину индийские коммунисты должны усвоить и изжить имеющуюся у них недооценку антиимпериалистического характера революционной борьбы. Надо например не только энергично поддерживать избиваемые полицией демонстрации студентов, пикетчиков, массовые демонстрации конгресса и т. д. и т. п., но участвовать в их организации, а не держаться в стороне, одновременно всюду и везде распространяя свою агитацию, разоблачая предательский и буржуазный характер, национал-реформистов, борясь против конгрессовского руководства, определяя *свое* коммунистическое отношение ко всем вопросам. Прямой долг коммуниста не только самостоятельно организовать выступления, бороться за самостоятельное руководство массами, изолировать реформистов и т. д. и т. п., но суметь это осуществить, используя и вмешиваясь во всякий текущий вопрос (в том числе например, протестуя против ареста даже вожаков Национального конгресса, одновременно разъяснять, что конгресс предал арестованных террористов и революционеров Бенгалии, Пенджаба, ведя курс на соглашение с империалистами, и что единственная гарантия заключается в самостоятельной борьбе рабочих и крестьян и изоляции национал-реформистов), определять свое коммунистическое отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении каждого вопроса и заставлял его решать по-своему, привлекая на свою сторону нейтральные массы, направляя борьбу вперед, к более серьезным, более высоким революционным задачам, собирая, мобилизуя и подготавливая трудящиеся массы на революционное восстание. Правда, индийские коммунисты еще крайне слабы в рабочем движении и должны поэтому ставить на первое место *завоевание, упрочение влияния в рабочем классе*, но в настоящий период развития массового антиимпериалистического и поднимающегося аграрного движения это можно выполнить, только *сочетая* с участием в общенародной борьбе. Нельзя сторониться от вмешательства в любой вопрос общенародной борьбы, ибо тот, «кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом (читай: Национальный конгресс. — *М.*), отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию политической борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожаками буржуазной демократии» (Ленин). Можно ли ограничиться пропагандой идеи враждебности рабочего класса к империализму и буржуазии? Нет, нельзя. Недостаточно *объяснять* политическое угнетение рабочих (как недостаточно было *объяснять* им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу *каждого* проявления этого угнетения и каждого факта надувательства, обмана и пре-

дательства Национального конгресса. Сознание рабочего класса не может быть истинно политическим, коммунистическим сознанием, «если рабочие не приучены откликаться на *все* и *всяческие* случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, *к каким* бы классам ни относились эти случаи; — и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества» (Ленин, «Что делать?»).

Участие индийского пролетариата в народной революции за независимость, землю и рабоче-крестьянскую власть нельзя сводить к тому, чтобы он замыкался в себе, ограничивая себя узенькой меркой, становился в сторону и говорил только вообще о противоположении интересов эксплоататоров и эксплоатируемых, а надо, чтобы, выделившись в *самостоятельную* классовую силу, не сливаясь с городской мелкой буржуазией, как это иногда получается у некоторых товарищей, не страдая от половинчатости, неустойчивости, нерешительности промежуточных классов, с большей энергией, с тем большим энтузиазмом боролся за дело всего трудящегося народа во главе всего народа и в *особенности* крестьянства за полную независимость, за уничтожение помещичье-ростовщической кабалы и всех пережитков крепостничества во всем общественном строе Индии, за рабоче-крестьянскую советскую власть, *расчищая* тем самым путь к социализму.

Другой стороной фактического самоустранения коммунистов от освободительного движения явилось неумение сочетать легальные и нелегальные формы работы. Необходимость создания *нелегальной* компартии признается всеми индийскими коммунистами. Однако фактическое выполнение этой задачи крайне отстает. В ряде районов одной из серьезнейших проблем остается трудность перехода от легальных к нелегальным формам работы и организации (при сохранении и развитии легальных форм массовой работы), трудность в деле сохранения кадров партии от полицейского разгрома и провокации.

Однако строительство нелегальной компартии и развертывание нелегальных и полулегальных форм работы не только не уменьшают, а, наоборот, еще резче подчеркивают необходимость одновременного развертывания легальных и полулегальных форм массовой организации. Неумелое использование легальных возможностей ин-

дийскими коммунистами в 1930 и 1931 гг. объективно помогало буржуазии поддерживать и распространять иллюзии среди рабочих, поддерживать среди отсталых слоев пролетариата мысль о том, что Национальный конгресс ведет борьбу за свободу, защищает интересы народных масс. По вопросу о борьбе за улицу и использование легальных возможностей III съезд русской большевистской партии принял в 1905 г. резолюцию, которую с некоторыми поправками на индийскую обстановку очень полезно усвоить коммунистам Индии.

В этой резолюции сказано:

«Принимая во внимание: 1) что революционное движение в России несколько расшатало и дезорганизовало самодержавное правительство, которое оказалось вынужденным допустить свободу политического выступления враждебных ему классов в сравнительно значительных размерах, 2) что этой свободой политического выступления пользуются буржуазные классы, еще усиливая таким образом свое прежнее экономическое и политическое преобладание над рабочим классом и увеличивая опасность превращения пролетариата в простой придаток буржуазной демократии, 3) что среди рабочих масс шире и шире развивается стремление к самостоятельному открытому выступлению на политическую арену, хотя бы и без всякого участия социал-демократии (читай теперь: коммунистов. — *М.*), — III съезд обращает внимание всех партийных организаций на то, что необходимо:

а) использовать все и всяческие случаи открытого политического выступления общества и народа в прессе, союзах и собраниях для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для развития его самосознания, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социалистическую (читай: коммунистическую. — *М.*) силу;

б) использовать все легальные и полулегальные пути для создания рабочих обществ, союзов и организаций, причем следует стремиться к обеспечению преобладающего влияния социал-демократии (читай: компартии. — *М.*) на такие союзы, к превращению в опорные пункты компартии».

Резолюция ставит задачи, которые следует разрешить в Индии. Правда, период некоторого напускного «либеральничания» со стороны британского империализма в 1930 г. сменился очередной волной массового террора. Потому тем более необходимо претворить задачи, поставленные в этой резолюции, в жизнь. Растущее пробуждение рабочих, стремление организоваться и т. д. буржуазия стремится направить по реформистским каналам и превратить пролетариат в простой придаток буржуазии. Правильное использование легальных и полулегальных форм работы и организации предполагает *одновременное* самое энергичное строительство и развертывание нелегальной коммунистической организации, создание ячеек на заводах и коммунистических фракций в массовых организациях. Ибо это одна из главных предпосылок того, что будет обеспечено коммунистическое руководство и на деле установлена гегемония пролетариата в общенародном движении.

Работа в профсоюзах

Активность рабочих масс проявляется также в развертывании стачечного движения и росте стихийной оппозиции в реформистских профсоюзах, руководимых группой Джоши — Гири — Шива Рао.

«Левые» национал-реформисты, в особенности группа Кандалкара — В. Н. Джоши и К°, стремятся, частично применяя массовые формы работы, встать во главе как стачек, так и оппозиции. В ряде мест (Бомбей и т. д.) они достигли успеха.

Борьба коммунистов за массы всегда и при всяких условиях предполагает энергичное повседневное участие в экономической борьбе рабочих масс, в организации массовых профсоюзов, фабкомов, и не только участие, но в особенности и подготовку и организацию рабочей борьбы.

Это в свою очередь предполагает *инициативу* коммунистов в организации экономической борьбы рабочих масс и повседневную работу в низах, это предполагает участие коммунистов во всех выступлениях рабочих и *там*, где они проходят под руководством национал-реформистов.

А между тем практика профсоюзного движения и стачек свидетельствует о ряде серьезных недочетов в работе индийских коммунистов, являющихся остатками наследия прошлого. В прошлые годы стачки обычно возникали стихийно. После начала стачки являлись обычно реформисты, адвокаты, интеллигенты без профессии, молодые дельцы Национального конгресса и т. п. и, принимая позу защитников «бедных рабочих», выступали как адвокаты, посредники рабочих, брали на себя задачу переговоров с предпринимателями и т. д. Они всячески мешали созданию массовых профсоюзов. Выступая посредниками, адвокатами, такие «вожаки» выбирали себя председателями или секретарями одновременно в нескольких профсоюзах различных профессий.

Эта традиция была подхвачена национал-реформистами. Частично такие традиции были усвоены революционным профдвижением. С этим было связано деление на вожаков и опекаемую массу, неверие в силы пролетариата, непонимание массового профдвижения.

Такие традиции «представительства» от рабочих, вместо выбранных и пользующихся поддержкой рабочих вождей и организаторов рабочей борьбы, привели также к другой установке, а именно: тот, кто первый являлся на сцену после начала стачки, оставался большей частью вне конкуренции. Остальные не вмешивались. Эти традиции еще полностью не изжиты революционным профдвижением. Это частично объясняет тот факт, что революционное крыло до сих пор не начало энергичной борьбы за тех рабочих, которые идут за реформистами. В последнее время в Бомбее например был ряд крупных стачек, а между тем коммунисты остались в стороне. Таким же манером многие коммунисты самоустранились от массовых открытых собраний рабочих, организованных реформистами, вместо того чтобы развертывать там свою агитацию.

Это на деле облегчает национал-реформистам укреплять свое влияние и раскалывать ряды пролетариата, прикрываясь фразами о единстве.

А между тем именно сейчас, когда растет оппозиция в реформистских профсоюзах, поднимается стачечная волна, ширится стремление к массовой организации и происходит отход от Национального конгресса, — задача коммунистов заключается в том, чтобы развернуть самым решительным образом тактику единого фронта, сплочения рабочих рядов, проведения совместных выступлений и создания снизу органов единого фронта. Отсюда вытекает обязательная задача энергичного участия во всех стачках и в тех реформистских профсоюзах, которые имеют и ведут массы рабочих. В Индии большинство пролетариата не организовано, массовых профсоюзов мало, верхушечных профсоюзов много; поэтому задачи различны в каждом отдельном случае, поэтому необходимо учитывать конкретную обстановку. В тех местах, где имеются массовые национал-реформистские профсоюзы, серьезной ошибкой коммунистов является то, что они встали на путь самоустранения от работы в таких союзах.

Разоблачение национал-реформистских вожаков предполагает самую энергичную повседневную работу в низах, среди рабочих, особенно на предприятиях, идущих за реформистами.

То же самое с еще большим упорством необходимо проводить во время стачек, руководимых реформистами. Преступной близорукостью, играющей наруку буржуазии и империализму, была бы тактика пассивности и изоляции от таких стачек. Открытое письмо трех партий к индийским коммунистам резко ставит все эти вопросы, одновременно правильно подчеркивая задачу создания массовых красных профсоюзов, фабкомов и выдвижения рабочего актива.

Отношение к мелкой буржуазии

Практика последних полутора лет показала, что есть много неясного и ошибочного в политике индийских коммунистов по отношению к низшим слоям городской мелкой буржуазии. Еще в 1927 г. и даже в 1928 г. среди многих революционеров была распространена мысль о том, что Национальный конгресс является мелкобуржуазной организацией, руководится мелкобуржуазными вожаками, которые следуют гандистской философии, якобы представляющей мелкобуржуазную идеологию. Эта точка зрения была ошибочна, и весь опыт классовой борьбы это ясно подтвердил. В 1930 г., когда коммунисты порвали с национал-реформизмом и, оформившись в самостоятельное движение, повели борьбу против буржуазного Национального конгресса, они на практике в одинаковой мере выступили как против буржуазии, так и мелкой буржуазии, поставив знак равенства между ними.

Отсюда вытекала такая установка, при которой на практике не проводилось различия между буржуазным руководством конгресса и обманутыми рядовыми сторонниками конгресса (студенты, мелкие ремесленники, беднота, рабочие и т. д.), не ставилась задача освобождения революционных элементов мелкой буржуазии (готовой бороться против английского империализма) из-под влияния буржуазии, не ставилась задача создания общего фронта, включая го-

родскую бедноту, под гегемонией пролетариата для борьбы «за независимость, землю и хлеб».

А между тем весь опыт освободительного и аграрного движения 1930—1931 гг. свидетельствует о том, что политика Коминтерна в области антиимпериалистического движения (в том числе политика по отношению к революционным слоям мелкой буржуазии), основанная на опыте большевистской партии (в том числе революции 1905 г.), есть единственно правильная политика, обеспечивающая широкую связь с массами и рост коммунистического влияния, способствующая разоблачению Национального конгресса и «левых» национал-реформистов и ведущая к ускоренному развитию революционной борьбы трудящихся масс.

Компартии Китая, Англии и Германии в своем открытом письме к индийским коммунистам выступили против ряда ошибочных взглядов. К ним относилось, во-первых, утверждение, что в 1930 г. рабочий класс пошел за мелкой буржуазией, которое на деле смазывает буржуазный характер Национального конгресса и борьбу пролетариата с буржуазией за руководство народными массами, затем недооценка «левого» национал-реформизма и подмена разоблачения его политики маневров борьбой против отдельных лиц, далее ошибочное предложение о слиянии компартии с революционными мелкобуржуазными группами и т. д. Одновременно открытое письмо правильно указывает в связи с позицией революционного крыла по вопросу о расколе съезда профсоюзов на то, что «необходимо также отличать революционный патриотизм трудящихся масс, страдающих от национального угнетения, от предательского контрреволюционного, мнимого «патриотизма» буржуазии. Надо научиться доказывать, что та часть съезда профсоюзов, которая пошла за Бозе, Кандалкаром, Роем и К⁰, выступила и ведет борьбу против патриотизма революционного народа.

Тот, кто отрывает классовые интересы пролетариата от борьбы за независимость, *на деле* толкает трудящиеся массы и революционные слои мелкой буржуазии в объятия Национального конгресса и его «левого» крыла, укрепляет позиции буржуазии, вместо того, чтобы вести трудящиеся массы за собой и бороться за гегемонию пролетариата» (из открытого письма компартий Китая, Англии и Германии).

Ряд фактов свидетельствует о том, что многие индийские коммунисты не усвоили это положение. Компартия Индии правильно отметила *принципиальное* отличие компартии от всех революционных мелкобуржуазных группировок, в том числе и террористических. Но правильно ли ставить знак равенства между этими группировками, честно ведущими борьбу против империализма, с реформистским, предательским буржуазным Национальным конгрессом? Нет, неправильно. А между тем в листовке калькуттского комитета компартии сказано: «Партии бомбы и револьвера являются также партиями паразитов. Эти партии (Хиндустан, Социалист-парти, Самайярадж) выросли при тайной поддержке туземных паразитических классов и выполняют их цели. Они не борются за освобождение рабочих и крестьян от эксплоатации». Идейная борьба против террористов, критика их программ, разъ-

яснение их классовой сущности (ряд террористических групп состоит из представителей разоряющихся мелких помещиков и т. д.), которую коммунисты обязаны *всегда* вести, будут лишь тогда успешны, если коммунисты учтут отличие этих группировок от буржуазного Национального конгресса и поставят перед собой задачу изоляции буржуазии и отвоевания на сторону компартии всех революционных элементов, готовых бороться против империализма.

Индийская социалистическая революционная партия, являющаяся по сути дела одной из организаций революционной молодежи, в своем первом циркуляре выступает за массовую революцию, высказывается за диктатуру пролетариата и предлагает следующие ближайшие задачи:

1. Пропагандировать основные требования масс — начать с разъяснения 20 пунктов программы Карачи (т. е. Национальный конгресс. — *Прим. ред.*) и объяснить полезность теперешнего движения за неуплату налогов и ренты. Связь между нынешним несчастным положением крестьянства и нынешним социальным порядком. Создание свободного общества через массовую революцию... Разъяснение, как уничтожить систему заминдарства, как уничтожить нынешнее государство и как создать свободное общество после массовой революции.

2. Обсуждать бесполезность политики Национального конгресса.

3. Создание революционных центров среди рабочих и крестьян.

4. Доказать необходимость массовой революции.

Эта программа революционной организации, борющейся против Национального конгресса (но еще путающейся, например по вопросу об «основных правах», принятых на съезде в Карачи), не только ставит вопрос о революции, но выступает за аграрную революцию. Здесь революционная интеллигенция уже отражает интересы крестьянства. Группы, подобные социалистическо-революционной партии, нарождаются в разных частях страны, элементы таких групп имеются среди членов союзов молодежи «Наужаван Бхарат Сабха» и т. д. Компартия должна это учитывать. И потому нежелание работать среди революционных слоев мелкой буржуазии и отождествление буржуазии и мелкой буржуазии не только ослабляют борьбу против империализма за независимость, но помогают буржуазии сохранять свои позиции и вносить дезорганизацию в ряды трудящихся масс. А между тем изоляция национал-реформизма является обязательной стратегической задачей, означающей мощное развертывание народной революции. А для этого надо теперь *вести* энергичную работу среди мелкой буржуазии. Даже небольшой опыт индийских коммунистов подтверждает правильность такой политики.

В документе бомбейской партийной организации (июнь 1930 г.) сказано: «Первомайская забастовка в Калькутте доказала, что не только было возможно вывести большие массы рабочих на забастовку под нашими лозунгами, но также потянуть с ними часть мелкой буржуазии по вопросу о независимости». И хотя многие вышли, толком не зная, за кем идут, кто вызывает, опыт этого выступления показал, что небольшая, ничтожная по величине груп-

па коммунистов сумела вызвать и стать во главе крупного, массового выступления.

То же самое доказал опыт движения протеста против расстрела грузчиков в Калькутте. Собрание, на котором участвовала также студенческая молодежь, было организовано пролетарскими революционерами и пошло под их лозунгами (включая лозунг всеобщей стачки, отказа от платежа ренты и налогов в районах заминдариев и т. д.). Примеры отдельных таких выступлений можно констатировать и в других районах страны, и, несмотря на ошибки, промахи и пр., они свидетельствовали о том, что при правильном проведении политики в антиимпериалистической борьбе, захвате политической инициативы в свои руки (движение протеста против расстрела грузчиков ознаменовало начало массового движения в Калькутте) можно рвать рамки контрреволюционного гандизма и, беря руководство в свои руки, освобождать массы от влияния Национального конгресса.

Коммунисты и аграрное движение

Отставание коммунистического движения проявляется также в факте слабой связи компартии с аграрным движением. В отдельных местах, например в некоторых округах Пенджаба, коммунисты через крестьянские организации связаны с аграрным движением. В остальной части страны дальше пропагандистской работы, и то в большей степени среди городских рабочих, деятельность комгрупп не подвинулась. Комгруппы ведут агитацию в своих газетах, в отдельных городах провели ряд демонстраций в поддержку крестьянства (в Бомбее — демонстрация в защиту крестьян Бирмы и т. д.), выпустили ряд листовок (в том числе несколько нелегальных), провели некоторую работу среди рабочих, связанных с деревней. Платформа действия компартии Индии имеет аграрный раздел, который дает правильную линию и лозунги. Все это представляет собой серьезный шаг вперед. Впервые перед крестьянством выдвинута цельная революционная программа, представляющая интересы крестьянства. Широкое распространение этой программы и мобилизация трудящихся масс вокруг нее является важнейшей задачей. Однако ближайшей задачей, которая представляет собой узловое звено как в отношении развития революции, так и роста коммунизма и ослабления национал-реформизма, является массовое движение неплатежа ренты, долгов, налогов. Движение неплатежа носит сейчас массовый, стихийный характер и на данном этапе представляет собой главную форму крестьянского движения. Движение неплатежа перехлестывает рамки Национального конгресса. Вожди конгресса, в 1931 г. заигрывавшие на словах с лозунгом неплатежа, теперь, когда движение претворяется в жизнь, отошли от него и начинают активно его саботировать и срывать. В вопросе о массовом всеиндийском движении неплатежа интересы буржуазного Национального конгресса, связанного с помещичьим строем, и интересы крестьянства приходят в резкое столкновение. Таким образом массовое всеиндийское движение неплатежа будет способствовать разоблачению конгресса, росту классовой диференциации и осво-

бождению крестьянства от влияния национальной буржуазии. Всенародное движение неплатежа означает гигантское усиление революционной борьбы трудящихся масс против британского империализма. Это прекрасно понимают буржуазия и империалисты. Против этого они концентрируют сейчас свой удар. Задача коммунистов на ближайший период двояка: *одна* — связаться в стихийное движение неплатежа и повести курс на превращение его во всеиндийское движение, создавая крестьянские комитеты и т. д., следуя в общем указаниям платформы действия компартии Индии, и *вторая* — привлечь, мобилизовать и использовать все революционно-демократические элементы для развертывания движения неплатежа. Практика свидетельствует о том, что среди членов союзов молодежи, среди рядовых сторонников Национального конгресса, среди членов профсоюзов, идущих за национал-реформистами и т. д., имеется много людей, способных и готовых не только поддерживать, но принять энергичное участие в организации движения неплатежа.

Привлечение таких элементов является обязательной задачей. Она связана также с тем, что аграрный и антиимпериалистический потоки начинают сливаться, и в условиях углубляющегося кризиса недовольство трудящихся масс, революционная ненависть и борьба против существующих порядков и национального рабства развертываются и будут развертываться. Компартия, участвуя и организуя движение неплатежа, выделяя организаторов, используя рабочих, связанных с деревней, привлекая революционно-демократические элементы и выдвигая правильные лозунги, сумеет не только быстро вырасти в крупнейшую силу, но и приступить на деле к завоеванию руководства всенародным движением. Она на конкретном опыте борьбы крестьянских масс изолирует буржуазию и буржуазный Национальный конгресс и, освобождая крестьянство от влияния национал-реформизма, энергично двинет вперед антиимпериалистическую и аграрную революцию.

Проблемы строительства партии

Открытое письмо компартий Китая, Англии и Германии резко и подробно проанализировало основные недостатки и ближайшие организационные задачи индийского коммунистического движения.

Формирование компартии еще не вышло из периода существования отдельных, изолированных, локальных коммунистических групп и организаций. Встречаются такие факты, когда в отдельных городах существует несколько коммунистических или считающих себя коммунистическими групп, друг с другом не связанных, издающих свои газеты и т. д. А между тем огромный подъем массового движения, степень классовой дифференциации, опыт и нынешний этап развития комдвижения особенно резко ставят как немедленную, ближайшую задачу — борьбу за объединение всех комгрупп и создание единой всеиндийской компартии.

Непосредственно с этим связано преодоление наблюдающегося среди комгрупп провинциализма, замыкания в местные задачи, противопоставления местных задач всеиндийским. Такая установка объективно ведет к усилению позиций национал-реформизма и

ослаблению темпа развития компартии, в том числе и местной агитации и организации.

Практически получается, что в ряде важнейших вопросов общеиндийского значения — всеиндийского профдвижения и организации неорганизованных рабочих, всеобщей стачки, кампании за единство рабочих рядов, движения неплатежа ренты, налогов, антиимпериалистической борьбы — коммунисты теряют инициативу и не держат курса на завоевание влияния, на превращение рабочего класса в вождя, гегемона народных масс. С этим были связаны колебание по вопросу о лозунге всеобщей стачки, недооценка степени классовой сознательности пролетариата, роли мелкой буржуазии, слабая связь с крестьянством и т. д.

Преодоление этих ошибочных взглядов и борьба за всеиндийскую компартию являются важнейшим, основным политическим вопросом, от быстроты решения которого зависит в большой мере дальнейший ход революционной борьбы.

Заключение

Если кратко, в виде тезисов, дать оценку положения в стране и определить задачи, стоящие перед коммунистами, то это можно было бы сделать следующим образом.

1931 г. показал, что экономический кризис в Индии продолжает стремительно углубляться (индекс падения цен: 1928 г. — 138, 1930 г. — 112, 1931 г. — 76), сопровождаясь выкачкой золота, сокращением посевных площадей, возросшей задолженностью крестьянства (на 60–70%), падением зарплаты, ростом безработицы и т. д. и т. п., вконец разоряя трудящиеся массы, на фоне чего происходит дальнейшее развертывание революционной борьбы рабочих и крестьян.

Развертывание революционного движения сопровождается передвижкой в соотношении классовых сил, дальнейшей размежевкой сил революции и контрреволюции.

В лагере контрреволюции:

а) британский империализм усиленно сколачивает и активизирует свою опору — князей, помещиков и ростовщиков, и, идя на некоторые несущественные экономические и «конституционные» уступки индийской буржуазии, развернул бешеное наступление (карательные экспедиции и т. д.) на рабочие и крестьянские массы, стремясь в крови утопить народное движение, для чего также усиленно раздувает, инсценирует и использует религиозные, национальные, кастовые пережитки и противоречия;

б) индийская буржуазия, продолжая начатые переговоры о характере и размерах уступок, стремится сохранить свое влияние среди народных масс и, выступив с этой целью с новым «левым» маневром, на деле все больше уходит вправо, опасаясь растущего аграрного движения, входя в еще более тесное соглашение с английским империализмом для борьбы против аграрной революции, против революционного народа.

В лагере сил революции:

а) продолжается развертывание революционной борьбы против

английского империализма, в которую втягиваются новые миллионы рабочих и крестьян, под влиянием чего идет полевение значительных слоев городской мелкой буржуазии (особенно интеллигенции), возросла активность рядовых сторонников Национального конгресса, наблюдается заметный рост симпатий к социализму и т. д. и т. п.;

б) в аграрное движение втянуты миллионы крестьянства, и, несмотря на наблюдающуюся неравномерность движения, оно все больше принимает всеиндийский характер, особенно захватывая районы индийских княжеств; в настоящее время центральным стало стихийное движение снизу за отказ от платежа налогов, долгов, арендной платы, вышедшее за рамки Национального конгресса и встречающее его упорное сопротивление и саботаж, на почве чего увеличивается стихийный отход крестьянства от конгресса; аграрное и антиимпериалистическое движение начинают смыкаться, образуя в отдельных местах элементы национально-революционной войны;

в) начался новый подъем стачечного движения, захватывающий новые районы и те слои рабочих, которые в последние годы оставались в стороне (докеры, рабочие туземных государств и т. д.), движение за всеобщую стачку на железных дорогах усиленно развивается, продолжается отход рабочих масс от Национального конгресса, растет число коммунистических групп и обостряется борьба компартии с «левым» национал-реформизмом (раскол с реформистами съезда профсоюзов), стремящимся расколоть рабочий класс и удержать пролетариат на положении придатка буржуазии; обостряется борьба коммунистов с буржуазией за влияние на массы и массовые организации.

В этих условиях, когда, с одной стороны, растет революционная борьба масс, а с другой — все более обнаженно выступает контрреволюционная роль национал-реформизма, политика лагеря контрреволюции заключается в том, чтобы: 1) не допустить революционного восстания масс за полную государственную независимость Индии; 2) не допустить развертывания аграрного движения в аграрную революцию, а, внося дезорганизацию в ряды трудящихся масс, свести его к локальным, изолированным движениям и 3) отвлечь внимание пролетариата от политической борьбы к чисто экономической и не допустить возникновения сколько-нибудь серьезной всеобщей стачки, расколоть ряды пролетариата и помешать укреплению компартии.

В этой сложной обстановке задача индийских коммунистов заключается в том, чтобы:

1. Создать широкий единый фронт рабочих, крестьян и всех революционно-демократических элементов на борьбу за независимость, против английского империализма, разоблачая в ходе этой борьбы национал-реформизм и особенно его «левое» крыло; повести энергичную борьбу за независимость и, сохраняя полную организационную и идейную самостоятельность компартии, призывать к совместным выступлениям все те организации (отдельные союзы молодежи и т. д.), а также рядовых сторонников Национального конгресса к продолжению борьбы за независимость, выдвигая при

этом переходные требования, правильно отмеченные в платформе действия компартии Индии.

2. Развернуть самую энергичную деятельность для поддержки и расширения стихийного крестьянского движения за неплатеж ренты, налогов и долгов, превращения его во всеиндийское движение революционного характера, используя для этого непосредственную помощь городских рабочих, а также призывая все союзы молодежи, рядовых сторонников Национального конгресса к тому, чтобы помочь организации этого движения, создавая всюду крестьянские комитеты и дружины самообороны для организации и руководства крестьянской борьбой; именно в процессе этого движения конгресс, который на словах высказывался за кампанию неплатежа, проявит свой контрреволюционный, антикрестьянский характер, поддерживающий помещичьи и британские интересы.

3. Встать во главе и развернуть энергичную борьбу снизу за классовое единство пролетариата, для чего необходимо принять самое энергичное участие в повседневной экономической борьбе рабочих масс и развернуть максимальную активность на предприятиях, в профсоюзах (и в тех профсоюзах, которые идут за реформистами), создавая фабкомы, строя массовые профсоюзы, вовлекая и опираясь при этом на рабочий актив; в центре развертывания стачечной борьбы продолжает оставаться задача организации всеобщей стачки на железной дороге как прелюдии к всеобщей стачке.

Для борьбы за классовое единство пролетариата и подготовки всеобщей стачки необходимо: а) пойти в низы, к массам; б) выйти на всеиндийскую арену, порвав с существующим провинциализмом и в) широко развернуть снизу формы совместных выступлений рабочих (в том числе и идущих за реформистами) по конкретным случаям (стачки, демонстрации против арестов и т. п.), постоянно разоблачая на конкретных примерах антирабочую сущность реформистов.

Все эти задачи связаны с *главной* задачей и упираются в нее, — в создание *объединенной всеиндийской* коммунистической партии, вождя и организатора индийских трудящихся масс.

Г. САФАРОВ

К ВОПРОСУ О МАНЕВРАХ И О МАНЕВРЕННОЙ СПОСОБНОСТИ ИНДИЙСКОЙ БУРЖУАЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Картина политического положения Индии в настоящий момент достаточно пестрая. Вся объективная обстановка в Индии обязывает нас к тому, чтобы к оценке положения в Индии, к оценке расстановки классовых сил, к условиям развертывания классовых боев, к общим условиям антиимпериалистической, пролетарской и крестьянской борьбы мы подходили не с точки зрения чистого описания, не с точки зрения профессорского «объективизма», а с тем единственно приемлемым критерием, который на самом деле подвел бы нас к актуальным основным задачам — прежде всего и в первую очередь к выяснению пестроты и противоречивости этой обстановки.

Пестрота и противоречивость этой обстановки выражается прежде всего в том, что несмотря на то, что в течение целого ряда лет идет нарастание революционного подъема, идет все более мощное втягивание рабочих и крестьянских масс в революционную борьбу, в борьбу антиимпериалистическую, в борьбу рабочих против капиталистов, в борьбу крестьян против помещиков, а отчасти и в борьбу батраков против кулаков и помещиков, несмотря на то, что рабочее и крестьянское движение достигло очень значительного размаха и очень большой глубины, — все же руководство массовым движением остается в руках предательского и контрреволюционного национал-реформизма. Если подойти всерьез к разрешению этой основной проблемы, которая является основной с точки зрения и стратегии и тактики компартии, с точки зрения самого существования ее, то мы не сможем руководствоваться теорией [illegible] — оппортунистической теорией, согласно которой национал-реформистская буржуазия теряет или приобретает те или иные маневренные способности независимо от соотношения классовых сил и хода классовой борьбы, хода борьбы с империализмом и борьбы внутри страны. Эта теория [illegible] совсем не соответствует основным методологическим установкам исторического материализма. Последний требует от нас конкретно-исторического подхода к тем процессам, которые развиваются на наших глазах.

В первую очередь нам необходимо разобраться в том конкретном своеобразии, которое мы имеем налицо в настоящее время. Мы не можем удовлетвориться заявлениями о том, что «маневренная способность буржуазии сузилась», «маневренная способность империализма сузилась», и брать это утверждение в абсолютно голой, изолированной форме.

Чем определяется маневренная способность? Маневренная способность того или иного класса, той или иной политической организации этого класса определяется не только определенной суммой

экономических условий, она определяется не только соответствующими данными объективной экономической обстановки, — она определяется соотношением классовых сил, непосредственным взаимоотношением классов, в непосредственной их взаимной борьбе, в их непосредственных взаимных столкновениях. Поэтому говорить о сокращении или расширении этих маневренных способностей приходится в том смысле, что определенный класс теряет эту способность, поскольку он сталкивается со своим классовым противником, поскольку этот классовый противник отрезает ему путь к отступлению, поскольку этот классовый противник лишает его возможности сделать тот или иной маневр. В этом и заключается существо дела.

Взять хотя бы такой пример, как революция 1905—1907 гг. в России. Как эволюционировала маневренная способность русской буржуазии в период быстрого нарастания революции, начиная с 9 января? За 9 января последовало восстание «Потемкина», затем октябрьская всеобщая стачка, ноябрьская всеобщая стачка, декабрьское вооруженное восстание. Чем было обусловлено в этот период сосредоточение политической инициативы в руках рабочего класса? Обусловлено ли это было только тем, что массы рабочих и крестьян быстро раскачивались, втягивались в борьбу, бросались в бой? Отнюдь не только этим! Обусловлено это было тем, что пролетариат, возглавляемый собственной партией, все больше и больше выступал как самостоятельная классовая сила с присущими ему классовыми методами. С помощью этих классовых методов, благодаря тому, что пролетарские методы классовой борьбы и организации масс становились решающим узлом политических событий, — именно благодаря этому пролетариат лишал своего классового противника возможности маневрирования. Абстрагирование от реальных условий борьбы, забвение всей сложности форм взаимодействия различных и противоположных классов, оценка маневренных возможностей буржуазии независимо от степени сознательности и организованности рабочего класса — все это равносильно сползанию в болото объективистско-профессорского струвизма. Классы живут и действуют не в безвоздушном пространстве. Они борются между собой за свое решение коренных исторических «проклятых» вопросов.

В антиимпериалистическом движении Индии буржуазия благодаря целому ряду обстоятельств все еще играет такую роль, когда руководство этим движением (несмотря на всю предательскую и контрреволюционную сущность этого руководства) все еще сохраняется в буржуазных руках.

Главная причина этого в том, что буржуазии в 1930—1931 гг. удалось внести раскол и разброд в ряды передовой части индийского пролетариата. С помощью Роя, Кандалкара и К⁰ ей удалось обмануть часть рабочих фразами об «общенациональной» борьбе. Этому обману помогла недостаточная активность коммунистического авангарда в антиимпериалистической борьбе, этому помогли оппортунистические колебания в борьбе с национал-реформизмом некоторых руководящих деятелей рабочего авангарда. Расширение массового базиса антиимпериалистического движения было использо-

вано буржуазией для борьбы с пролетарским авангардом, для раскола рядов рабочего класса под предлогом единого национального фронта против империализма. Таким образом развернувшаяся в 1920—1930 гг. борьба за пролетарскую гегемонию была заторможена рядом «левых» национал-реформистских маневров.

Углубление экономического кризиса и в Англии и в Индии было решающим обстоятельством, заставившим индийскую буржуазию допустить целый ряд лживых «левых» маневров. Она использовала эти «левые» маневры для торговли, для дальнейшего выторговывания уступок у английского империализма, опираясь при этом непосредственно не только на рост массового революционного недовольства, но даже и на рост массового революционного движения. Этого обстоятельства никак нельзя упускать из виду. Именно углубление экономического кризиса заставило индийскую буржуазию пойти дальше, чем она того хотела.

Конечно индийская буржуазия проделывает все свои маневры для того, чтобы помешать приближению атиимпериалистической и антифеодальной революции. Это совершенно элементарно. Но имеется довольно большая разница между тем, когда я, скажем, иду по обрыву крутой горы и нахожусь от пропасти на расстоянии 10 сажен, и тем, когда мне приходится итти непосредственно у края пропасти, в расстоянии 1 сажени или даже 1 аршина от нее. Эту разницу нужно уметь распознать. И особенно ее нужно понять в связи с быстрым созреванием народных масс Индии для революции. Индийская буржуазия не смогла остановить процесс массового революционизирования, несмотря на то, что она использовала свое руководящее положение по отношению к антиимпериалистическому массовому движению для сковывания сил пролетарского авангарда и для борьбы против его влияния. Проделывая рискованные маневры вокруг массового революционного движения, индийская буржуазия руководится непосредственными классовыми интересами. Эти интересы направлены не только к тому, чтобы помешать рабочему и крестьянскому движению одержать верх. Буржуазия стремится также укрепить свои позиции в противовес империализму и за его счет, поскольку империализм добивается выхода из кризиса за счет нового закабаления колоний и полуколоний, а также за счет туземной буржуазии.

Империализм сейчас лихорадочно ищет выхода из кризиса, но показать сейчас, что он нашел его, он не может даже самой непритязательной колониальной буржуазии. Национал-реформистская буржуазия сейчас пытается представить массам, — и субъективно она старается убедить себя в этом, — будто помимо империалистического выхода из кризиса, помимо революционного выхода из кризиса есть еще третий выход из кризиса — национал-реформистский выход из кризиса. Если раньше под всякими псевдонимами буржуазия пыталась упрятать свою классовую программу национал-реформистского «выхода» из кризиса, то сейчас она ее вытаскивает на свет и от имени торговых палат и других подобных организаций рекламирует на всех перекрестках. «Национальный» капитал ищет общего языка с массами, хватаясь за специфические колониальные противоречия современного экономического кризиса.

Ножницы цен на фабрикаты и сельскохозяйственные продукты обнаружили резкое расхождение. Как аграрно-сырьевой придаток британской империи Индия переживает современный кризис. Индийская буржуазия пытается использовать массовое недовольство в результате обесценения сельскохозяйственной, особенно экспортной продукции для сближения с кулацкой верхушкой деревни. Индийский капитал не противопоставляет себя индийскому помещику, либеральная часть помещиков наряду с буржуазией составляет устой Национального конгресса. Кулак подводит широкий массовый фундамент под союз буржуазии с помещиком и для выторговывания уступок у империализма, и для борьбы за развитие национальной капиталистической промышленности, и для борьбы против революционных стремлений рабочих и крестьянских масс.

Вот красноречивые цифры, свидетельствующие об обесценении сельскохозяйственной продукции.

Если взять индекс цен конца июля 1914 г. за 100, то окажется:

Годы	Хлебные злаки	Стручковые	Сахар	Чай	Масло-семена	Джут сырой	[illegible]	Хлопок сырой	[illegible]
1920 г.	163	180	268	105	128	115	175	280	205
1928 г.	138	157	135	151	142	60	151	147	150
Апрель 1931 г.	66	83	137	[illegible]	71	47	71	90	127

«The Indian Trade Journal», May 26, 1932.

Если принять 1925 г. за 100, то мировые цены на хлопок с 1928 г. по 1931 г. упали с 85,7 до 39, цены же на чугун упали за этот срок с 95 до 71,1 (Der deutsche Aussenhandel unter der Einwirkung Weltwirtschaftlicher Strukturwandlungen).

Нельзя согласиться с мнением, что национал-реформисты имеют прямую агентуру в лице кулака, — нет, у них основным хребтом по-прежнему остается либеральный помещик.

Довод (пущенный в ход т. Н. Рейснером) о том, что «помещик над деревней сидит, а кулак внутри деревни сидит» также является неверным. Помещик сидит над деревней и «немного» внутри деревни. Если бы он не сидел внутри деревни, то не было бы господства феодальных пережитков в индийской деревне. Нельзя политическую надстройку, т. е. политику национал-реформизма, отделить от экономического базиса, от господства феодальной и ростовщической эксплоатации в деревне, от сплетения ее с накоплением национального капитала.

Подмена помещика кулаком при анализе политической механики национал-реформизма равносильна пренебрежению фактом господства феодальных отношений в аграрной экономике. Национальная буржуазия пытается создать более широкий, более развернутый фронт, который идет от помещика к ростовщику, от ростовщика к кулаку, и на этой основе она пытается овладеть стихийным крестьянским движением. Однако она не производит переориентировки

с полуфеодального помещика на «чистого» капиталистического предпринимателя в земледелии. Она сближает кулака с помещиком, заостряя противоречия в сторону империализма, который, кстати сказать, выкачивает золото из страны, вынимая его из карманов банкротящихся помещиков, кулаков, мелких и средних купцов и т. д.

Не так уж развились в деревне капиталистические отношения, не так уж ослабли феодальные пережитки, чтобы буржуазия могла влиять на крестьянское движение только непосредственно через кулака. Как раз рост массового крестьянского движения против помещиков и ростовщиков заставляет буржуазию и помещиков прикрывать фигуру помещика, отводя от него удары. Как раз эта национал-реформистская маскировка помещика должна быть разоблачена со всей беспощадностью.

Кризис перепроизводства на колониальной почве — это кризис перепроизводства колониального сырья и конечно кризис недопроизводства предметов потребления широчайших масс населения. К этому можно было бы еще прибавить, что это есть кризис недопроизводства средств производства крестьянского хозяйства, которое все более деградирует и падает именно под ударами этого кризиса. Именно в условиях кризиса сказывается сила феодальных пережитков. Глубина кризиса характеризуется и тем, что то место на рынке, которое очищено благодаря устранению иностранной конкуренции, не замещается товарами, произведенными национальной промышленностью. Именно остротой, созданной кризисом и увеличиваемой все больше и больше благодаря растущему империалистическому нажиму, пользуется буржуазия для того, чтобы расширить рамки внутреннего рынка для национальной промышленности. Индийский текстильный капитал конечно не может захватить все то место на рынке, которое очищается от иностранного ввоза Ланкашира. Однако индийская буржуазия, особенно Ахмедабад, кое-что захватывает. Борьба за свою долю участия на рынке, всячески стимулируемая обстановкой, для буржуазии является чрезвычайно существенной.

Нельзя рисовать положение так, что в результате кризиса мы имеем дело с голой колониальной аграризацией. Имеются налицо гниение и упадок колониальной экономики. На фоне этой гниющей — и прежде всего аграрной — экономики при наличии все большего раствора «ножниц» между ценами на ввозимые фабрикаты и ценами местных сельскохозяйственных продуктов ведет свою борьбу национальная капиталистическая промышленность. В этой своеобразной обстановке национальная буржуазия пытается бороться за расширение своей собственной промышленной базы. Это стоит за спиной нынешних маневров Национального конгресса. Эту сторону дела никоим образом нельзя упускать. Быстрое революционизирование рабочих и крестьянских масс и широких слоев городской мелкой буржуазии приводит к тому, что национальная буржуазия при наличии углубляющегося кризиса и империалистического нажима должна делать гораздо более далеко идущие маневры. Она вынуждена подходить ближе к пропасти, вынуждена рисковать заигрыванием с революционными методами. Но этими «левыми» маневрами она пользуется для того, чтобы сколотить себе соответ-

ствующий капиталец, чтобы укрепить непосредственно свои классовые позиции как против рабочего класса и крестьянства, так и против империализма.

Эту особенность положения нужно в сугубой мере учесть — это новое по сравнению с тем, что было год-полтора назад. В 1931 г., в период разговоров на второй конференции «круглого стола», буржуазия находилась под гипнозом растущей угрозы революционного рабочего и крестьянского движения. С другой стороны, как национал-реформистская буржуазия она была преисполнена больших надежд на изживание кризиса на пути прямой и открытой сделки с империализмом. Буржуазия пыталась прямо сомкнуть свой классовый национал-реформистский фронт с империализмом — сомкнуть для борьбы с угрозой революции и для общих поисков выхода из кризиса. Буржуазии казалось, что если она эту смычку произведет, если она осуществит организацию рабочего класса через подсобные организации Роя, Кандалкара и К⁰, если она подорвет крестьянское движение с помощью своего руководства сверху, то она сможет таким путем отгородить себя от опасности дальнейшего роста движения. Совершенно правильно было замечено консервативным трехмесячником «Раунд Тейбл», что то, что увидел Ганди, вернувшись в страну, оказалось для него совершенно неожиданным. Он оказался перед лицом «совершившихся фактов», из которых пришлось исходить конечно в соответствии со всей его классовой линией поведения, исходить в соответствии со всей той обстановкой, которая создалась.

Если суммировать эволюцию политики индийской буржуазии за последний период, то придется констатировать, что, с одной стороны, в период второй конференции «круглого стола», в 1931 г., индийская буржуазия сделала такой резкий шаг вправо, так ангажировалась в борьбе против рабочего и крестьянского движения, как никогда; контрреволюционное перерождение индийская национал-реформистская буржуазия сбросить с себя при самых «левых» маневрах уже не сможет.

С другой стороны, поскольку обстановка продолжала революционизироваться, постольку индийская буржуазия, несмотря на свою дальнейшую контрреволюционную эволюцию, должна была в своих маневрах подойти ближе к той пропасти, которая называется массовым революционным штурмом. Иначе нельзя было сохранить свои классовые позиции.

В рядах Национального конгресса, в его штабе, все — от самых правых до самых «левых» — единодушны в борьбе против рабочего движения и аграрно-крестьянской революции. Вспомним лишь красочное заявление «молодого» Неру в декабре 1931 г.: «Нас обвиняют в том, что мы проповедывали арендаторам крестьянскую и рабочую республику и экспроприацию помещиков. Я — социалист, и мои взгляды хорошо известны, но заявления, приписанные мне, абсолютно ложны, поскольку дело касается меня и тем более конгресса. Не было и речи об экспроприации в упомянутом смысле. Мы часто указывали, что мы работаем в пользу свараджа, который должен быть «правлением панчайята» (крестьянских общин), где у всех будут равные права («Бомбей Кроникл» от 16 декабря

1931 г.; Неру и К° могут клясться в преданности социализму, но тронуть пальцем помещика и ростовщика они не смеют.

С другой стороны, имеются известные признаки, которые позволяют говорить, что кое-какие элементы кулачества выдвигают программу более «левую», чем Национальный конгресс и чем «молодой» Неру.

Возьмите некоторые характерные формулировки особого мненияМану Субедара в комиссии по изучению вопроса о централизации банковского дела.

«Я не предлагаю немедленной и полной экспроприации всех прав класса, стоящего между действительным земледельцем и правительством. Но там, где вредные пережитки накапливаются, где зло зашло так далеко, где форма разъедает содержание, там нужно дойти до корня в целях восстановления экономического равновесия. Радикальная очистка конечно опасна, но с экономическими нуждами не считаются. А если во-время не производят нужных перемен, требование радикальной очистки может стать непреоборимым» (The Indian Central Banking Enquiry Committee, 1931, Vol. I, Part II, Minority Report, pp. 27—28).

Ману Субедар не верит в кооперацию и открыто стоит за ростовщика. Но он ближе к полному отрицанию помещика, чем пандит Джавахарлал Неру. Он передает обострение недовольства кулацкой верхушки тем, что помещик усилил разорение в период кризиса.

Индийский национал-реформизм торгуется с империализмом у преддверия революции. Это определяет и амплитуду его колебаний, и границы его маневренных возможностей, и неизбежность его капитуляции перед империализмом при решающем подведении итогов, при решающем размежевании сил.

К. М.

ПРОГРАММА АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ИНДИИ

Возня, поднятая английским империализмом 5 лет назад вокруг вопроса о новой конституции для Индии, все еще продолжается. После саймоновской комиссии, проведшей три года в Индии и представившей двухтомный доклад, после двух конференций «круглого стола», после бесконечного числа более мелких империалистических комиссий, наводнивших Индию за последние два года, — все еще неизвестно, какого рода «конституцию» получит индийский народ из рук английского империализма.

История с выработкой конституции отражает непреодолимые преграды, на которые наталкивается английский империализм при попытке взяться всерьез за осуществление своей программы в Индии. Слов нет, на данном этапе программа эта сводится к одному пункту: огнем и мечом разгромить революционную борьбу индийских рабочих и крестьян против империализма и его туземных союзников. Расстрелы рабочих и крестьянских демонстраций; отправление в тюрьму 45 тыс. человек (по официальным данным; по данным буржуазных националистов — 80 тыс.); провоцирование кровавых индо-мусульманских столкновений в массовом масштабе; закрытие сотен общественных организаций; отдача всего населения в безраздельное господство полицейщины и охранки — все это должно служить для индийского народа — как 13 лет назад послужила амрицарская бойня — вводным курсом в новую конституцию, рождающуюся в недрах империалистических комиссий.

При всем том нельзя забывать тот факт, что английский империализм ищет способа для разрешения индийской проблемы не только на путях террора и усмирений. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на королевские комиссии, посланные в Индию в течение последних лет. Задачи, поставленные английским империализмом перед этими комиссиями, были идентичны: найти пути для разрешения по-реформистски, по-империалистически тех основных противоречий, которые делают неизбежной индийскую революцию. Английский империализм великолепно понимал, что в основе индийской революции лежит аграрный вопрос. Вот почему первые эксперименты с реформами в Индии были предприняты в области сельского хозяйства. Королевская сельскохозяйственная комиссия, потратившая два года на изучение вопроса и опубликовавшая 14 томов материалов и толстый доклад, не могла предложить ничего лучшего, как создание центрального научно-исследовательского совета по сельскому хозяйству. Но одновременно с работой комиссии и несомненно в связи с ней был предпринят ряд попыток к реформированию земельных отношений. Наиболее «храброй» из этих попыток был билль по укрупнению мелких земельных владений, внесенный в бомбейский законодательный совет. Согласно этому биллю, продажа земельных владений разрешалась лишь в том

случае, если в результате этой продажи образуется участок размером в среднем не меньше 5 акров. Как видит читатель, даже этот билль, наиболее «радикальный» из всех попыток английского империализма обновить земельные отношения после войны, представляет собой не больше как пародию на столыпинскую реформу. Даже эта ублюдочная, с позволения сказать, реформа грозила согнать 4 млн. крестьян с земли. Английский империализм готов был испробовать этот путь. Однако после вторичного чтения в законодательном совете правительство внезапно убрало этот билль под сукно. В чем тут дело? А дело в том, что в это время (в 1928 г.) в Бомбее вспыхнуло массовое стачечное движение. Если английский империализм готов был пойти на крестьянское восстание в Бомбейской провинции, то объединение крестьянского восстания с революционными выступлениями рабочих в городе являлось слишком серьезной угрозой, чтобы можно было решиться на такие рискованные эксперименты.

Саймоновская комиссия образует следующий этап в «реформистских» потугах английского империализма. Комиссии Саймона было поручено подготовить проект новой конституции для Индии. В переводе на язык классовых отношений это означает — найти какой-то конституционный выход для реформистской оппозиции индийской буржуазии, какой-то клапан для революционного возмущения масс. Содержание саймоновского доклада может быть суммировано в двух словах. Делить власть с индийской буржуазией опасно. Никакая демократизация режима в Индии (например всеобщее избирательное право) невозможна. Единственный путь для укрепления английского господства в Индии — это усовершенствование старой политики: «разделяй и властвуй». Натравить мусульман против индусов, сикхов против тех и других; натравить низшие касты против высших; усилить провинциальный сепаратизм; создать новые антагонизмы там, где их нет, — одним словом, углубить расщепление индийского народа на враждующие между собой части, — такова политическая сущность предложений саймоновской комиссии по изменению конституции. Подъем антиимпериалистической борьбы в Индии сорвал проект комиссии Саймона (как и последовавшие за ней две конференции «круглого стола») еще прежде, чем он вышел из типографии. Но его политическое нутро остается неизменным независимо от конституционного наряда, в который его облачают английские империалисты. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на конституционное творчество последней по времени комиссии лорда Лотиана, проект которой опубликован в «Таймсе» от 3 июня. Вопрос о распределении мест в «реформированных» законодательных органах между индусами и мусульманами не подлежал компетенции этой комиссии. Но по вопросу о представительстве низших каст (так называемые «неприкосновенные»), к которым комиссия относит около 35 млн. индусов, она высказывается за сохранение отдельных избирательных курий. Система федерации, членами которой являются туземные феодальные княжества и отдельные провинции Британской Индии, тоже остается неизменной. Что касается избирательного права, то таковым предполагается наделить 14% населения при выборах в провинциальные

законодательные советы и только 3,3% — при выборах в федеральное собрание! Пять лет ищет английский империализм разрешения «конституционной проблемы» в Индии. Один за другим срывает революционная борьба индийских народных масс все его конституционные прожекты. И тем не менее так ограничено поле для империалистических маневров в Индии, что после неудачи повторных попыток не может английский империализм решиться на большее, чем на предоставление избирательного права 8 из 150 млн. взрослого населения Индии!

Занимаясь различными сторонами индийского вопроса, английский империализм почти забыл об индийских рабочих. По крайней мере до 1928 г. ничего или почти ничего не было слышно о рабочем вопросе в Индии. Вспыхнувшее боевое стачечное движение, которое за последние четыре года потрясло самые основы британского могущества в Индии, помогло империализму «открыть» индийский пролетариат. Первым следствием этого открытия был мирутский процесс. Следующим результатом был доклад комиссии Уитли.

Главной задачей комиссии Уитли было найти реформистское разрешение рабочего вопроса в Индии. Мы говорим: главной задачей — потому, что внимательное прочтение доклада показывает, что в ее задачи входило также и отыскание способов для повышения производительности рабочих и отыскание средств, при помощи которых английские капиталистические предприятия в Индии могли бы усилить свою конкурентоспособность в борьбе против туземных капиталистов.

Чтобы понять общее направление выводов комиссии, мы должны понять, в чем суть рабочего вопроса в Индии с точки зрения британского империализма. Своеобразие этого вопроса лежит в отсутствии или чрезвычайной слабости приводных ремней от империализма к пролетарским массам. В капиталистических странах — в самой Англии — существует сильная рабочая аристократия, вросшая в общую массу рабочих, которая служит для передачи им империалистической идеологии, теорий классового сотрудничества и т. д. и таким образом удерживает их от революционных выступлений. В Индии реформистские рабочие партии, как например «Лейбор-Парти» или социал-демократия, почти не существуют, реформистские профсоюзы очень слабы, рабочая аристократия, поскольку она вообще существует, состоит главным образом из англо-индийцев, совершенно оторванных от общей массы индийских рабочих. Зато революционное руководство, революционные профсоюзы, хотя тоже еще малочисленные, находят сочувствие со стороны рабочих везде, где они действительно обращаются к пролетарской массе. Приводимая ниже цитата из отчета комиссии Уитли чрезвычайно показательна в этом отношении:

«В последние годы тред-юнионизм встретил внутренние затруднения. С некоторого времени индийские коммунисты делали усилия захватить движение в свои руки. Эти усилия имели наибольший успех в Бомбее в 1928 г. Отсутствие сильной (империалистические комитетчики конечно имеют в виду реформистскую.— *К.М.*) организации среди хлопчатобумажников и сознание их слабости, соединенное со стимулом длительной стачки, дали возможность кучке

коммунистических лидеров энергичным усилием овладеть мыслями рабочих и в конце концов вовлечь свыше 50 тыс. в коммунистическую организацию. Одним из результатов этих стачек и особенно последней катастрофической стачки были трудности, созданные на пути развития эффективных (опять читай: реформистских.— *К. М.*) профсоюзных организаций в течение последних нескольких лет. Рабочие, разочарованные и павшие духом, расколоты, и многие из них все еще захвачены коммунистическими надеждами и идеалами... Пока это затруднение не устранено, лучшее взаимопонимание и лучшие отношения с рабочим людом (т. е. их безмолвное подчинение капиталистической эксплоатации. — *К. М.*) чрезвычайно затруднены, если не невозможны» (стр. 319).

Британский империализм достаточно хорошо понимает, что отсутствие сильной реформистской группы в рядах индийского рабочего класса является результатом отсутствия для нее экономического базиса. В самом деле, какой может быть экономический базис для массовой коррупции рабочих, если, по словам того же отчета:

«Лучше оплачиваемые рабочие тратят от 82 до 85% своей заработной платы на предметы первой необходимости, не включая... стирки белья, парикмахера, домашней посуды, мебели, болезней, рождения, свадебных церемоний, похоронных церемоний, а иногда и поездок в родную деревню и обратно. То, что остается после удовлетворения всех этих элементарных потребностей, должно уйти на оплату долгов... Остаток, если таковой имеется (! — *К. М.*) может быть израсходован на те редкие удовольствия, которые доступны безграмотным» (стр. 207). О задолженности рабочих отчет говорит: «Подсчитано, что в большинстве промышленных центров не меньше двух третей семей или отдельных рабочих находится в долгу. Мы полагаем, что в большинстве случаев размеры долга превышают трехмесячную зарплату и часто превосходят эту сумму» (стр. 221).

И вот комиссия Уитли совершенно серьезно принялась за рассмотрение всех возможных способов создания экономической основы для рабочей аристократии в Индии. Комиссия совершенно серьезно принялась за обсуждение всех методов, при помощи которых капитализму удавалось (но больше не удастся!) удержать западных рабочих под своей властью. Страхование от безработицы? В Индии насчитываются сотни тысяч безработных. За прошлый год правительственные железные дороги расчитали свыше 50 тыс. рабочих. В крупнейшей джутовой промышленности, в которой занято 340 тыс. рабочих, около 80 тыс. выброшено на улицу, а остальные работают 40 часов в неделю. «Но, — плачется комиссия, — мы не можем считать известные нам национальные системы страхования от безработицы применимыми в настоящее время в Индии» (стр. 35).

Установление минимума заработной платы законодательным путем? Хорошее средство! «Вероятно, — соглашается комиссия, — имеется много профессий, в которых желательно введение минимума зарплаты, но, — кончает комиссия, — это в настоящее время непрактично» (стр. 212).

Участие в прибылях? Было время, когда компанейские союзы.

основанные на участии в прибылях, создали большой шум в САСШ. «Левые» национал-реформисты, Боз и его соратники вполне готовы сделать участие в прибылях краеугольным камнем новоизобретенного ими «индийского» социализма. Увы! — «в нынешней стадии промышленного развития (Индии) ни одна из этих систем (участие в прибылях) не может оказаться полезной или эффективной» (стр. 210).

Итак империалистические комитетчики систематически отвергают один за другим все способы одурачивания рабочих, известные капитализму. Причину недалеко искать. Империализм не хочет и не может поступиться частью своих прибылей для того, чтобы создать реформистскую группу в индийском рабочем классе, достаточно многочисленную, чтобы дать желательный политический результат. И когда? В такой период, когда он (империализм) не может больше поддержать уровень жизни своих английских рабочих!

Всякие реформистские прожекты, которые связаны с передачей части сверхприбыли рабочим, исключены в Индии. Это комиссия по рабочему вопросу твердо установила. Ей не осталось ничего другого, как искать такого разрешения вопроса, которое не уменьшило бы прибылей капиталистов. И, как это ни странно, она нашла такое «решение». Комиссия Уитли предлагает не более, не менее как создать рабочую аристократию в Индии за счет самого рабочего класса. Чудесный этот план изложен как нельзя более ясно в следующей цитате:

«Так как фабричное население городов в значительной степени привлекается из деревни спросом (на рабочие руки), а не вырастает в городах, то вопрос главным образом заключается в том, чтобы *предупредить разбухание числа городских рабочих за счет людей, для которых нет работы*» (стр. 31).

«Важно отметить, что *во многих случаях можно значительно повысить уровень заработка промышленных рабочих как класса без дополнительных расходов для предпринимателей*... Во многих отраслях индийской промышленности нищета обостряется вследствие наличия большего количества рабочих (на предприятиях), чем это необходимо. Наихудший образец дает пароходство. Другой поразительный пример представляют угольные копи, а на фабриках многочисленны случаи, когда чрезвычайная текучесть рабочей силы приводит к разбуханию числа рабочих, между которыми приходится делить работу... *Мы еще раз настаиваем на важности замены, поскольку возможно, непостоянной рабочей силы постоянным контингентом рабочих*... Можно возразить, что если зарплата не будет повышена, единственным результатом этого будет обогащение части рабочих, между тем как другим будет лишь затруднен доступ на фабрики без какой-либо выгоды для них. Такой взгляд однако свидетельствует о близорукости. Даже если излишние рабочие, которых фабрики теперь привлекают в город, не найдут никакой работы в своих деревнях, то они все же будут в лучшем положении там, где окружение более здоровое и где расходы на их содержание меньше... Уменьшение числа (рабочих) в промышленных центрах облегчило бы вопросы жилья, санитарии, врачебной помощи и вообще всю проблему здравоохранения» (стр. 210—211).

Все предложения комиссии Уитли, длиннейший список которых приложен к отчету, все данные о положении индийских рабочих, собранные ею в 18 толстых томах, — все это мелочь и отступает на задний план по сравнению с приведенными двумя отрывками, в которых сконцентрировано главнейшее, что комиссия могла предложить для «разрешения» рабочего вопроса в Индии. *Остановите приток экспроприированных, разоренных крестьян в города, вышлите всех «излишних» рабочих в деревню*, и остальное приложится само собой. *Тогда* возможно, разделив нынешнюю общую сумму зарплаты на меньшее число рабочих, повысить их заработок без дополнительных расходов для предпринимателей. *Тогда* можно будет улучшить и обучение рабочих (конечно под контролем предпринимателя), «стимулируя их надеждой на получение награды за усовершенствование в их профессии». «Правда, — цинично добавляет отчет, — в каждой стране эти награды малочисленны, но одно их существование оказывает сильное влияние на работу рабочих и, что особенно важно, развивает способности более честолюбивых из них» (стр. 29). *Тогда* можно будет и профсоюзы поставить на услужение капиталистов. «Развитие большинства профсоюзов, — жалуется отчет, — затрудняется в настоящее время тем, что они имеют слишком ограниченное поле деятельности. Существует тенденция рассматривать профсоюз только лишь как представительство для получения всяких благ от предпринимателей. При этом забывается та ценная работа, которая может быть проведена по линии взаимопомощи» (стр. 237). И дальше следует инструкция о профсоюзной работе. Основные задачи индийских профсоюзов оказывается лежат не в борьбе с капиталистами, а в создании кредитной кооперации, открытии лавок, организации сберегательных касс и т. д. и т. п.

Направить в это русло деятельность индийских профсоюзов при нынешнем положении индийских рабочих явно невозможно. Даже империалистическая комиссия понимает, что индийскому рабочему нечего сберегать в сберкассе. Она также не на шутку встревожена слабостью позиции профсоюзной бюрократии в профсоюзных массах. На Западе мастер часто является проводником социал-реформистских влияний на рабочих. В Индии старшина или надсмотрщик, являясь, по указанию комиссии, единственными посредниками между рабочим и предпринимателем и «таким образом присоединяя к прочим своим обязанностям некоторые функции, обычно выполняемые на Западе профсоюзными чиновниками», пользуются заслуженной ненавистью рабочих, которых они беспощадно эксплоатируют путем взяток и отдачи денег в долг. Комиссия советует сделать этого старшину более культурным существом, открыть перед ним перспективу повышения по производственной лестнице и таким путем отвлечь его от тех примитивных форм эксплоатации рабочих, которые лишают его возможности играть разлагающую роль европейского профбюрократа внутри рабочего движения.

Все эти предложения, так тщательно разработанные комиссией Уитли, подчинены однако разрешению главной поставленной ею задачи — превращения индийского рабочего класса в замкнутую группу, по численности соответствующую потребности высоко-

рационализированной промышленности и закрытую от всякого притока извне. Весь вопрос в том, разрешима ли такая задача для империализма.

Выше мы наметили три вопроса, над разрешением которых билась и бьется мысль английских империалистов со времени разгрома послевоенного революционного движения в Индии. Если аграрный и рабочий вопросы являются по сути дела вопросами о политике империализма в отношении его основных революционных *противников,* то вопрос о конституции есть не менее важный вопрос с точки зрения обеспечения себе в лице индийской буржуазии *союзника* в борьбе с революционными классами. Средневековая отсталость всего общественно-экономического строя современной Индии отражается на кармане английской буржуазии (сокращение рынка), суживает ее социальную базу в стране, делает всю систему настолько неустойчивой, что один сильный революционный вихрь грозит снести ее и похоронить Британскую империю под ее развалинами. Коренные изменения во всех социально-экономических отношениях в Индии настолько назрели, что даже английский империализм, полтораста лет заботившийся о сохранении этой системы во всей ее средневековой девственности, вынужден теперь искать путей для ее перестройки. Программа английского империализма сводится к тому, чтобы провести эту перестройку как можно более поверхностно, как можно медленнее, а, главное, за счет самих индийских трудящихся масс. Только ясно представляя себе эту общую программу английского империализма, можно определить удельный вес и место отдельных уступок, уступочек и подачек, которые империализм то тут, то там бросает индийской буржуазии (как например недавнее введение законодательных органов в Северо-западной пограничной провинции), а иногда и верхушечным слоям крестьянства.

Мы видели выше, как до-нельзя сужен (даже по сравнению со столыпинскими реформами в России) масштаб «перестройки», намеченной английским империализмом в Индии. Законно задать себе вопрос: а в пределах, поставленных английским империализмом, удастся ли ему выполнить свою программу?

Ответ на этот вопрос зависит не только от объективных условий. Революционная борьба рабочего класса и крестьянства, степень организованности этой борьбы, правильное руководство ею со стороны революционной партии пролетариата являются в Индии, как и в других странах, решающим фактором. Отличие Индии от других стран (в том числе и колониальных) в том, что первые же попытки империализма приступить к малейшим и архиограниченным реформам самым непосредственным образом ударяют по жизненным интересам стольких миллионов людей, поднимают на борьбу такие человеческие массивы, создают такие острые кризисы, что империализм пугается собственных планов и спешит от них отказаться, оказываясь таким образом неспособным даже на самую что ни есть условную «реформаторскую» деятельность, углубляя при этом еще больше общий кризис всего империалистическо-колониального режима в Индии.

Это можно проверить на всей истории индийской политики английского империализма после войны. Аграрный билль в Бомбее стал законом и после этого положен под сукно. Проект Саймона предполагалось представить парламенту, но английское правительство — формально по крайней мере — отказалось от него. А комиссия Уитли в первом же параграфе своего отчета предупреждает, что «Индия имеет право ждать от нас не ряда предложений, сделанных в свете нынешнего кризиса, а обдуманную программу политики по рабочему вопросу» (стр. 4), другими словами, сама комиссия признает невыполнимость своих предложений в условиях настоящего кризиса. И в самом деле: не должны ли были показаться смешными самим почтенным комитетчикам разговоры о повышении зарплаты, когда по всей Индии идет наступление предпринимателей на зарплату, уже сниженную в среднем на 50%? Существует ли такая сила в мире, которая могла бы остановить бегство разоренных низкими ценами на сельскохозяйственные товары крестьян, голодающих бедняков и батраков из деревень в города в поисках работы? А ведь комиссия сама отмечает, что и в более «нормальные» времена, до мирового экономического кризиса, приток крестьян в города вызывался глубокими экономическими причинами. «Совершенно ясно, — замечает отчет, — что тяжелые жизненные условия, в которые поставлены жители деревни, увеличивают привлекательность того выхода, который дает им промышленность».

«Во многих обширных районах Индии число людей, занимающихся земледелием, больше, чем необходимо для обработки земли, и значительно превышает то население, которое земля может сносно прокормить... В Индии всегда существовал многочисленный класс безземельных рабочих, едва сводящих концы с концами в хорошие годы и низведенных до нищеты в плохие годы... Во многих частях страны можно найти следы (! — *К. М.*) феодализма; а в некоторых областях существует еще система долговой кабалы, которая не далеко ушла от рабства» (стр. 14—15).

Эта объективная обстановка в Индии находит свое отражение в длительном революционном подъеме, начавшемся в Индии в 1928 г. Нынешний мировой экономический кризис и его влияние на Индию разбивают последние иллюзии английских империалистов насчет возможности выйти из кризиса их режима в Индии «мирным» путем, насчет возможности теми или иными маневрами «предупредить» приближающуюся революционную развязку. Вот почему английский империализм сосредоточивает в настоящее время все свои силы (и силы туземной контрреволюции) на разгроме массового революционного движения вооруженной рукой.

«Сначала успокоение, потом реформы», — заявляет английский империализм. Удастся ли ему провести эту формулу в жизнь — зависит прежде всего от того, как быстро индийская коммунистическая партия сумеет в борьбе против контрреволюционного национал-реформизма овладеть массовым движением и превратить растущую, но пока еще стихийную борьбу масс против империалистического гнета в организованную победоносную революцию.

Е. ВАРГА

ИНДИЯ В СИСТЕМЕ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Наши дискуссии об Индии немного страдают, если можно так выразиться, национальной ограниченностью. Хотя Индия является огромным государством, целым миром, но все-таки я думаю, что если мы не свяжем индийской проблемы с проблемами Британской империи, то мы не получим полной картины.

Если мы возьмем линию развития Британской империи за продолжительный период, то увидим, что уже приблизительно 150 лет как идет концентрация Британской империи вокруг Индии, вокруг Индийского океана, и внешняя политика Англии, — во всяком случае до войны, до того времени, когда англо-американское противоречие стало решающим для Англии, — внешняя политика Англии имела одной из самых важных своих целей — сохранение своего владычества над Индией. Если вы возьмете политику Англии во второй половине XIX в., там главное противоречие было между Англией и царской Россией. В этом отношении — в отношении защиты Индии от царского империализма — очень интересно, что в тексте союза между Англией и Японией имеется специальный пункт о том, что Япония гарантирует господство Англии в Индии. И очевидно, что Англия играла не малую роль в том, чтобы отвлечь царскую политику от Средней Азии и натравить ее на Дальний Восток. Но английская политика всегда была очень эластичной, очень гибкой, и мы видим, что перед мировой войной Англия резко меняет свою политику и идет на союз со старым противником в Азии — на военный союз с царской Россией. Это произошло потому, что стремление Германии создать государство, которое бы владело всей Восточной Европой, Турцией, Персией, стремление Германии создать между североазиатской империей — царской Россией и южноазиатской империей — Англией промежуточное государство; лозунг «Берлин — Багдад» означал большую угрозу английскому господству в Индии. Мы видим, как Англия делает крутой поворот в своей внешней политике, пойдя на союз с царской Россией против Германии. Этот союз был направлен на подавление Германии, которая являлась не только промышленным конкурентом Англии, что тоже играло несомненно очень важную роль, но которая являлась угрозой для английского господства в Индии.

И в данный момент для Англии в японо-китайских событиях вопрос об Индии играет важную роль. Если мы проследим историю развития Британской империи за последние 100—150 лет, то мы увидим, как все больше и больше колонии и доминионы Англии, не лежащие вокруг Индийского океана, теряли свое значение. Если вы возьмете Америку, то там остается еще Канада, которая формально считается британским доминионом, а фактически является больше американской сферой влияния, чем английской;

остаются еще небольшие территории в Караибском море, которые несомненно входят в орбиту САСШ. Западную часть Африки Англия фактически отдала Франции, кроме Золотого Берега и других небольших территорий, которые являются английской колонией. Но зато она создала себе законченное колониальное царство на восточном берегу — от самой южной части Африки до Египта (я включаю сюда и колонии Португалии, которые фактически и политически — с точки зрения власти и экономически являются английскими колониями). Вы видите, как окружает Англия весь Индийский океан с африканской стороны. Затем часть Ближнего Востока, которая нужна Англии для защиты Индии, завоевана во время войны. На другой стороне Индийского океана мы имеем Австралию и голландское колониальное государство, которое фактически тоже находится под властью Англии. Если вы возьмете всю систему морских баз — Гибралтар, Мальта, Суэц и т. д., то вы получите целую цепь военных путей, которые являются путями из Англии в Индию. Кроме того политика Англии на севере Индии идет очень последовательно к расширению своего влияния в тех странах, которые окружают Индию. Здесь Англия в течение многих десятков лет стремится — и не безуспешно — добиться такого военного окружения, чтобы никто, никакая держава не могла военным путем приблизиться к Индии, которая все больше и больше становится центром колониального могущества Британской империи. Как пример можно привести такой факт, как создание внеморской связи через Аравийский полуостров, которую Англия сейчас осуществляет с помощью, с одной стороны, автомобильной, а с другой — аэропланной связью. Все это входит конечно в систему защиты Индии. И это понятно, потому что если взять всю колониальную империю Англии, то из всего ее населения 320 млн. человек падает на Индию и приблизительно 400 млн. человек — на колонии, лежащие вокруг Индийского океана; фактически Индийский океан стал внутренним английским морем.

Можно сказать, что за последние несколько десятков лет сущность английской политики в большом масштабе сводится к защите Индии с внешней стороны. Конечно для английского империализма здесь кроется очень трудная задача — *обеспечить английское господство в самой Индии*. Англия имеет в Индии приблизительно 80 тыс. английских солдат, и при помощи этих 80 тыс. солдат она господствует над 320 млн. населения; приблизительно на 4 тыс. индийцев приходится 1 английский солдат. Очевидно, что это возможно только при очень тонко разработанной системе использования всех внутренних противоречий, которые имеются в Индии, очень точко разработанной системе использования классовых противоречий, кастовых различий, национального и религиозного антагонизма.

Одной из наших задач является изучение всей этой тонкой и сложной системы, которую создал английский империализм для внутреннего господства в Индии. Мы должны хорошо знать эту систему, и не только в застывшем состоянии — как она есть, но и как она движется, какие маневры английский империализм применяет в Индии на каждом этапе.

В событиях, которые разыгрываются на Дальнем Востоке в данный момент, тот факт, что три империалистических государства (Франция, Япония и Англия) господствуют — первые над десятками миллионов, а последняя — над несколькими сотнями миллионов азиатского населения, создает определенные совместные интересы. В этой области политика всех этих трех государств направлена на дальнейшее угнетение всех азиатских народов. Это не означает конечно, что между ними нет противоречий в отношении того, кто какой участок может себе обеспечить, но против всех азиатских народов они имеют определенные совместные интересы. Одной из причин того, почему Англия фактически поддерживала Японию в Шанхае, почему она делает разные маневры чтобы Япония не была просто вытеснена китайским народом из Шанхая, несомненно является боязнь революционной опасности. Если китайскому народу удастся просто выгнать Японию из Китая, то это даст индийскому революционному движению громадный толчок. Англия не хочет окончательного поражения какого-либо империализма со стороны угнетенного народа, хотя очевидно, что и победа Японии и очень сильное укрепление ее в Китае тоже идут вразрез с интересами империалистической Англии, так как аппетиты Японии не остановятся у границ английского влияния. Вопрос о влиянии событий в Китае на революционное движение в Индии в большой мере определяет политику Англии в отношении Японии.

Конечно тут имеются и другие мотивы, например противоречия с Америкой и отношения к СССР. Но в отношении Индии уже имеет место борьба между Англией и Японией чисто коммерческого характера. Известно, что самым главным конкурентом английской текстильной промышленности в Индии является как раз Япония, которая все успешнее вытесняет из Индии английскую текстильную промышленность. С другой стороны, очевидно, что в силу англо-американских противоречий американская буржуазия несколько заигрывает с индийской буржуазией, немного кокетничает с ней. В этом можно убедиться, если просмотреть американские радикальные буржуазные журналы, где публикуется очень много о методах английского империализма в Индии. Все противоречия, которые имеются в Британской империи, находят отражение в Индии, как-то сосредоточиваются вокруг Индии.

Очевидно, что отношение Англии к Советскому союзу в очень значительной степени определяется положением в Индии. Не подлежит сомнению, что все другие империалисты были бы непрочь занять место Англии в Индии и единственная внешняя сила, которая искренне хочет освобождения Индии — это Советский союз. Поэтому, кроме общих всем капиталистическим странам противоречий в отношении мира социализма, у Англии, которая владеет громадными колониями, владеет Индией, есть и специальная причина, которая толкает ее против нас, и это есть как раз вопрос об Индии.

Теперь кратко остановимся на трех вопросах, затронутых дискуссией.

Первый вопрос: за счет чего идет увеличение сельскохозяйственного населения? Я об этом писал уже четыре года назад

в «Большевике». Тут не может быть никаких сомнений, что это идет за счет ремесленников, за счет мелкой буржуазии, которая не имеет больше возможности жить в городе и уходит в деревню. Факт тот, что промышленный пролетариат в Индии несомненно растет и не за счет него растет сельскохозяйственное население Индии.

Второй вопрос — это вопрос о золоте. Очевидно, что в спасении английской валюты от дальнейшего падения сыграло очень большую роль то огромное количество золота — приблизительно 50—60 млн. ф. ст., которое в последние месяцы Англия сумела вырвать из Индии. Тут был поставлен такой вопрос: от каких слоев населения идет это золото? Я не могу дать окончательного ответа на этот вопрос, но я прочту одну цитату из месячного обзора «Мидленд Бэнк»: «Движение золота по мере того, как оно идет из глубины страны, может быть вызвано не только возможностью спекулятивной прибыли, но и экономическим нажимом, который принуждает бедное население отдавать свои сбережения в форме золота».

Я считаю, что если «Мидленд Бэнк» оценивает вопрос так, что золото уходит из страны под влиянием кризиса, то нам не приходится в этом отношении быть более консервативными чем «Мидленд Бэнк». Я говорю, что я не могу дать окончательный ответ на этот вопрос: для этого нужно было бы прочесть много индийских газет, собрать много фактов. Но я считаю, что те люди, которые сидят в коньюнктурном институте «Мидленд Бэнк», читают много газет и имеют хорошую информацию.

Последний вопрос, который я считаю нужным поставить, — это следующий. Иногда у нас говорят, что индийская буржуазия окончательно и без всяких оговорок перешла в лагерь английского империализма. Это в общем правильно, но я думаю о том, что будет при втором туре империалистических войн, если Англия будет участвовать во втором туре империалистических войн, если эта война будет развиваться не в пользу Англии. Можно ли предполагать, что индийская буржуазия в этом случае, который является не фантазией, а весьма реальной возможностью, будет итти до конца вместе с английской буржуазией? Я думаю, что если индийская буржуазия увидит, что мировое владычество Британской империи колеблется, расшатывается, то она будет пытаться стать во главе революционного движения, освободительного антианглийского движения, для того, чтобы сделать попытку удержать это движение в рамках буржуазного переворота, чтобы сохранить свое положение. Я думаю, что этот вопрос может стать через несколько лет актуальным вопросом. Ведь не исключена возможность, что из того столкновения, которое сейчас уже развивается, может получиться не только интервенция против СССР, но и в связи с этим, после этого и т. д. и мировая война. Ивот интересно подумать о том, правилен ли такой тезис, что индийская буржуазия при всех обстоятельствах будет итти вместе с английской буржуазией, или же она сделает попытку создать самостоятельное буржуазное государство, или же искать против революционного крестьянства и пролетариата другого иностранного защитника, — например САСШ?

И. РЕЙСНЕР

АГРАРНЫЙ КРИЗИС В ИНДИИ

Колониальная экономика Индии потрясена до основания кризисом. Нынешний кризис не только поразил одновременно промышленность и сельское хозяйство, т. е. всю экономическую жизнь страны. Он развивается на основе застарелой структурной деградации сельского хозяйства, созданной полутора столетиями колониального хозяйничания в стране. Основная масса мелкокрестьянских производителей, — а мелкое крестьянское хозяйство является основным поставщиком колониального сырья, — зажата под прессом двойной феодально-империалистической эксплоатации. В условиях нынешнего кризиса, на предметных уроках разорения и гибели миллионов крестьянских хозяйств, с небывалой яркостью выступает как феодальная придавленность колониального крестьянства, так и его зависимость от мирового рынка.

Именно в двояком действии империалистической монополии, которая проявляет себя и как непосредственный тормоз промышленного развития, и через консервацию полуфеодального аграрного строя, заключается специфическая особенность развития капитализма в колониальной Индии, заключается вместе с тем предпосылка необходимого соединения аграрно-крестьянской и антиимпериалистической революций в один мощный кулак [1].

При торможении промышленного развития империализмом, при консервации им же феодальных методов эксплоатации в деревне сельское хозяйство не только становится основной отраслью приложения народного труда, но и в самом сельском хозяйстве условия и средства производства необходимым образом концентрируются в руках империализма, туземного помещика и ростовщика, выступают прежде всего *как орудие внеэкономического ограбления* основных масс деревни. Гибель и подчинение феодальной организации ремесла и домашней промышленности капиталу, разорение и ограбление основных масс деревни, а равно ремесленников и кустарей, при черепашьих темпах развития фабричной промышленности, необходимо приводят к широчайшей пауперизации сельского населения. Это безусловно основной процесс в колониальной деревне. Увеличивается относительное аграрное перенаселение, т. е. *давление основных масс деревни на условия и средства производства,* захваченные империализмом, помещиком-феодалом, ростовщиком и отчасти кулаком; сельское население растет быстрее городского, несмотря на развитие отдельных отраслей фабричной

---

[1] Тезисы VI конгресса Коминтерна говорят по этому вопросу следующее: „Там, где господствующий империализм нуждается в колонии в социальной опоре, он прежде всего объединяется с господствующими слоями прежнего социального строя — феодалами и торгово-ростовщической буржуазией против большинства народа. Везде империализм старается сохранить и увековечить все те докапиталистические формы эксплоатации (в особенности в деревне), которые являются основой существования его реакционных союзников“. (Стенографический отчет, вып. 6-й. Тезисы „О революционном движении в колониальных странах“, стр. 128.)

промышленности, несмотря на возникновение и рост отдельных крупных городских центров. Неуклонное увеличение населения деревни и уменьшение городского населения прослежено по индийским переписям, начиная с 1891 г. Приводим эти общеизвестные данные. Если в 1891 г. только 61% населения зависел от сельского хозяйства, то в 1901 г. этот процент равнялся 66, в 1911 г. — 71, в 1921 г. — 73. Перепись 1931 г. — она охватывает десятилетний период как послевоенного бума, так и недавнего кризиса индийской промышленности — повидимому выявляет ту же тенденцию. Журнал «Кэпител» от 13 августа 1931 г. следующим образом рисует результаты переписки: «Снова увеличилось сельское население; на его долю падает основной прирост из тех 32 млн., которые прибавились за 10 лет к общему числу жителей Индии». Орган британских империалистов заканчивает благочестивой надеждой, что чума, холера и другие эпидемии скоро истребят эти лишние рты, и не без удовлетворения вспоминает о знаменитой эпидемии 1918 г. в Индии, унесшей свыше 12 млн. жертв (главным образом деревенской бедноты и кули) и тем определившей незначительный общий прирост десятилетия 1911—1921 гг. — всего на 4 млн. К сожалению, еще не опубликованы хотя бы предварительные данные по разработке переписи 1931 г. Но если сопоставить общий рост населения в 32 млн. с ничтожным ростом числа рабочих, занятых в цензовой промышленности, — а это весьма существенный показатель промышленного развития страны, — то становится очевидным, что прежняя тенденция увеличения сельского населения по сравнению с городским проявила себя и в десятилетие 1921—1931 гг. По данным переписи промышленных рабочих, их численность выросла с 1922 по 1929 г. всего на 192 167 человек и достигает сейчас 1 553 169. Не может быть никаких сомнений, что кризис и вызванное им сокращение производства и безработица еще снизили в данное время число рабочих, занятых в промышленности.

Структура колониального рынка также представляет своеобразие. Здесь следует применить следующее ленинское указание: «Превращение крестьянства в сельский пролетариат создает рынок главным образом на предметы потребления, а превращение его в сельскую буржуазию — создает рынок главным образом на средства производства» (*Ленин*, «Развитие капитализма в России», Соч., т. III, стр. 120, Госиздат, 1926 г.).

В колониальной стране развитие капитализма в основном ведет даже не к пролетаризации, а к пауперизации крестьянских масс. Колониальный кулак открывает лишь в ничтожной степени рынок на усовершенствованные машины, орудия и т. д.

И в такой же мере, как в Индии сельское хозяйство преобладает над промышленностью, в такой же мере, как в самом сельском хозяйстве феодальная издольщина преобладает над капиталистическим земледелием, структура внутреннего рынка определяется в основном потребительским спросом полуголодных масс сельского населения, полуголодных мелких производителей [2].

---

[2] Проф. Шах исчисляет общий доход от промышленности в 10% дохода от сельского хозяйства. „Wealth and taxable capacity of India“ (данные на 1921 г.).

Доклад торгового комиссара Айскота, читанный 3 марта 1930 г. в Английском королевском обществе искусств, приводит некоторые данные, которые могут служить достаточно типичными показателями характера индийского рынка. Оказывается, что англо-индийская торговля, или, точнее, английский импорт в Индию, — а он представляет около 42% всего импорта в Индию, — слагается почти на 65% из предметов широкого потребления, объединенных под названием предметов «базарной торговли». Только 30% общего импорта включают железо, сталь, машины, паровозы, вагоны, установки силовых станций, оборудование шлюзов оросительных каналов и т. д. Что же касается индийской промышленности, то достаточно напомнить, что в 1928 г. число рабочих в текстильной промышленности (хлопок, шерсть, джут, шелк, включая хлопкоочистительные заводы) в 10 раз превышало число рабочих, занятых в металлургии (955 тыс. и 100 тыс.).

Не только индийское крестьянство обнаруживает ничтожный платежеспособный спрос, но и этот спрос необходимо обнаруживает неизбежную тенденцию к понижению. По мануфактуре, сахару, дешевым сортам металлических изделий индийский рынок заметно сузился по сравнению с довоенным уровнем, учитывая как долю туземной промышленности, так и долю импорта [3].

Иначе и не могло быть, поскольку процессы разорения, обезземеливания и пауперизации основных масс деревни ни в коей мере не соответствовали темпам развития капиталистического земледелия и фабричной промышленности. Тезисы VI конгресса Коминтерна говорят по этому вопросу следующее:

«Благодаря вмешательству империализма (налоговое обложение, ввоз промтоваров из метрополии) вовлечение деревни в область денежного и товарного хозяйства сопровождается здесь процессом пауперизации крестьянского хозяйства, уничтожением деревенской кустарной промышленности и т. д. и проходит гораздо более стремительным темпом, чем это было в свое время в передовых капиталистических странах; наоборот, замедленное промышленное развитие поставило здесь тесные границы процессу пролетаризации» («VI конгресс Коминтерна», Стенографический отчет, 6-й выпуск, стр. 131).

Самое превращение натурального крестьянского хозяйства в денежное и товарное, самая гибель домашних промыслов и отделение

---

[3] Сужение рынка по мануфактуре рисуется по данным секретаря Ассоциации индийских текстильных фабрикантов Мангалаля Ганди в следующем виде: „До войны, в период пяти лет, кончая 1914 г., Индия импортировала 2557 млн. ярдов мануфактуры, вырабатывала на собственных фабриках 1015 млн. ярдов, ручные ткацкие станки давали 1186 млн. ярдов. Наше годичное потребление можно было в нормальное время исчислить в 5 млрд. ярдов ценой около 220 крор рупий (крор = 10 млн. рупий; в рупии — 74 коп. золотом), но покупательная способность Индии упала в силу различных причин за последнее время. В период пяти лет, 1914—1920 гг., мы импортировали в среднем 1462 млн. ярдов, произвели на собственных фабриках 1363 млн. ярдов, получили от ручных ткацких станков 979 млн. ярдов. С 1920 г. наше среднее потребление мануфактуры равнялось 4440 млн. ярдов, причем доля ручных ткацких станков равняется 1 млрд. ярдов.

Сужение рынка выступает еще более наглядно, если учесть, что население Индии выросло с 1911 г. на 35 млн. душ (*Mangalai Gandhi*, „Cotton Textile Industry of India“, 1930, p. 73).

домашней промышленности от земледелия открывают известный рынок для фабрики. Падает материальное благосостояние, сокращаются потребности основной массы разоряемого крестьянства, возрастает их зависимость от рынков, растут их денежные бюджеты [4]. Капиталистическая промышленность однако разрушает рынок в процессе его создания. В письме к Даниэльсону Энгельс указывает на следующее обстоятельство:

«Одно из необходимых последствий развития крупной промышленности заключается именно в том, что она разрушает свой собственный внутренний рынок путем самого процесса, которым она создала его. Она создает его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но без домашней промышленности крестьянство не может жить. Крестьяне разоряются *как крестьяне;* их покупательная сила снижается до минимума, и пока они не обоснуются в новых условиях существования в качестве *пролетариев,* они будут представлять лишь очень жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов. Капиталистическое производство, будучи переходной экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся очевидными лишь по мере его собственного развития. Это стремление — создавать себе рынок и в то же самое время разрушать его — представляет как раз одно из таких противоречий» (*К. Маркс и Ф. Энгельс,* Письма, стр. 291—292).

В колониальных условиях подавляющее большинство разоряемых крестьян и ремесленников *не находят выхода на фабрики,* не могут обосноваться в новых условиях существования как пролетарии, потому что империализм блокирует эту дорогу. Но империализм также консервирует феодально-гнилой аграрный строй, усугубляет ростовщическую кабалу, подпирает и усиливает внеэкономические методы ограбления крестьян. Тем самым стабилизируется положение, когда разоряемые крестьяне «представляют лишь жалкий рынок» для промышленности, поскольку «их покупательная способность снижается до минимума». Вместе с тем даже этот «жалкий рынок» обнаруживает тенденцию к сокращению. Деградирует хозяйство мелких производителей, разоряются основные массы деревни. И это самым непосредственным образом отражается на емкости колониального рынка [5]. Жалкие копейки ежегодного душе-

---

[4] «...рынок может создаваться не увеличением потребления, а превращением натурального потребления (хотя бы и более обильного) в денежное или платящее потребление (хотя бы и менее обильное). Мы видели сейчас, что безлошадные крестьяне меньше потребляют, но больше покупают, чем среднее крестьянство. Они становятся беднее, получая и расходуя в то же время больше денег, — а именно обе эти стороны процесса и необходимы для капитализма» (*Ленин,* т. III, стр. 12, изд. 2-е).

[5] Здесь нужно в особенности иметь в виду указания VI конгреса Коминтерна: „Это бедственное положение крестьянства означает в то же время кризис внутреннего рынка для промышленности и, со своей стороны, представляет собой сильное препятствие на пути капиталистического развития страны. Как национальная буржуазия Индии, Китая, Египта, так и империализм ощущают эту крестьянскую нужду как помеху на пути расширения их эксплоатации; но все они в силу экономических и политических интересов так тесно связаны с крупным землевладением, а также с торговым и ростовщическим капиталом, что они не в состоянии провести аграрную реформу сколько-нибудь широкого значения" (Тезисы о революционном движении в колониальных странах, Стенографический отчет, 6-й вып., стр. 132).

вого оборота внешней торговли, помноженные на сотни миллионов крестьянских потребителей, дают импозантные цифры внешней торговли. Но они не могут скрыть, что основой этой торговли в Индии до сих пор остается деградирующее мелкокрестьянское хозяйство, придавленное феодально-империалистической эксплоатацией [6]. И мировой кризис, развивающийся на основе всеобщего кризиса капитализма, нанес новые беспощадные удары колониальной деревне.

Приведем самые краткие данные о феодально-империалистической эксплоатации крестьянства как основной предпосылке структурной деградации сельского хозяйства.

Из среднего дохода на душу населения, исчисляемого суммой порядка 100—110 рупий в год, т. е. 75—82 золотых рублей, налоги изымают свыше 13%. Особенно тяжело давит поземельный налог в областях райотвари, где он изымает от 15 до 20% валового урожая, и у беднейшего крестьянства (поскольку оно кое-где сохранило землю) не только поглощает ренту, но и значительную часть заработной платы. Самая структура бюджета ярко подчеркивает рабское колониальное положение Индии. От 40 до 50% общеиндийского бюджета в среднем расходуется на армию и полицию. Около 30% составляют платежи колониальной дани. Около 10% обходится содержание царственно оплачиваемой европейской чиновничьей верхушки. На все остальные нужды остаются, в полном смысле слова, жалкие крохи.

Следующая таблица наглядно иллюстрирует, «куда» растет колониальный бюджет.

Рост основных расходных статей индийского бюджета (1913—1932 гг.)

	1913—1914 гг.	1931—1932 гг.	% роста
	(в миллионах рупий)		
Военные расходы . . .	298,5	534,0	79
Процент по долгам (главным образом по непроизводительным займам)	19,4	95,5	405
Расходы на гражданскую администрацию.	48,2	121,3	158

„Бомбей Кроникл" от 5 мая 1931 г.

52% посевной площади в районах земельных систем «постоянного и временного заминдари» с самого начала отданы колониальным

[6] Душевое потребление товаров английского импорта доминионами, с одной стороны, колониями - с другой стороны, рисуется в следующем виде (1931 г.):

(в фунтах стерлингов, шиллингах, пенсах)

Ирландия	10—6—7	Индия	0 11—0
Новая Зеландия .	7—9—0	Цейлон . . .	0 10—2
Южная Америка .	2—14—6	(В 1921 г. Индия потребляла на душу	0 5—8,
Австралия	2—1—4	а в 1930 г.	0 3 · 0
Канада	1—19—9	англо-товаров).	

„Коммерс" от 7 апреля 1932 г.

хозяином в помещичью собственность отчасти старым феодалам, отчасти чиновникам, откупщикам, крупному торгово-ростовщическому капиталу, 48% посевной площади охватывает земельная система «райотвари», где английская аграрная политика создала в конце XVIII и в начале XIX вв. карикатуру на крестьянскую парцеллярную собственность. Но, как показывает следующая таблица, большая часть этих крестьянских парцелл прочно освоена помещиком и кулаком. (Приведенные данные заимствованы нами: по провинции Бомбея — из показаний директора земледелия Гарольда Мана перед королевской комиссией по земледелию Индии; по провинции Мадраса — из меморандума, представленного в той же комиссии департаментом земледелия; а по Пенджабу — из книги проф. Кальверта.) [7]

	Крестьяне		Кулаки		Помещики	
	Число влад. (в тыс.)	У них земли (в тыс. акр.)	Число влад. (в тыс.)	У них земли (в тыс. акр.)	Число влад. (в тыс.)	У них земли (в тыс. акр).
Бомбей	1 700	3 760	200	3 440	40	20 000
Мадрас	5 233	19 964	168	4 586	13	1 910
Пенджаб	4 250	10 276	600	9 456	150	6 760
„	11 183	33 900	968	17 282	203	28 679
	90,5% владельцев земли в 3 акра в среднем	45,2%	7,8% владельцев земли в 18 акров в среднем	21,5%	1,7% владельцев земли в 141 акр в среднем	36%

Как общее правило, индийский помещик не ведет сам хозяйства, он является отсутствующим помещиком, подлинным рентополучателем паразитом. Основной формой аренды является полуфеодальная издольщина, изымающая от 50 до 70% крестьянского урожая. Рядом с издольщиной развиваются и другие виды аренды; кое-где образуется и капиталистическая рента, но именно полуфеодальная издольщина является господствующим типом отношений.

Общая задолженность индийского крестьянства ростовщику исчислялась в 1924 г. проф. Радхакамудом Мукарджи цифрой в 4 млрд. рупий. Сейчас журнал «Кэпител» называет цифру в 9 млрд. рупий [8]. Выборочные обследования показали, что в отдельных провинциях, как в Пенджабе, Бенгалии, Бомбее, от 60 до 90% крестьянских хозяйств находятся в неоплатном долгу у ростовщика. Излишне говорить, что ростовщическая кабала возникает на основе сочетания феодальной придавленности колониального крестьянина и его потребности в деньгах, его зависимости от рынка. Как известно, основные массы деревни, разумеется не считая кулацких хозяйств, отрезаны ростовщиком от рынка, получают цены, которые в среднем на 30% ниже рыночных.

[7] Эти выкладки автора являются дискуссионными. — *Ред.*

[8] Весь живой и мертвый инвентарь индийского крестьянства оценивается около 7 700 млн. рупий.

Дробление и мельчание крестьянского землепользования

В типичной деревне Бомбейского Деккана обследование др. Мана обнаружило следующее. Если в 1817 г. душевой надел равнялся 56 акрам, то в 1913 г. — 34 акрам; в 1917 г. — 15 акрам. В той же деревне 77% хозяйств обрабатывали наделы ниже 20 акров, что в условиях богарного земледелия засушливых областей Деккана представляет минимум мало-мальски рентабельного владения, допускающего выгодное применение рабочего скота. В этой же деревне 60% всех владений имели свыше 5 полос каждое, 17% — свыше 10 полос (см. *Mann*, Land and Labour in Deccan Village, стр. 4, 115) [9].

В типичном пшеничном районе Пенджаба Бхала установил те же явления дробления, мельчания, чересполосицы крестьянского землепользования. В деревне Байрампур душевое владение равнялось в 1852 г. 18,7 акра, в 1885 — 6,6 акра, в 1918 г. — 4 акрам. Свыше 55% хозяйств имели меньше 3 акров земли; свыше 25% хозяйств обрабатывали землю, разбитую на 30 полос (см. *Bhala*, Survey of Bairampur, стр. 25, 32, 35).

По южноиндийской деревне имеем ту же картину. Согласно обследованию Айера, «свыше 71% хозяйств имеют меньше 5 акров земли. Громадное большинство крестьян вынуждено брать землю в аренду. Это жалкие бедняки, не могущие найти другой работы, пытающиеся кое-как прокормиться. Они в полной зависимости от помещика... *он из них извлекает какую захочет ренту*» («Malabar Village», стр. 36, 83). За данными *о среднем* размере хозяйств по важнейшим провинциям Индии скрывается потрясающий земельный голод основных масс деревни, скрывается невиданное дробление и мельчание наделов. Приводим эти данные:

Ассам	2,96 акров
Бенгалия	2,50 „
Бихар и Орисса	3,09 „
Центральная провинция	8,48 „
Бомбей	12,15 „
Мадрас	4,91 „
Северо-западная провинция	11,22 „
Пенджаб	9,18 „
Соединенные провинции	2,51 „

Техника сельского хозяйства остается в основном на старом уровне, но увеличивается уплотнение людей на земле, растет относительное аграрное перенаселение. Дробятся и мельчают наделы. Чересполосица исключает возможность «рационального» ведения хозяйства, мельчание наделов заходит так далеко, что некоторые

[9] Тот же Ман приводит любопытную таблицу общего распределения «капитала» в типичной деревне Бомбейского Деккана. Оказывается, земля составляет 59,1%, дома — 22,3%, скот — 15,9% и орудия — 2,7% всех «капиталов». Подавляющая доля «поглощается сложными издержками» сельского хозяйства — земельной собственностью. На нее приходится почти 60% — и это в безводном, малоплодородном Деккане с относительно низкими ценами на землю. На орудия и скот падает всего 13%. Весьма наглядно выявляется низкий органический состав капитала в сельском хозяйстве Индии. В пшеничных районах цена полного набора примитивных деревенских сельскохозяйственных орудий (а именно такими орудиями работает крестьянин) не превышает 30 рупий, а в рисовых районах даже 4 рупий (см. там же).

из них превращаются в полосы, измеряемые десятыми долями акра. Дробление и чересполосица ставят препятствие расширению колодезного орошения. На этих мелких участках нельзя использовать полностью и рабочий скот. Основные массы деревни находят применение своему труду лишь несколько месяцев в течение года. Остальное время они обречены на вынужденное бездействие. Из Индии выкачиваются за границу костная мука, жмыхи и прочие виды удобрения [10]. Почва истощается. Колониальные хозяева отобрали общинные выгоны и сдают их в аренду по нормам пахотной земли; закрыли доступ в леса и назначили высокую плату за сбор топлива в запретных лесных зонах. Скотский навоз вместо удобрения идет на топливо. Вырождается скот [11]. Ухудшается качество зерна. Крестьянин берет посевные семена на кабальных условиях у ростовщика. Ростовщик сбывает негодный посевной материал. Следующая характеристика сельского хозяйства принадлежит перу весьма умеренного буржуазного националиста: «Недостаток топлива вынуждал народ жечь лучший вид удобрения (навоз), увеличившееся давление населения на землю заставило отказаться от оставления земли под паром; бедность не оставляла другого выхода, как продать весь урожай на корню, чтобы уплатить проценты ростовщику и налог государству; посевные семена приходилось потом закупать у ростовщика, и это исключало возможность тщательного их отбора» (Gadgil, Industrial evolution of India, стр. 74).

Неудивительно, что феодальные методы эксплоатации обнаруживают невиданную живучесть; под феодально-колониальным прессом лишь медленно и мучительно происходит расслоение деревни; богатейская верхушка занимается не столько арендой, сколько сдачей земли; кулак выделяется не только и не столько наймом рабочей силы, прогрессивным характером земледельческого производства, сколько размером денежного и земельного имущества, торгово-ростовщическими операциями. В то время как в заокеанских странах на земле, свободной от феодальных загородок, при низкой ренте и высокой заработной плате создались в XIX в. образцы капиталистического земледелия, машинизированного хозяйства, мы наблюдаем в колониальной Индии явления обратного порядка. Заторможенное развитие промышленности, дешевые рабочие руки, высокая грабительская рента, невиданно низкий органический со-

---

[10] В 1913 г. Индия вывезла 145 млн. *кг* удобрений, в 1927 г. — 116 млн. *кг* (главным образом костная мука); за те же годы она ввезла 6 млн. и 75 млн. *кг* удобрений (главным образом для чайных плантаций — монопольной собственности английского капитала). Сейчас заводы Тата производят удобрения на отходах металлургии, но они идут почти целиком на экспорт.

[11] Монополизация империализмом лесов и захват помещиком и империализмом общих выгонов и пустошей, при сохранении экстенсивно-примитивного характера сельского хозяйства, невиданно ускорили вырождение крестьянского скота. В Индии выгоны и пастбища относятся ко всей земле, как 1:17; в Японии — 1:5; в Германии — 1:6; в Новой Зеландии — 1:3.

Выгоны и пастбища на голову скота:

Индия	0,114
САСШ	1,6
Новая Зеландия	1,35
Германия	1,44

став капитала в сельском хозяйстве, феодальное землевладение, парцеллярный крестьянин-арендатор, выпужденный цепляться до последнего за землю. В свою очередь консервация английским капиталом ростовщической и феодальной эксплоатации в деревне невиданно суживает объем внутреннего рынка, определяет его в значительной мере потребительским спросом голодной крестьянской массы. И возникшая в порах колониальной экономики туземная фабричная промышленность наталкивается не только на необходимость делиться внутренним рынком с Манчестером и Осакой, но и на то, что дальнейшее расширение этого рынка упирается в неизбежность революционной ломки всего строя аграрных отношений. Но эта задача не по плечу туземной буржуазии, выросшей на дрожжах феодальной и ростовщической эксплоатации крестьян.

Структурная деградация сельского хозяйства Индии также выражается в неуклонном падении урожайности с акра основных крестьянских посевов (это падение далеко перекрывает повышение урожайности в единицах помещичьих хозяйств юнкерского типа и в части хозяйств кулацкого сектора); в том, что систематически ухудшается качество индийского сырья — хлопка, джута, маслосемян, снижая цены на него ниже мировых; в том, что хиреет скот, истощается почва, вырождается основная производительная сила — сам человек, и весь процесс воспроизводства происходит на все более суживающейся основе [12].

В условиях процесса неравномерного развития капитализма кризис сельского хозяйства Индии неизбежно вел к вытеснению ее продукции с мирового рынка. Индийский пшеничный экспорт был за прошлые годы сведен на-нет конкуренцией Австралии и Канады, и при благосклонной поддержке английского империализма и его тарифной политики австралийская пшеница завоевала себе важное место на рынках Бенгалии и Южной Индии. По земельным орехам Индию вытесняла Аргентина и отчасти Африка. По рису, с одной стороны, Америка, с другой — конкуренция Индо-Китая и Сиама — колоний и полуколоний, относительно позже отвоеванных империализмом [13].

---

[12] Урожайность с акра крестьянской земли в Индии исключительно низка, причем она продолжает падать. Приводим данные по этому поводу, опубликованные недавно в «Капитал» (от 12 февраля 1930 г.)

	Индия	Япония	Египет	Англия	О. Гавай
		(в англофунтах)			
Пшеница . . .	605	1 526	1 530	2 022	—
Рис	1 24[illegible]	30 040	2 783	—	—
Хлопок	87	181	371	—	—
Сахар . . .	2 400	3 340	3 073	—	18 7[illegible]

[13] За три последних года экспорт риса из Индии, Сиама и Индо-Китая рисуется таким образом (в млн. ф. ст.):

	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Индия	9 547	9 456	7 084
Сиам	2 357	—	[illegible] 617
Индо-Китай	3 2[illegible]	—	[illegible] 5[illegible]8

На европейских рынках Индию бьет американский, отчасти испанский и итальянский рис.

(Продолжение на след. стр.)

В условиях грабительски высокой докапиталистической ренты и низкого органического состава капитала в сельском хозяйстве индийский колониальный крестьянин может (точнее: вынуждается империализмом) конкурировать с продукцией стран, обладающих относительно низкой рентой и более высоким органическим составом капитала, только за счет дальнейшего и быстрейшего ухудшения собственного жизненного уровня, за счет деградации сельского хозяйства. Но пределом ограбления основных масс колониального крестьянства отнюдь не является уровень мировых цен на предметы его экспорта. Здесь нужно учесть «издержки» такого порядка, как сверхприбыль империализма на разрыве цен между внутренним индийским и мировым рынком; как разрыв цен между деревенским рынком (торгово-ростовщическая и помещичья контрактация) и основным городским рынком и т. д. Колониальная сверхприбыль не родится из ничего; она имеет своим источником также то обстоятельство, что империализм, используя приводные ремни феодально-ростовщической эксплоатации (и в известной степени делясь добычей с феодалом и ростовщиком — этого не избежать), не дает основным массам индийского крестьянства мировых цен даже в том случае, когда реализация колониального сырья и продовольствия и без того убыточна для непосредственного производителя. И если империалистическая сверхэксплоатация отнимает у кулака известную часть присвоенного им прибавочного продукта и прибавочной стоимости, то для основных масс деревни она означает дальнейший вычет из необходимого продукта, дальнейшее снижение жизненного уровня, абсолютное обнищание.

В нижеприведенной таблице мы даем падение цен по основным экспортным культурам Индии — хлопку, рису, чаю, пшенице, земляным орехам. За исключением чая, продукта плантационного хозяй-

---

Следующие данные рисуют процесс превращения Индии из страны, вывозящей пшеницу, в импортера австралийской пшеницы. В среднем за пятилетие 1909—1914 гг. Индия вывезла 1 309 тыс. *т* пшеницы. В последние годы ее экспорт равнялся: в 1927/28 г. — 360 тыс. *т*, в 1928/29 г. — 114 тыс., в 1929/30 г. — 13 тыс. *т*. Одновременно импорт пшеницы в Индию главным образом из Австралии, в меньшей степени из Аргентины, составлял: в 1928 г. — 150 тыс. *т*, в 1929 г. — 709 тыс., в 1930 г. — 191 тыс. и в 1931 г. — 245 тыс. *т*. С 20 марта 1931 г., сроком на год, индийская пшеница получила таможенную защиту. Импортируемые пшеница и пшеничная мука облагаются пошлиной в размере 2 рупий с центнера. Характерно, что во время кризиса цены на индийскую пшеницу пали гораздо ниже канадской и австралийской. К октябрю 1930 г. австралийская пшеница упала на 47, индийская — на 54 пункта.

Экспорт масло-семян
(в тысячах тонн)

Годы	Аргентина	Индия
1925	969	—
1926	1 673	—
1927	1 834	—
1928	1 974	1 357
1929	1 617	1 449
1930	1 160	1 612

ства, совмещающего высокую технику с безжалостной эксплоатацией контрактового (полурабского) труда, все эти культуры представляют собой товарный выход крестьянских хозяйств в Индии.

Октябрь 1929 г.	Октябрь 1930 г.	Декабрь 1930 г.	Август 1931 г.	Высшая точка подъема после отмены золотого стандарта[1]	Август 1932 г.
Хлопок (Бомбей; цена в рупиях и анна * за канди в 784 фунта)					
344	202	183,8	157,8	239 (февр. 1932 г.)	177
Рис (Рангун; за 100 корзин по 175 фунтов в рупиях и анна *)					
460	277	220	180	300 (март 1932 г.)	232
Пшеница (Лиальпур; в анна за маунд в 82 фунта)					
4,8	2,1	1,12	1,12	2,12 (дек. 1932 г.)	2,1
Чай (Калькутта; в пайсах за фунт чая)					
11,4	—	16	6,1	7 (октябрь 1932 г.)	5
Земляные орехи (Мадрас; за канди в 500 фунтов в рупиях)					
38	—	31	28	43 (март 1932 г.)	153,6

* В сентябре 1931 г. после краха фунта и последовавшей отмены золотого стандарта рупии цены, отраженные в обесцененной рупии, несколько поднялись вверх. При обесценении рупии примерно на 30% сохранение прежнего или близкого ему уровня цен на деле означает их дальнейшее падение.

Прежде всего приведем некоторые данные в абсолютных цифрах, которые показывают, что «принес» этот скачок цен основной массе индийского крестьянства. После этого мы попытаемся разобрать процесс падения цен также под углом невиданного разрыва между ценами оптовыми и розничными; ценами на продукты сельского хозяйства и на промтовары и наконец между ценами на внутреннем индийском рынке и на мировом. Углубляющийся раствор всех трех пар «ножниц» цен безусловно является фактором перекладывания тяжести кризиса на колонии вообще, а в частности на колониальный пролетариат и основные массы колониальной деревни. Раствор «ножниц» между ценами на промтовары и ценами на сельскохозяйственное сырье есть также в основном раствор «ножниц» между индийским экспортом и импортом в Индию. 76% индийского экспорта составляют сырье и продовольствие. 71% ее импорта составляют промышленные товары.

«Тщательное обследование, предпринятое нашим банком в отношении издержек производства текущего урожая при господствующем уровне цен, показывает, что для громадного большинства производителей сбыт риса производится по ценам, стоящим ниже себестоимости», — сообщает отчет имперского банка Индии за 1930/31 г.

То же обнаруживается относительно индийского хлопка: согласно подсчету газеты «Пайонир» от 14 октября 1930 г., себестоимость канди хлопка весом в 784 фунта сорта «бенгал» равняется 225 рупиям, а его продажная цена — 160 рупиям. По сорту

комра» соотношение между себестоимостью и продажной ценой равно 260 и 170 рупиям. Между тем только за последний год цены хлопка упали более чем на 40%. По джуту себестоимость маунда джута-сырца равняется 9 рупиям, а его продажная цена — 3 рупиям. По земляным орехам журнал «Кэпител» от 29 января 1931 г. считает «себестоимость» канди в 30 рупий, в то время как его продажная цена уже в августе 1931 г. была меньше 28 рупий.

Следующая таблица (газета «Либерти» от 30 мая 1931 г.) рисует однородную картину в Соединенных провинциях на основании выборочного обследования крестьянских хозяйств.

Округа	Средн. размер хоз-ва (в бигхах)	Общая стоим. обработки (вкл. ренту)	Рыночн. стоим. продукции	Убытки после реализ. продукции
		(в рупиях)		
Аллахабад . .	13,0	143,0	73,3	72,0
Рао-Барели . .	16,0	137,0	59,8	77,8
Султанпур . .	7,0	73,0	30,0	43,3
Унас	6,7	58,0	36,0	22,0
Горак-Пур . .	4,7	24,5	12,3	12,2
В среднем для пяти округов .	9,48	87,1	42,3	45,6

Еще несколько цифр. Если Бенгалия, этот решающий район культуры джута, получила в 1928/29 г. за сбор 49 млн. маунд джута-сырца 517 млн. рупий, то в 1930/31 г. сбор в 51 млн. маунд оценивается всего в 300 млн. рупий. Мадрас, эта решающая область культуры земляных орехов, получила на 120 млн. рупий меньше, чем в 1929/30 г., хотя сбор вырос на несколько тысяч тонн.

При существующих ценах выбрасывание на рынок продукции основной массы колониальных производителей равнозначно их разорению. Ниже мы ознакомимся с классовой природой приводных ремней империализма, вынуждающих основные массы деревни выбрасывать урожай на рынок безотносительно к «издержкам» производства. Тут хотелось бы отметить особую остроту кризиса в монокультурных районах. Здесь крестьянское хозяйство является исключительно товарным. Оно продает хлопок или джут не только, чтобы удовлетворить минимально низкую потребность в промтоварах, но также, — а это гораздо важнее, — чтобы купить продовольствие. И если производитель, еще сохранивший в своем посеве продовольственные культуры, сокращает до минимума свои закупки на рынке, ходит полураздетый и т. д., то производитель джута и хлопка, даже сократив или устранив закупку промтоваров, не может отказаться от закупки продовольствия. Кроме того монокультурный производитель джута и хлопка не только теряет на разрыве цен при продаже своего сырья и покупке промтовара, — он также страдает от него при покупке продовольствия. Неудивительно, что «Бомбей Кроникл» (от 10 и 13 ноября 1931 г.) сообщает следующее о положении джутовых районов Бенгалии: «Джутовые районы Бенгалии голодают. Во многих деревнях на-

блюдается массовое вымирание людей. В Мейменсинге люди не едят по 3—4 дня, питаются травой и суррогатами, а во многих местах нет и этого. Голодные люди лежат и ждут конца». Не отстают по части голодовок и районы, сохранившие в известной мере натуральный характер хозяйств. Та же газета пишет: «10 тыс. крестьян бежали из Келата в силу невыносимых репрессий, примененных при сборе ренты и налога». О положении в провинции Ассаме та же газета сообщает: «В Ассаме царят голод и нужда. Со всех сторон сообщают о страданиях и невиданных лишениях крестьянства. Население тысячами стекается в города Бамгара и Дходжи, ходит в лохмотьях, нищенствует. Многие не едят по нескольку дней» (от 2 июня 1931 г.).

Разрыв между ценами на промтовары и на предметы колониального сырья и продовольствия рисуется в следующем виде по данным калькуттской товарной биржи. По сельскохозяйственному сырью нами взяты были следующие четыре культуры: зерновые, хлопок, маслосемена, джут-сырец. Эти же товары играют крупнейшую роль в индийском экспорте. Для промтоваров нами были взяты металлы и мануфактура не только как основные предметы импорта в Индию, но также и как товары, широко идущие на деревенский рынок.

Таблица разрыва между ценами на продукцию сельского хозяйства и на промтовары

	Общий индекс	Продукция сел. хозяйства	Промтовары	Разрыв
1928 г.	145	128	132	4
1929 „	141	130	142	12
1930 „	116	90	126	36
1931 „	96	73	116	43
Низшая точка падения, авгус. 1931 г.	92	70	112	42
Высшая точка подъема после отмены золотого стандарта	98	78	116	43
Март 1932 г.	94	70	118	46

Эта таблица нагляднейшим образом выявляет стремительное падение покупательной способности «крестьянского рубля» по отношению к «промышленному рублю». Эта таблица также показывает, как отмена золотого стандарта еще более углубила разрыв между ценами на промтовары и на продукцию сельского хозяйства. Не может быть никаких сомнений, что дальнейшее обесценение колониального продовольствия и сырья есть один из путей, которым империализм пытается выйти из кризиса.

С особой отчетливостью можно проследить значение этого разрыва цен на внешней торговле Индии. В то время как физический объем колониального экспорта по хлопку, джуту-сырцу, маслосеменам, рису и чаю показывает в 1931 г. по отношению к 1928 г. снижение всего на 6% (5,9), цены упали почти в 8 раз больше (на 17%). Другими словами, колониальное крестьянство отдает

или, скорее, вынуждено отдавать прежний или лишь ничтожно уменьшенный физический объем продукции, получая за это в два раза меньшую цену. Но даже этих цен основная масса колониальных производителей не получает. Они отрезаны от мировых цен империалистической монополией и ее торгово-ростовщической агентурой.

Экспорт из Индии за календарные годы 1928—1931

Годы	Хлопок		Джут		Масличн. семена		Рис		Чай		[illegible] (в млн. рупий)	Весь экспорт (в млн. рупий)
	в тыс. т	в млн. рупий	в тыс. тонн	в млн. рупий	в тыс. т	в млн. рупий	в тыс. т	в млн. рупий	в тыс. [illegible]	в млн. рупий		
1928	[illegible]	[illegible]	867	320	1 357	[illegible]	1 735	265	[illegible]	263	1 782	3 300
1929	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1 343	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
1930	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1 912	[illegible]	2 579	[illegible]	357	[illegible]	[illegible]	[illegible]
1931	[illegible]	[illegible]	[illegible]	12	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	941	1 650
[illegible] в %	[illegible]	[illegible]	[illegible]	—62,5	—21,6	[illegible]	[illegible]	[illegible]	—2,6	—21,0	—47,0	—50,0

Характерно относительно неглубокое падение цен на чай, что безусловно связано с монопольным характером английского капитала, владеющего чайными плантациями и до известной степени сумевшего растянуть падение цен на более длительный срок. Необходимо иметь в виду добавочную тяжесть, которая ложится в виде экспортных пошлин на джут и рис на плечи колониальных производителей. За 1929/30 г. пошлина с джута-сырца была собрана в размере 19 млн. рупий, а с риса в размере 26 млн. рупий. За 1930/31 г. было собрано 14 и 19 млн. рупий, а в 1931/32 г. в размере 14 млн. рупий с джута и 16 млн. рупий — с хлопка.

Характерной чертой импорта промтоваров в Индию за годы кризиса является то обстоятельство, что падение цен и падение физического объема здесь идут рука об руку.

По вычислениям индийского журнала «Кэпител» от 12 марта 1931 г. и 3 апреля 1932 г. индекс стоимости всего индийского экспорта упал в 1930 г. на 36, а в 1931 г. — на 37%. За те же годы индекс всего импорта Индии упал всего на 17 и 16%.

Если и раньше империализм и в силу неэквивалентного обмена с колониями, и в силу того, что он занимает монопольное положение на рынке колониальной страны, лишь в минимальной и относительной степени покрывал спрос индийского рынка на промтовары, то в ходе кризиса это покрытие снижается еще больше. В этом также сказывается возрастающая паразитическая роль империализма.

Точных данных о разрыве внутридеревенских цен (ростовщическая и помещичья контрактация и т. д.) и цен на городском рынке, буржуазная статистика разумеется не дает. Ограничимся указанием, что до кризиса этот разрыв доходил в среднем до 30%. В ходе кризиса этот разрыв цен углубился. Торгово-ростовщический капитал безусловно задет последствиями кризиса прежде всего в силу сокращения объема торговли. Скупщик, торговец, ростовщик вы-

таются компенсировать себя, углубляя разрыв цен между городом и деревней, наживаясь больше, чем раньше, с каждой единицы проданного товара.

Соотношение в падении индекса оптовых и розничных цен в Бомбее по данным журнала «Бомбей Лейбор Газет» показывает следующее: в 1929 г. оптовый индекс по всем пищепродуктам стоял на 154 пунктах, а розничный — на 159 пунктах. Разрыв равнялся 5 пунктам. В 1931 г. оптовый индекс снизился до 99 пунктов, а розничный — только до 132 пунктов. Разрыв в ходе кризиса углубился до 33 пунктов. По индексу цен в Карачи разрыв цен оптовых и розничных был в 1929 г. равен 13 пунктам, в 1930 г. — 30 пунктам, а в январе 1932 г. — 32 пунктам.

Чрезвычайно характерно складывается положение с солью. Британский империализм не только «поддержал» добрые традиции Ост-индской компании в смысле сохранения соляной монополии, но повысил недавно налог на соль в размере 25%. На соляной монополии наживается не только империализм, наживается и торгово-ростовщический капитал. «Indian Trade Journal», April 1932, приводит данные об оптовой и розничной цене соли, пытаясь прикрыть чудовищный разрыв оптовых и розничных цен тем, что оптовая цена приводится за маунд, а розничная — за сир. Вот что получается при переводе оптовой цены на сиры:

1931 г. (средняя месячная цена на соль в пайсах)

	Оптовая цена за сир	Розничная цена за сир
Раджпутана . .	13,2	15,9
Мадрас	11,05	19,5
Бенгалия . . .	8,4	15,0

К чему ведет соляная монополия, подкрепленная прибылями ростовщика и посредника, говорит следующее сообщение журнала «Indian Affaires», March 1932: «Мистер Монтгомери Мартин произвел официальное обследование 277 тыс. семей, проживающих в северной части Горак-Пура. Оказывается, только 8% имеют соль в изобилии, 45% имеет ее в скудном количестве, а остальные употребляют вместо соли золу от соломы, вымоченную в соленой воде».

Мы не будем останавливаться на третьих «ножницах» цен, которые складываются под прямым влиянием валютной политики правительства и монопольного положения английских экспортеров, снимающих пенки со **снижения цен на экспортное сырье Индии ниже мировых на внутреннем рынке этой колонии**. Этот вопрос подлежит особому разбору в связи с валютной политикой правительства. Ограничимся только одним примером: по свидетельству журнала «Mysore Economic Journal», March 1931 экспортная торговля маслосеменами юга Индии монополизирована пятью английскими экспортными фирмами. При стремительном па-

дении цен на внутреннем индийском рынке эти экспортеры-монополисты перепродавали маслосемена на лондонском рынке с надбавкой до 10—12%. Вот один из источников тех воистину царских дивидендов, которые выплачивают английские валютные банки и английские банки, финансирующие внешнюю торговлю Индии[14].

«Ножницы» цен означают повышение неэквивалентного характера обмена между метрополией и колонией. Они также означают, что и без того узкий внутренний рынок Индии сможет предъявить еще меньший спрос на промтовары, чем он предъявлял раньше. Это обстоятельство имеет чрезвычайное значение и для обратного действия индийского кризиса на мировой и для переплетения аграрного и промышленного кризисов в самой Индии. Более чем когда-либо обнаруживаются «глиняные ноги» нищей и феодально-отсталой деревни как одно из решающих препятствий для расширения внутреннего рынка. На «ножницах» цен в основном выигрывает империализм. Лишь в разрыве оптовых и розничных цен основная доля приходится на долю туземного торгово-ростовщического капитала. Империалисты непрочь поговорить об обуздании чудовищных аппетитов торгово-ростовщического капитала во время кризиса. Но это пустые слова. Торгово-ростовщическая эксплоатация, сочетаемая с феодальной и вырастающая на ее основе, есть предпосылка получения самим империализмом колониальной сверхприбыли. Об этом метко сказал в свое время лорд Керзон: «Индийский ростовщик подобен дикобразу. Задевая его, мы пораним наши собственные руки, подорвем наш собственный интерес». (*Рональдшин*, «Жизнь Керзона», 1929 г., том II, стр. 292.)

Динамика посевных площадей и кризис

В нашем распоряжении не было сводных данных по всей посевной площади Индии за последние четыре года. Приходится ограничиваться следующей табличкой посевных площадей по основным товарным культурам Индии — джуту, хлопку, пшенице, рису, земляным орехам (см. стр. 110).

Как видно, общая посевная площадь под этими культурами остается стабильной (уменьшение лишь на 1,7%) по сравнению с 1928/29 г. Но эта статистическая «обезличка» прикрывает происходящий процесс уменьшения посевных площадей под хлопком, джутом и земляными орехами (на 15,4%) при одновременном увеличении посевной площади под рисом и пшеницей (на 2,7%). Характерно, что и рис и пшеница показывают уменьшение там, где они являются экспортной монокультурой (85% индийского экспорта риса дает Бирма; всю почти экспортную пшеницу Индии давал Пенджаб), как показывают следующие данные (см. стр. 111).

Равным образом, хотя и не намного, снизилась посевная площадь под рисом в Бирме.

И рис и пшеница показывают снижение, поскольку они являются экспортными монокультурами. Наоборот, и рис и пшеница показывают тенденцию роста там, где происходит быстрое сокра-

[14] Дивиденд «Чартерт Банк оф Индия» равнялся 19% за 1931 г., «Нешнонел Банк оф Индия» — 21% за тот же год.

Посевные площади и сбор по основным товарным культурам

Годы	Джут				Хлопок				Пшеница				Рис				[illegible]			
	Площадь в тыс. акров	В %	Сбор в тыс. кип	В %	Площадь в тыс. акров	В %	Сбор в тыс. кип	В %	Площадь в тыс. акров	В %	Сбор в тыс. тонн	В %	Площадь в тыс. акров	В %	Сбор в тыс. тонн	В %	Площадь в тыс. акров	В %	Сбор в тыс. тонн	В %
1928-29	3 141	—	9 956	—	27 053	—	5 7[illegible]	—	32 00[illegible]	—	8 507	—	[illegible]	—	[illegible]	—	6 651	—	[illegible]	—
1929-30	3 417	— 5,5	9 757	— 1,9	25 92[illegible]	— 4,2	[illegible]	— 11,[illegible]	31 65[illegible]	1,1	10 169	+ 25,1	81 000	— [illegible]	[illegible]	— 3,1	[illegible]	— 9,5	2 668	— 1[illegible]
1930-31	[illegible] 492	[illegible] 5,3	11 255	17[illegible]	23 [illegible]	— 9,[illegible]	[illegible]	— 0,3	32 181	— 1,7	[illegible]	[illegible]	[illegible]	— 2,[illegible]			[illegible] 79	[illegible] 1,1	[illegible]	[illegible]
1931-32	1 858	— 16,8	5 569	50,[illegible]	23 [illegible]	+ 9,1	[illegible]	— 21,7	3[illegible]	+ 1,9	9 312	[illegible] 1	[illegible]	[illegible]	32 [illegible]	3,7	[illegible]	— 1[illegible]	2 [illegible]	— 11,5
[illegible]		— 40,[illegible]		— 41,[illegible]		— 13,1		— 3[illegible]		+ 5,5		[illegible]		[illegible] 1,6		+ 2,9		[illegible]		— 1[illegible]

Посевная площадь под пшеницей в Пенджабе

Годы	В тыс. акров	В %
1929/30	11 3[illegible]	—
1930/31	10 866	— 4,0
1931/32	10 918	+ 0,5
1931/32 к 1929/30		— 3,6

Посевная площадь под рисом в Бирме

Годы	В тыс. акров	В %
1929/30 . . .	12 861	—
1930/31 . . .	13 022	+ 1,3
1931/32 . . .	12 511	— 3,9
1931/32 к 1929/30		— 2,7

ление посевных площадей под джутом, хлопком, маслосеменами, земляными орехами и т. д. Так по данным по Бомбею, Центральным провинциям и Центральной Индии (эти районы дают свыше 50% всей посевной площади хлопка) посевы хлопка сократились с 13 857 тыс. акров в 1929/30 г. до 12 043 тыс. акров в 1931/32 г., т. е. на 13%. Одновременно посев риса вырос с 9 439 до 10 495 тыс. акров (на 11%), а пшеницы — с 7 372 тыс. до 8 361 тыс. акров, т. е. на 13%. То же явление наблюдаем и в Бенгалии.

Динамика посевных площадей джута, пшеницы и риса в Бенгалии

Годы	Джут	Рис	Пшеница
1929/30	2 667 000	20 225 000	126 000
1930/31	3 062 300	20 582 000	142 000
1931/32	1 613 700	22 131 000	145 000
% к 1929/30 г.	— 39,5	+ 9,4	+ 15,1

Весьма характерным признаком деградации сельского хозяйства также является более быстрое падение урожайности, чем падение посевных площадей. Под хлопком площадь за последние четыре года сократилась на 13%, а урожайность — на 31%; под джутом площадь сократилась на 40%, а урожайность — на 45%; по земляным орехам площадь сократилась на 13%, а урожайность — на 16%.

В трактовке вопроса о динамике посевных площадей Индии ни на минуту нельзя абстрагироваться от политики империализма, от той мощной системы как экономических, так и внеэкономических рычагов, которыми колониальный хозяин добивается «товарного выхода» колониального сырья. Без экспортной торговли Индии нет и колониальной дани; обесценение колониального сырья — одного из основных слагаемых в сумме постоянного капитала промышленности господствующих капиталистических стран — является наряду с беспощадным нападением на «собственный» рабочий класс одним из основных путей контрреволюционного выхода из кризиса. Основная тенденция следовательно идет и по линии обесценения колониального сырья, и по линии обеспечения его товарного выхода. В Индии это основное направление империалистической политики несколько модифицируется лишь отношением джута и чая. Чай — монопольная область приложения английского капитала, и ему придется посвятить особый очерк. Джут (материал для тары, канатов и т. д.) производится в мелкокрестьянском хозяйстве, но тем не менее представляет мировую

монополию Индии. Емкость мирового рынка (на внутренний рынок идет ничтожная доля) непосредственно определяет объем производства. Джутоперерабатывающая промышленность Индии находится под значительным влиянием, чтобы не сказать: контролем, английского капитала. Грандиозное перепроизводство джута в значительной мере подорвало финансовую мощь и дивиденды джутовых фабрикантов в Калькутте. При таких условиях империализм не ограничился политикой «пассивного ожидания» в отношении джутовых районов; он предпринял ряд мер, чтобы ускорить темпы сокращения посевных площадей (агитация, некоторые налоговые мероприятия и т. д.).

В нашем введении уже отмечалось превращение Индии из экспортера в импортера пшеницы. Это — выражение всей глубины аграрного кризиса Индии, деградации ее сельского хозяйства. Это также выражение политики империализма, который пытается видоизменить в условиях кризиса специализацию колоний по производству определенных видов сельскохозяйственного сырья, пытается отвести Индии в системе Британской империи растущую долю как производительнице хлопка и в частности высокосортного хлопка (Ллойдовская плотина на реке Инде была сооружена именно с этим расчетом), одновременно увеличивая долю Австралии как экспортера пшеницы.

Колониальный крестьянин не является «свободным» товарным производителем. Товарность его хозяйства специфична. Она обусловлена налоговым нажимом империализма, грабительски высокой рентой, кабалой ростовщика. Здесь разумеется необходим сугубо классовый подход «с поправкой на кулака», который и в отношении налога, и в отношении ренты помещику, и наконец по линии кредита находится в другом положении, чем бедняцко-середняцкие массы деревни. Сокращение посевных площадей под техническими культурами безусловно является показателем кризиса. Однако оно преломляется во всей системе феодально-империалистической эксплоатации, которая принуждает и будет принуждать бедняцко-середняцкое крестьянство производить экспортные культуры и выбрасывать эту продукцию на рынок, хотя бы в прямой убыток и разорение самому себе. Показатели понижения посевных площадей недостаточны, неполны, если брать их вне связи, вне сочетания с теми насильническими внеэкономическими методами, которыми империализм пытается задержать это падение. По самой сути этих методов из них вытекает воспроизводство противоречий между крестьянством и господством империализма, феодальными остатками, помещичьим землевладением на новой расширенной основе. Удержание товарного выхода бедняцко-середняцких слоев деревни на прежнем или чуть пониженном уровне означает дальнейшую концентрацию земли, условий и средств производства в руках эксплоататоров, означает, что этот пресловутый «товарный выход» покупается за счет не только понижения зарплаты, но прямого вычета из необходимого продукта крестьянского хозяйства (о ренте здесь и речи не может быть).

Позиции империализма с циничной откровенностью выразил журнал «Кэпител» (торговое и коммерческое приложение за 1931 г.).

Для всех нас ясна абсолютная необходимость поддержания высокого уровня экспорта сельскохозяйственных продуктов в Индии как в сыром, так и в необработанном виде. Здесь нет и не может быть места для сколько-нибудь значительного сокращения. Сокращение посева не спасет крестьянство от кризиса. Не надо забывать, что если экспорт не будет достаточно велик, чтобы покрыть долговые обязательства Индии, то она не получит новых займов. Далее, если новопостроенные обширные ирригационные каналы не окажутся сразу прибыльными, то это нанесет новый удар государственным финансам. Раз должна быть найдена сумма для уплаты процентов по долгам, расходов по администрации и т. д., кто-то должен ее уплатить. В Индии нет большого числа богатых капиталистов; городское население не настолько многочисленно, чтобы взять на себя тяготы крестьянства. Крестьянство должно платить. Не приходится отрицать, что тяжесть этих платежей с потрясающей силой скажется на крестьянстве. Личная задолженность крестьянства сейчас удвоена, считая по физическому объему продуктов, которые крестьянство должно отдать ростовщику. Кредит крестьянства истощен. Его неизбежные денежные расходы выросли по крайней мере вдвое, считая по доле продукта или урожая, реализуемой на рынке, чтобы погасить эти платежи».

Перекладывая последствия кризиса на массы колониального крестьянства, империализм усиливает налоговый нажим — как прямые, так и косвенные налоги [15]. Между тем поземельный налог фиксируется на срок 20—25 лет, исходит из старого уровня цен [16].

[15] Министр финансов правительства Индии весьма отчетливо подчеркнул классовый характер новых налогов, чрезвычайного бюджета 1931/32 г. «Если министру финансов необходимо повысить доходность государственного бюджета, то самым верным и правильным путем является проведение небольших надбавок к налогам, которые всей тяжестью падают на плечи масс населения. Несколько лишних анна с головы 300 млн. населения Индии — это верный и испытанный путь, в то время, когда всякие попытки переобложить и без того ограниченный состоятельный класс уже достигли предела, когда они становятся не только бесполезными, но и опасными».

[16] В районах наиболее развитых крестьянских движений (Пенджаб, Соединенные провинции) империализм может итти и идет на временное снижение поземельного налога и водного сбора. Однако вся сумма не только косвенных, но и прямых налогов на крестьянство не только не уменьшается, но стремительно увеличивается.

Следующая таблица показывает, что общий размер поземельного налога за 1931 г. выше, чем в 1929 и 1930 гг. Приводим данные о реализации налогов за период 9 месяцев (апрель — декабрь 1931 г.) (в миллионах рупий):

	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Поземельный налог	167	168	180
Соляная монополия	49	50	52
Доходы от лесов	33	27	21

Кровавый насильственный грабеж таится за этими сухими столбиками цифр. Приведем несколько фактов.

Вот данные по округу Сирси (Бомбей): «Большинство крестьянства по уши в долгах. Множество садов, как указывает последний налоговый отчет, сейчас заброшено владельцами. Еще больше будут заброшены они в результате нынешнего падения цен на продукты садоводства на 60%. Крестьяне не окупают даже производственных расходов, и голодовка усиливается. В ответ на просьбы о снижении налога начальник округа прислал на постой карательную полицию, которая грабит и насильничает. Неповинных крестьян привязывали к деревьям и секли ремнями» («Бомбей Кроникл» от 14 февраля 1931 г.).

Рента также закреплена на длительный срок. При падении цен вырастает доля помещика. При падении цен доля ростовщика также вырастает; он отбирает за проценты в несколько раз больше, считая по физическому объему урожая. Доля эксплоататоров во время кризиса повышается; доля крестьянства снижается все больше. Но и до кризиса основные массы деревни были ограблены империализмом и его союзниками, доведены до голода, нищеты, вымирания. Дальнейшее нападение эксплоататоров на нищенский, голодный уровень колониальной деревни вызывает отчаянный отпор, обостряет классовую борьбу, подымает бедняцко-середняцкие массы на революцию. Налоги собираются с помощью террора и штыков. Рента реализуется путем пыток, массовых порок, мучений. Помещик в ряде районов бессилен собрать ренту. Его вооруженной челяди и сельской полиции недостаточно, чтобы сломить крестьянство и принудить его к повиновению. Недаром империализм в целых провинциях (в частности Соединенных провинциях, Ауда и Агра) собирает ренту для помещика собственным налоговым аппаратом и силами карательных отрядов. Неслучайно неплатеж ренты помещику и неплатеж налога одинаково караются колониальными законами. (Об этом был издан особый «орданансе» (указ) в 1930 г.) Империализм лишний раз демонстрирует основным массам индийской деревни, что английские штыки — опора и защита феодала-помещика. В свою очередь крестьянство отвечает героической борьбой и против помещика и против империализма. Пламя крестьянской войны охватило Бирму, Кашмир, Северо-западную пограничную провинцию.

Приведем некоторые фактические данные обследования Каунпорского дистрикта Соединенных провинций, охватившего 251 селение. Средняя площадь каждого селения — 372 бигхи. Выручка за реализованную продукцию в среднем равняется по каждой деревне 1 015 рупий. Между тем ренты надо уплатить 1 129 рупий. Помещик заберет весь урожай, и за крестьянством еще останутся недоимки. Средние цифры, приводимые буржуазной газетой «Либерти» (от 30 мая 1931 г.), оправдывают, замазывают классовое расслоение. Кулак стоит в другом отношении к помещику, чем бедняк и середняк: кулак арендует землю не по нужде, не платит грабительской ренты. А раз так, то приведенные данные скрадывают тем более невыносимое, безвыходное (вне и помимо революции) положение бедняцко-середняцких масс колониальной деревни. За землю в Индии уже идет настоящая война, особенно в Соединенных провинциях. Выжимание ренты осуществляется обнаженным классовым насилием империализма и помещика. Это признают даже наемные писаки самого империализма. «Таймс» в корреспонденции от 28 марта 1931 г. отмечал: «В Соединенных провинциях и в Северо-запад-

В другой деревне — Джотабхан: «Крестьянство указывало на физическую невозможность внести налоговые платежи; власти выслали карательную полицию, избивающую крестьян и издевающуюся над ними.

Деревни не присоединились пока к кампании неплатежа налогов, но положение таково, что весь доход от урожая исчисляется в текущем году цифрой около 2 тыс. рупий, в то время как правительству причитается по поземельному налогу, займам и за воду (ирригация) 8 826 рупий» («Бомбей Кроникл» от 17 февраля 1931 г.).

ной пограничной провинции помещики при реализации платежей ренты не только отбирают у арендаторов весь урожай и имущество, но и вынуждают их продавать дочерей и жен в рабство». Следующий «список злодеяний» империализма и помещиков составлен индийскими национал-реформистами для обоснования «разрыва» своего открытого сотрудничества с тем же империализмом после провала конференции «круглого стола». Смысл этого «Обвинительного акта», вышедшего из секретариата Национального конгресса, важнейшей политической партии буржуазно-помещичьего национал-реформистского блока, сводится к тому, чтобы, с одной стороны, взвалить всю вину за кризис на англо-индийское правительство и в частности на его налоговую политику, всячески обелить туземных эксплоататоров, а с другой, — ругая империалистов плохими словами, разыгрывая всяческую оппозиционность, попытаться вернуть себе быстро падающее влияние в крестьянских массах, удержать их на деле от борьбы против помещика, против империализма... за революционный выход из кризиса. И тем не менее Национальный конгресс не смог умолчать о следующих фактах, рисующих не только правительственный террор и бесчинства чиновника — сборщика налогов, но также и туземного помещика. Цитируем «Обвинительный акт» по газете «Бомбей Кроникл» от 20 августа 1931 г.

«В Соединенных провинциях полиция разгоняет все мирные собрания. Общая политика правительства — политика террора. В д. Биджари разъезжали от дома к дому три грузовика с полицейскими, полицейские оскорбляли женщин, срывали и рвали национальные флаги, а в д. Паудили разгоняли собрание; того, кто не хотел уходить, утаскивали силой; крестьянин Герелал упал в обморок от избиения палками. В д. Над-Барели доставлен в больницу арендатор с вышибленным глазом с сломанным носом, — его избили наемные слуги помещика.

В Ауде избили до потери сознания беременную женщину.

Полиция и помещики избивают и арестовывают крестьян, не могущих платить арендной платы, и сжигают дома политически активных крестьян.

Полицейские окружили д. Парейлур и потребовали немедленной уплаты ренты помещику, а когда крестьяне потребовали двухдневной отсрочки, их всех избили и арестовали 23 человека. Через три дня эту же деревню окружил отряд полицейских в 250 человек, они грубо обращались с мужчинами и женщинами, раздевали их донага и бесчестили, брали хлеб за бесценок, продавали с аукциона. От избиения умер один крестьянин.

В д. Самария до уплаты налога запрещали в течение трех дней брать воду из колодцев, 19 человек осудили за сопротивление сборщику.

В д. Раджваре полиция по приказу помещика стреляла в крестьян; один крестьянин убит.

Чтобы принудить к уплате ренты, как правило, арендаторов держат на палящем солнце, а затем бьют палками, у неплатящих забирают все имущество вплоть до кухонной посуды.

В Северо-западной пограничной провинции в Малаканде сбор-

щик обещал освободить арестованных при условии, если они будут убивать краснорубашечников.

В д. Сардуне полицейские раздели донага одного краснорубашечника, а другого убили как подозрительного. В д. Горамлаке, Джамгс и Бакаяна собрали всех не могущих платить ренту краснорубашечников, заставили сидеть под палящим солнцем со связанными назад руками, и если кто пытался сказать хоть слово, его били прикладами винтовок; в результате один старик сошел с ума.

В д. Шабкадаре схватили двух краснорубашечников и доставили к офицеру сыскной полиции; он предложил им выйти из политической организации, а когда они отказались, раздели их донага и избили, затем одного положили на землю, связали и истязали его до тех пор, пока он не умер.

В д. Двулатпуре сборщик с помощью пограничной полиции собрал всех неплательщиков, шестерых из них загнал в подвал, наполненный осами и дымом, и когда люди, все изжаленные, с опухшими лицами, вышли из подвала, им сказали: «Идите продайте жен и уплатите налог».

Ирония этого документа заключается в том, что именно буржуазно-помещичий Национальный конгресс является верным защитником феодала-помещика, является злейшим врагом аграрно-крестьянской революции, верным прикрытием империализма.

Ганди не плохо обслуживает и помещика и империализм. Его агитация за «ненасилие» эксплоатируемых — необходимейшее дополнение насилия эксплоататоров. В самом начале подъема аграрного движения в Соединенных провинциях Ганди, командированный туда исполкомом Национального конгресса в качестве «главноуговаривающего», заявил на крестьянской конференции в местечке Нани Тол:

«Предостерегая вас от людей, советующих вам не платить совсем ренты заминдарам, я искренне надеюсь, что вы не последуете такому совету, от кого бы он ни исходил. Мы не стремимся к уничтожению собственности (помещичьей. — *И. Р.*). Мы не хотим нанести вреда заминдарам» («Таймс оф Индия» от 25 мая 1931 г.).

В колониальной Индии крестьянство привязано к земле не только господством феодальных пережитков в деревне, ростовщической кабалой, долговым рабством и т. д. Оно привязано к земле *(и притом к помещичьей земле)* и потому, что империализм, задерживая промышленное развитие Индии, преграждает разоренному крестьянству выход в город, выход на фабрику.

Даже переход от одной культуры к другой дается крестьянству мучительно трудно в условиях феодально-империалистического господства [17]. Основные массы деревни пытались переходить от одной культуры к другой именно потому, что возделывание, скажем, хлопка, джута привело их к полному разорению, краху. Переход на новую культуру требует известных капиталовложений,

[17] Империализм усиленно рекомендует переход в широких размерах на возделывание сахарного тростника крестьянству Соединенных провинций. Эта агитация

требует известного времени, известного периода приспособления и т. д.

Откуда взять капитал, откуда взять кредит, откуда взять время, когда производителю джута уже сейчас есть нечего. Правительство усиленно рекомендует сеять рис в джутовых районах. Но оказывается, что арендаторские участки в джутовых районах настолько мелки, что рисом с них никак не прокормиться. Мелкий крестьянин хлопковых и джутовых районов также пытается образовать жалкий «продовольственный запас», пытается обеспечить себя в натуре посевом риса, проса, пшеницы. Известная тенденция в этом направлении безусловно имеется. Но вся система феодально-империалистической эксплоатации препятствует «натурализации» крестьянского хозяйства. Крестьянин должен производить на рынок во что бы то ни стало или бросить землю, бежать куда глаза глядят, превратиться в паупера. Зависимость от рынка есть также зависимость от помещика, от ростовщика, от скупщика. Порочный круг может быть прорван только на пути революционной борьбы крестьянских масс под гегемонией пролетариата. Индийское крестьянство на этот путь уже вступает.

Кризис и торгово-ростовщическая эксплоатация крестьянства

В условиях кризиса вырастает не только доля помещичьей ренты в крестьянском урожае, вырастает также доля ростовщического процента. Господа империалисты весьма «озабочены» разрешением квадратуры круга, при которой сохранилась бы империалистическая сверхэксплоатация при некотором снижении доли торгово-ростовщического капитала. В англо-индийских экономических журналах велась по этому вопросу «архисерьезная» дискуссия. Заимствуем оттуда некоторые данные. Вот что пишет журнал «Кэпител» от 3 ноября 1931 г.:

«Возможно, не все представляют себе, до какой степени нынешний уровень цен увеличивает реальную тяжесть ростовщиче-

---

также связана с повышением импортных пошлин на сахар. В этой связи стоит отметить, что в крупнейшем округе Соединенных провинций — Алахабадском — «добрая» помещичья эксплоатация обусловила еще до мирового кризиса массовый заброс земли крестьянством, падение посевных площадей: «В 1907/08 г. обрабатываемая площадь в Алахабадском округе равнялась 1 062 тыс. акров, но в 1927/28 г, эта площадь сократилась до 1 038 тыс. акров с одновременным ростом населения: в 1921 г. население равнялось 1 250 тыс. человек, в 1931 г. оно уже равнялось 1 450 тыс. человек. Сокращение орошаемой площади также показывает ухудшение положения. С 1887/88 по 1907 г. орошаемых земель в округе было 248 тыс. акров, а в 1927/28 г. — 66 тыс. акров. Это указывает на обеднение крестьянства настолько, что оно не может пользоваться ирригацией. Число же колодцев осталось в 1927/28 г. то же, что и в 1907/08 г., т. е. 43 тыс. колодцев. Снижение посевов коммерческих продуктов также служит показателем обеднения. Площадь под индиго в 1870 г. была 9 тыс. акров, в 1927/28 г. она снизилась до 25 тыс. акров. Сейчас же посев индиго совершенно прекратился. Площадь под хлопком в 1907 г. была 14 500 акров, в 1927/28 г. она равнялась 5 тыс. акров. Сахарный тростник занимал в 1906/07 г. 17 тыс. акров, а в 1927/28 г. — 15 тыс. акров. Посевы опия почти совершенно прекратились. Рента же, наоборот, увеличилась. Если при ревизии 1915/16 г. общая сумма ренты равнялась 4 450 тыс. рупий, то сейчас она достигла 5 726 тыс. рупий («Хиндустан Таймс» от 28 октября 1931 г.)».

ских процентов, взыскиваемых с производителя. Простая иллюстрация будет достаточна. В 1928/29 г. джут реализовался по цене около 11 рупий за мауид, а в 1930/31 г. только по 5—8 рупий. Предполагая, что в предыдущем году ростовщический процент был не меньше 66 рупий, непосредственный производитель вынужден был продавать для покрытия этого процента 6 маундов джута, в то время как в 1930/31 г., для того чтобы внести аналогичную сумму, он вследствие падения цен вынужден был продавать 12 маундов джута, таким образом вдвойне переобременяя свой ограниченный бюджет. Удивительно ли, что при таких обстоятельствах спрос сельскохозяйственного населения на промышленные товары упал чрезвычайно низко».

А вот данные по Пенджабу: «Вследствие падения цен более чем на 50% задолженность крестьянства Пенджаба возросла вдвое. Считают, что если сельскохозяйственная задолженность Пенджаба выросла с 90 крор рупий в 1921 г. до 135 крор рупий в 1929 г., то в 1931 г. она превосходит 270 крор» («Кэпител» от 17 сентября 1931 г.).

Недавно опубликованные материалы индийской банковской комиссии определяют задолженность индийского крестьянства астрономической цифрой в 9 млрд. рупий. Задолженность распределяется следующим образом по основным провинциям Индии:

Ассам	22 крор
Бихар и Орисса	155 »
Бенгалия . . .	100 »
Соединенные провинции . . .	124 »
Пенджаб . . .	135 »
Мадрас	150 »

Не может быть никаких сомнений, что степень эксплоатации крестьянства торгово-ростовщическим капиталом вырастет в течение кризиса. Сокращение джутовой торговли в Бенгалии в два раза, стремительное падение завоза иностранной мануфактуры, далеко не полностью компенсированное производством туземной промышленности, общее снижение торговых оборотов, сокращение объема торговли, — все это безусловно отразилось на положении некоторых групп торговой буржуазии, а в известной мере и ростовщического капитала. Именно поэтому торговец, скупщик и ростовщик стремятся отыграться, наживаясь на растворе ножниц между городом и деревней, между оптовыми и розничными ценами. Падение цен повысило, так сказать, юридический титул ростовщика на извлечение добавочной доли крестьянского продукта. Но это не значит, что ростовщик всюду и везде может фактически реализовать свою повышенную эксплоататорскую долю. Известная часть долгов обеспечена залогом крестьянской земли, скота, имущества. В ходе кризиса крестьянские земли, или, вернее, жалкие остатки крестьянского землевладения, продолжают стремительно концентрироваться в руках ростовщика, помещика, кулака. Это безусловный факт. Но здесь хотелось бы отметить следующее. Далеко не вся задолженность крестьянства ростовщику вообще имеет какое-либо обеспечение. Массовое, невидимо бы-

строе разорение бедняцко-середняцких масс колониальной индийской деревни не могло не повести к некоторому расстройству пресловутой системы кабально-ростовщического кредита. Часть ростовщических капиталов оказалась замороженной. Вот о чем сообщает в особом коммюнике провинциальное правительство провинций Ауда и Агры в результате обследования 2500 деревень: «В результате кризиса уплата по долгам резко снизилась, в то время как объем крестьянской задолженности неслыханно вырос. Возможность кредитования крестьянства со стороны ростовщика упала наполовину, а то и больше, по сравнению с докризисным периодом» (журнал «Коммерс» от 25 февраля 1932 г.). Нельзя здесь также упускать из виду решающего момента классовой борьбы. В условиях разорения, обнищания, пауперизации крестьянских масс ростовщику приходится буквально зубами отрывать проценты по долгу. И это, в свою очередь, выражается в повышении процента по долгам, отражая рискованность этой операции в период кризисного обострения классовых противоречий; отсюда дальнейший рост дороговизны кредита, его исключительно кабальный характер и т. д.

Мы показали, как во время кризиса увеличивается доля империализма, помещика и ростовщика в крестьянском урожае. Обязательства основных масс деревни в отношении эксплоататоров остаются на прежнем уровне или увеличиваются, в то время как продукция крестьянского хозяйства в невиданной степени обесценена кризисом. Вот почему процессы концентрации условий и средств производства в руках эксплоататоров, в руках помещика, ростовщика, кулака получают невиданный размах. Но одновременно обнаруживается, что орудием этой экспроприации является обнаженное классовое насилие эксплоататоров и колониального государства; одновременно обнаруживается, что феодально-помещичья собственность, грабительский поземельный налог и другие средства внеэкономического ограбления основных масс деревни оставались и остаются условием создания товарности крестьянского хозяйства, условием удержания этой товарности в период кризиса и падения цен. Кризис обостряет противоречия между основными массами деревни и всем строем феодально-гнилого землевладения, ростовщической кабалы, империалистической эксплоатации. Но кризис также обостряет расслоение внутри крестьянства, экспроприирует в пользу кулака среднее и карликовое крестьянство, снижает зарплату сельскохозяйственного рабочего. Кризис дает картину не только грандиозных крестьянских выступлений против помещика, против ростовщика, против империализма, — он также обострил классовое размежевание в самой деревне, обострил классовую борьбу сельскохозяйственных рабочих против помещика, против кулака.

Кризис выражается не только в том, что падают цены, но и в том, что колониальное сырье и продовольствие даже по пониженным ценам не находят сбыта на мировом и на внутреннем рынках. Растет затоваривание запасов. Запасы хлопка исчислялись на 31 марта 1931 г. в 635 тыс. кип. На 1 апреля 1932 г. они равнялись 962 тыс. кип. Запасы джута-сырца превышают годичную

потребность джутовых фабрик Индии и равнялись в 1930 г. 5 427 тыс. кип, а в 1931 г. — 5 989 тыс. кип. Запасы чая выросли с июня 1930 г. к июню 1931 г. на несколько миллионов фунтов и равняются сейчас 236 млн. фунтов при среднем урожае Индии порядка 270 млн. фунтов. О кожах и шкурах журнал «Кэпител» 25 июня 1931 г. сообщает: «На калькуттском рынке находится свыше 200 тыс. сухозасоленных коровьих шкур, для которых даже при существующих низких ценах, при 3,5 рупии за 20 фунтов, вовсе не находится покупателя».

Сужение внутреннего рынка

Следующие данные наглядным образом демонстрируют падение душевого потребления мануфактуры в Индии за последние годы. Эта таблица заимствована нами из журнала «Кэпител» от 20 апреля 1929 г. и дополнена данными за последние годы.

Потребление Индией мануфактуры (в миллионах ярдов)

	1913/14 г.	1926/27 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
Индийские фабрики . .	1 164,3	2 258,7	1 183,3	2 419	2 561
Импорт . .	3 197,1	1 787,9	1 936,8	1 919	890
ИТОГО .	4 361,4	4 046,6	3 120,1	4 338	3 451
За вычетом экспорта . .	4 210,1	3 820,1	3 656,7	4 182	3 336

В результате нынешнего кризиса мы имеем дальнейшее сокращение душевого потребления. Только за последний год оно снизилось с 12,04 до 9,49 ярда («Кэпител» от 1 октября 1931 г.). Кризис буквально и недвусмысленно раздевает крестьянские массы. Во многих местностях Бенгалии, — сообщает национально-буржуазный «Бомбей Кроникл» от 10 ноября 1931 г., «женщины не выходят из хижин, чтобы принести детям воды, так как им нечем прикрыть наготу».

Весьма характерно стремительное падение доли Ланкашира на индийском рынке. Согласно докладу Т. А. Сушио в Королевском статистическом обществе, в 1913/14 г. из каждых 13,3 ярда фабричной ткани душевого потребления в Индии 10 ярдов покупались в Ланкашире, а 3,3 ярда производились в самой Индии. В 1930/31 г. из каждых 9,5 фабричной ткани душевого потребления в Индии только 1,75 ярда покупались в Ланкашире, 0,75 — в Осаке, а 7 ярдов производились в самой Индии («Таймс оф Индия» от 4 апреля 1932 г.).

Ту же картину понижения душевого потребления, вызванного обнищанием крестьянских масс, иллюстрируют следующие данные о сахаре: в 1921/22 г. душевое потребление сахара, считая импорт, производство туземного неочищенного сахара «гура» и производство рафинированного сахара в самой Индии, равнялось 3 305 тыс. *т*, что дает нам 0,79 фунта на душу населения в год. В 1930/31 г. потребление сахара на душу населения снизилось в Индии до 0,75 фунта.

Потребление железа и стали также дает значительное снижение в результате кризиса. В приведенной таблице за 1928/29 г. дано производство чугуна и стали по всем индийским заводам. Эти данные относятся к календарным годам. За 1929/30 и 1930/31 гг. для индийского производства даны сведения только по заводам Тата, в то время как данные об импорте железа и стали даны не за финансовые годы, а за календарные (так же как и за 1928/29 г.). Таким образом данные за 1928/29 г. и за два последующие кризисные года не вполне сравнимы между собой, хотя достаточно ярко выражают тенденцию развития.

Годы	Производство чугуна и стали в Индии	Экспорт чугуна из Индии	Импорт железа и стали	Всего потреблено в Индии чугуна, железа и стали	% англ. импорта в Индию к общей массе потребленных в Индии железа, чугуна и стали
1928	1 461 000	423 500	1 167 000	2 199 500	53
1929	1 891 000	548 800	1 071 000	2 413 200	44,4
1929/30	1 370 089	568 733	699 000	1 873 000	—
1930/31	1 154 307	434 120	433 000	1 319 000	-

Стремительное снижение потребления железа и стали в Индии непосредственно связано не только с кризисом в промышленности, но и с аграрным кризисом. Журнал «Коммерс» от 3 марта 1932 г. сообщает:

«В связи с перепроизводством джута и обнищанием крестьянства этих районов импорт гальванизированного железа в Бенгалии снизился на 65 тыс. *т* по сравнению с предшествующим годом». Этот факт говорит не только о том, что кризис задел основные бедняцко-середняцкие массы бенгальской деревни, но также о том, что кулачество, — именно оно кроет свои хижины железом, — также сокращает потребление.

Об этом же явлении говорит сокращение импорта искусственных удобрений. Основным потребителем искусственных удобрений безусловно является плантаторское хозяйство и наряду с ним кулацкое хозяйство. Импорт удобрений снизился с 75 376 тыс. *кг* в 1929 г. до 51 856 тыс. *кг* в 1930 г. Характерно, что выкачивание искусственных удобрений из Индии продолжается теми же и даже усиленными темпами во время кризиса. В 1928 г. было вывезено 101 582 тыс, в 1929 г. — 129 млн., в 1930 г. — 129 071 тыс. *кг*.

К сожалению у нас не было общих данных о потреблении соли. Не может быть никаких сомнений, что в результате нового повышения монопольной цены на соль на 25% и углубленного кризисом разрыва оптовых и розничных цен на соль крестьянство еще больше, чем прежде, вынуждено отказывать себе в потреблении соли.

О шерсти мы имеем следующие данные («Кэпител» от 3 марта 1932 г.): «Производство шерстяных тканей в Индии получило жесточайший удар в результате кризиса. Причины его коренятся в аграрном вопросе, и нет никакой надежды на сколько-нибудь

скорое возрождение... Нищенски маленький доход, который получает крестьянство, совершенно исключает возможность покупки такого предмета роскоши, как шерстяные ткани».

Нами достаточно полно были выяснены те причины, которые невиданно сузили «платежеспособный спрос» со стороны основных масс индийской деревни. Это явление выражает невиданно быстрый процесс пауперизации, обнищания, вымирания. Здесь же необходимо сказать, что наступление империализма и туземного капитала на рабочий класс, сокращение фондов заработной платы, новая атака на и без того нищенско-голодный уровень жизни колониального пролетариата также суживают внутренний рынок.

Данные о железнодорожных перевозках также подтверждают сужение рынка в результате кризиса. Согласно годовому отчету железных дорог («Трейд Джорналь оф Индия» от 14 апреля 1932 г.) за период апрель 1931 г. — 20 марта 1932 г. погрузки на железных дорогах широкой колеи сократились на 8%, а на железных дорогах узкой колеи — на 7,2%. По углю перевозки сократились на 10%, по зернозлакам — на 1%, по маслосеменам — на 25%, по хлопку — на 25,6%.

Империалистическая монополия на транспорт и высота железнодорожных тарифов безусловно являются добавочным фактором углубления кризиса, добавочным фактором понижения цен на местном, а отчасти и на внутреннем рынках ниже мировых. Так, стоимость транспортирования пшеницы из Мирута в Калькутту составляла в 1929 г. 15,7% ее цены в Калькутте, а в 1931 г. — 36,6%. При перевозке из Мирута в Карачи за те же годы — 16,3% и 37,9% («Кэпител» от 7 сентября 1931 г.).

По маслосеменам имеем то же явление. Если раньше железнодорожные фрахты составляли к продажной цене:

	%		%
по земляным орехам . .	16	то сейчас	31
» льносеменам	8	„ „	20
» касторовым семенам	14	„ „	20

«Бомбей Кроникл» от 25 апреля 1931 г.

К вопросу о развитии капиталистического земледелия в Индии

В колониальной стране процесс разорения и пауперизации основной массы крестьянских хозяйств отнюдь не характеризуется сколько-нибудь быстрыми темпами одновременного роста капиталистического земледелия. То же самое показывает кризис. Ввоз сельскохозяйственных удобрений в Индию не увеличивается, а падает; ввоз машин, в том числе и сельскохозяйственных, не увеличивается, а падает. Производство на крупнейшем плужном заводе «Братьев Кирлокар» в Бомбее показывает за 1930/31 г. сокращение на 20% по сравнению с предшествующим годом.

Нам кажется, что сколько-нибудь быстрый рост капиталистического земледелия в кулацких и части помещичьих хозяйств во время кризиса также затруднен следующими обстоятельствами:

1. Во время кризиса углубляется разрыв между ценами на про-

дукты сельского хозяйства и на промтовары. В условиях этого разрыва цен нужна чрезвычайно высокая норма прибыли, чтобы помещик или кулак мог перейти на техническое перевооружение своего хозяйства, особенно в условиях, когда цены на внутренне-индийском рынке в силу монополии британского империализма, его валютной политики и т. д. стоят ниже мировых.

2. Аграрные отношения Индии «не расчищены» и для помещичьего капитализма. Сгонять арендаторов с земли приходится в условиях уже начавшейся аграрной революции, в условиях, когда в ряде провинций Индии уже началась крестьянская война, когда во всей Индии все чаще происходят нападения на помещичьи усадьбы, поджоги и т. д. Это вовсе не подходящее время для заведения сельскохозяйственных экономий юнкерского типа.

Тем не менее нельзя сказать, что капиталистическое земледелие сейчас вовсе не растет в Индии. Окончание крупной гидроэлектрической станции в Пенджабе даст сравнительно дешевую электроэнергию, которую помещичьи и кулацкие хозяйства смогут использовать для механической подачи воды на орошаемые поля. Большую часть земли, орошенной при помощи только-что законченного «Суккурского баража» (Ллойдовская плотина на реке Инде), колониальное правительство отдает под крупные помещичьи латифундии при обязательстве помещика ввести усовершенствованные методы земледелия. В том числе ряд крупнейших земельных участков был предоставлен и английским капиталистам: «Раздача крупных земельных участков от 2 тыс. до 20 тыс. акров на правах вечной аренды в районе плотины Ллойда окажется весьма полезным для введения прогрессивных методов земледелия в Индии», — пишет газета «Таймс оф Индия» от 13 апреля 1932 г. в связи с предоставлением такого участка майору Д. Банфильду [18].

Ничтожное распространение получили тракторы. В Бирме за весь год было продано всего 49 тракторов. В провинции Берара имеется всего-навсего 38 тракторов в помещичьих хозяйствах. Из них 10 бездействуют по причине недостатка квалифицированных трактористов. Общий размер тракторной вспашки центральных провинций Индии равнялся *всего 500 акрам* (журнал «Кэпител» от 7 января 1932 г.). Общих данных о числе тракторов в Индии мы не имеем.

---

[18] Ллойдовская плотина обошлась свыше 150 млн. рупий, и ею предполагается оросить около 5 млн. акров. Журнал «Ревью» за февраль 1932 г. сообщает любопытные данные о воспроизводстве отношений помещичьей собственности на этих вновь орошенных землях: «Предполагается, что земля обойдется правительству в 35 рупий за акр, не считая процентов на амортизацию плотины. Правительство раздает лучшие из вновь орошенных земель богачам — заминдарам, по цене 15 рупий с акра. Это означает, что с площади в 3 500 тыс. акров земель, орошенных в первую очередь, правительство делает подарок в 7—8 млн. рупий господам-заминдарам Синда за счет налогоплательщиков-крестьян. Но интересно было бы знать, какую плату правительство предполагает взимать с крестьян. Крестьянину придется платить 90 рупий за землю, 90 рупий с рассрочкой на 20 лет. Даже учитывая эту рассрочку, крестьянину придется платить втрое больше, чем помещику. Мы считаем эту схему сдачи земли величайшим скандалом, который власти пытались замолчать и скрыть».

Кризис и классовая борьба

Основная линия аграрной политики британского империализма в Индии на данном этапе сводится к тому, чтобы в условиях невиданного обесценения колониального сырья и продовольствия обеспечить его дальнейшее выкачивание, обеспечить сохранение пресловутой «товаризации» крестьянского хозяйства в условиях кризиса. Это есть линия не только сохранения, но также и усиления феодальной и торгово-ростовщической эксплоатации крестьянства. Это есть линия увековечивания помещичье-феодальной собственности и ее защиты против аграрной крестьянской революции. В условиях господства империализма, консервирующего феодальные пережитки в деревне, самое обесценение колониального сырья означает повышение доли империализма, помещика и ростовщика в крестьянском урожае, означает новое нападение эксплоататоров не только на прибавочный, но и на необходимый продукт крестьянства. Неудивительно, что империализм ведет в Индии открытую войну с крестьянством; неудивительно, что в большей части Индии объявлено военное положение.

Но обесценение колониального сырья еще не выражает всей глубины индийского кризиса. Британский империализм пытается удержать и увеличить свою монопольную сверхприбыль. Снижение цен на внутреннем рынке ниже мировых при помощи валютной политики, монопольное посредничество между внешним миром и Индией, повышение железнодорожных тарифов и т. п. являются добавочными факторами перекладывания тяжести кризиса на колониальный пролетариат и крестьянство.

Но, перекладывая тяжесть кризиса на колониальные народы, увеличивая налоги, поддерживая и углубляя разрыв между ценами на промтовары и на продукты сельского хозяйства, между оптовыми и розничными ценами и т. д., империализм увеличивает неэквивалентность обмена между городом и деревней, между колонией и метрополией. Неудивительно, что пауперизация и обнищание масс, ускоренные кризисом, сужают и без того узкий рынок. Империализм тем самым подрывает не только базу собственного импорта, но и развитие туземной промышленности.

Открытый террор против крестьянских масс и т. д. совмещается с тактикой временного снижения поземельного налога и водного сбора в основных территориальных очагах аграрной крестьянской революции. Так в Пенджабе в 1931 г. поземельный налог был снижен на 8 млн. рупий, а водный сбор — на 2 800 тыс. рупий (из общей суммы поземельного налога в 21 млн. рупий). Равным образом поземельный налог был несколько снижен в Бирме и в Соединенных провинциях, причем однако в масштабе всей Индии поземельный налог не только не снизился, но повысился. Снижение налога является в основном уступкой помещику, а не крестьянину. Оно отражается на крестьянстве лишь в той мере, в какой снижается рента. А рента, считая долю помещика в крестьянском урожае, не только не понижается, а повышается. Империализм также декретировал некоторое снижение ренты в Соединенных провинциях. Это есть побочный продукт аграрно-

крестьянской революции, жалкая попытка спасти помещичью собственность.

Империализм повысил импортные пошлины на сахар и довел их до 7 рупий 4 анн за квинтал. Индия ввозит около 900 тыс. *т* сахара, производит на собственных заводах около 160 тыс. *т* и вырабатывает около $2^1/_2$ млн. *т* неочищенного сахара «гур». Введение импортных пошлин на сахар, основная масса которого импортируется не из английских владений, а Кубой и Явой, является уступкой туземной буржуазии. Вместе с тем развитие в Индии промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья вовсе не противоречит основной линии британского империализма. Мы также считаем, что падение экспорта индийской пшеницы есть постоянное, а не временное явление и что и в дальнейшем импорт австралийской пшеницы в Бенгалию не исчезнет. Предоставив индийской буржуазии известные тарифные уступки (кстати в значительной мере перекрываемые или обесцениваемые империализмом при помощи валютной политики и при помощи использования рычага железнодорожных тарифов), англо-индийское правительство провозгласило дальнейшее расширение принципа «имперского предпочтения». Но в том-то и дело, что если Индия является крупным рынком для английского импорта, то Англия является ничтожным рынком экспорта индийского сырья. Доля Англии в индийском экспорте за последние два года равнялась: по чаю — 84%, по джуту-сырцу — 17%, по джутовым изделиям — 3%, по хлопку — 6,5%, по маслосеменам — 15%, по зерновым — 2%, по шкурам и кожам — 45%. Предоставление поощрительных тарифов индийскому экспорту означает не что иное, как предоставление английского рынка по чаю в монопольное владение английским же плантаторам, эксплоатирующим индийских кули в Ассаме и на Цейлоне. Предоставление же тарифов английскому импорту означает обострение борьбы за внутренний рынок с туземной промышленностью.

Помещик и ростовщик, компрадорская буржуазия являются классовой опорой империализма, так же как национал-реформистский буржуазно-помещичий блок является союзником империализма против революции. Помещик не задет последним повышением налогов. Ростовщик также им не задет. Тем не менее падение цен на колониальное сырье и продовольствие неминуемо снизило доходы известных слоев помещиков, несмотря на то, что помещики безусловно повысили норму эксплоатации крестьянства, несмотря на то, что их доля в крестьянском урожае не уменьшилась, а увеличилась.

В среднем помещичья рента составляла от половины до двух третей крестьянского урожая. В условиях кризиса при падении цен на 50% и больше помещик стремится сохранить прежний уровень ренты, исходя не из ее натуральной формы, а из предвосхищенного рентой денежного дохода. Чтобы уплатить ренту в прежнем размере, крестьянин должен отдать помещику, учитывая двойное падение цен, больше продукта натурой, чем он давал раньше. Но и прежняя рента была докапиталистической рентой, и она не только не оставляла крестьянину средней нормы при-

были, но была вычетом из его зарплаты. Таким образом в условиях кризиса крестьянин вынужден отдавать в натуральной форме еще больше продуктов, чем он отдавал раньше. Норма эксплоатации повышается, и тем не менее денежные доходы помещика не всегда повышаются, а иногда и понижаются. Помещик пытается отобрать не только прибавочный продукт, — он пытается отобрать бо́льшую долю необходимого. Исход здесь определяется ходом классовой борьбы, определяется силой, массовостью, напористостью крестьянских движений, степенью пролетарского руководства этими движениями, степенью влияния компартии на крестьянство.

Разорение известных помещичьих слоев в Индии, несмотря на повышение — крупнейшее грабительское повышение — нормы эксплоатации крестьянства, безусловно является фактом. Журнал «Модерн Ревью» (март 1932 г.) сообщает следующее: «Как недавно стало официально известно, в ответ на запрос в Бенгальском законодательном собрании в течение июня 1931 г. по январь 1932 г. за невзнос поземельного налога было продано 13 455 заминдарских имений. 122 из них остались непроданными за отсутствием покупателей». Очевидно, дело идет о мелких помещиках-арендаторах, занимающих то или другое промежуточное место в многоярусной лестнице бенгальских помещиков (не меньше 7 ярусов). Именно из этой мелкопоместной среды выходит так называемое «бхадралог» — высшие группы буржуазной интеллигенции и т. д. Недаром Национальный конгресс так много говорит о «тяжелых временах, в одинаковой степени подорвавших благосостояние и крестьянина и помещика». Агитация Национального конгресса пытается защитить помещика от революционного возмездия, проповедуя крестьянству, что дело не в помещике, а в низких ценах на сельскохозяйственные продукты. Эта демагогия контрреволюционной буржуазии является одним из наиболее удачных тактических приемов в ее работе в деревне.

Крестьянские массы в Индии не остаются пассивной жертвой империалистическо-феодальной эксплоатации. Кризис обозначил собой не только разорение основных масс деревни, он также обозначил подъем крестьянских движений, их растущий территориальный размах, их растущую классовую зрелость.

В чем проявляется характерная черта нынешнего этапа крестьянских движений Индии? В том, что крестьянство все больше переходит от методов неплатежа налогов, «бунта на коленях» к активной борьбе, к физическому истреблению помещиков-ростовщиков, агентов империализма, к захвату помещичьей земли, к захвату лесов, выгонов, пустырей. От узко экономических форм борьбы, от выставления частичных требований — к войне не только против помещика-феодала и ростовщика, но также против империализма — вот тот путь, который проделывает революционное крестьянство Индии под ударами кризиса.

У. РОСЛАВЛЕВ

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В ИНДИИ

Современный экономический кризис, его влияние на экономику Индии, ход и развертывание его в Индии как колонии британского империализма наиболее выпукло проявились в состоянии индийских финансов, в бюджете англо-индийского правительства и особенно в его валютной политике. Британский империализм обладает абсолютной монополией в области денежного обращения и кредита, располагает колониальным бюджетом и всей совокупностью рычагов осуществления взимания колониальной дани. В настоящее время в условиях всеобщего экономического кризиса, поразившего все отрасли индийской экономики, британский империализм принужден предпринять целый ряд сложнейших ходов и маневров для того, чтобы обеспечить бесперебойную выкачку колониальной дани в чрезвычайно сильно изменившихся экономических условиях жизни страны, при изменившемся соотношении сил между различными империалистическими державами как на мировом, так и на внутрииндийском рынках. Политическая обстановка в Индии точно так же самым серьезным образом отразилась на экономической политике англо-индийского правительства в области индийских финансов, потребовала модификации форм взимания колониальной дани. Целый ряд крупнейших денежно-валютных мероприятий англо-индийского правительства был осуществлен в исключительно запутанной и завуалированной форме.

Валютная политика до отмены золотого стандарта

Основной денежной единицей, средством обращения и платежа внутри Индии, является серебряная рупия. Стоимость ее определяется золотой стоимостью серебра. Экономический кризис, сказавшийся между прочим и в колоссальном падении стоимости серебра, вызвал ряд новых последствий и в отношении колониальной валюты. Мировая продукция серебра, выразилась:

Годы	В млн. унций
1920	174
1929	262
1930	244
1931	200

«Кэпител» от 21 марта 1932 г.

75% мировой продукции серебра является побочным результатом добычи цинка, олова и меди. Рост их производства дает рост добычи серебра, и обратно — падение добычи этих металлов дает и падение добычи серебра. Перепроизводство серебра, как и всякого другого товара, должно было выразиться в его обесценении, достигшем значительных размеров. Вот данные, подтверждающие процесс резкого обесценения серебра на мировом рынке.

Годы	В центах за унцию	В пенсах за унцию
1913	61	27
1925	62	31
1928	58	26
1930	38	14
1931	23,6	14
1932 январь	[illegible]	19
1932 февраль	20	19

По исчислениям индийских буржуазных экономистов, индийское крестьянство имеет около 4 230 млн. унций серебра. Естественно, что эта цифра не вскрывает того, что надо, тем не менее она может служить хотя бы частичным ориентиром, показывающим, что падение стоимости серебра на мировом рынке, очевидно, самым катастрофическим образом отразилось как на имущественно более высоких слоях крестьянства, *так и в особенности на его беднейших и средних слоях.*

Резкое падение стоимости серебра на мировом рынке должно было вызвать беспокойство англо-индийского правительства и за судьбы индийской рупии, тем более что сокращение бюджетных поступлений, систематические бюджетные дефициты в течение целого ряда лет, экстраординарные расходы на подавление революционного движения в стране, массовый неплатеж налогов, сокращение грузо- и товарооборота в стране, резкое сокращение внешней торговли и доходных поступлений от нее и наконец *сокращение самого производства* — вели к переполнению денежного рынка обесценившейся рупией, вели неизбежно к инфляции.

Правительственная политика в этот период концентрируется на использовании всех средств с целью хотя бы *временно избежать инфляции.* Раньше всего правительство рядом мероприятий *сокращает денежную массу* в стране, и это ему в той или иной мере временно удается. Вот данные, подтверждающие этот процесс:

Размер сокращения денежного обращения в Индии

Годы		
1926/27	28,77	лакков[1]
1927/28	4,10	»
1928/29	1,90	»
1929/30	32,41	»
1930/31	36,29	»

«Бомбей Кроникл» от 13 октября 1931 г.

Директор «Импириал Бэнк оф Индия» по этому поводу заявлял. «Денежное обращение за год — с марта 1930 по март 1931 г. — сократилось на 38,5 крор[2] и с марта 1931 г. по июнь вновь сократилось на 15 крор» («Кэпител» от 20 августа 1931 г.).

---

[1] Лакк = 100 000 рупий или 7 500 фунт. стерлингов.

[2] Крор = 10 000 000 рупий или 750 000 фунтов стерлингов.

Правительственные отчеты о состоянии денежного обращения преуменьшают размеры сокращения денежной массы в стране, но и они тем не менее не могут скрыть этого процесса, выражающего собой политику правительства, направленную к избежанию инфляции. Даем данные правительственного Currency Note Account»:

Количество бумажных денежных знаков в обращении

	В тыс. рупий		В тыс. рупий
31/III 1930 г.	1 722 300	31/III 1931 г.	1 583 070
30/VI „	1 637 272	31/VI „	1 533 083
30/IX „	1 714 682	30/IX „	1 484 031
30/XII „	1 613 403	31/VIII 1932 г.	1 755 821

[illegible] от 7 апреля 1932 г.

Вместе с этим правительство экспортирует серебро в Китай. Индийская националистическая печать как и теперь, в связи с экспортом золота, так и тогда, в связи с большими запродажами серебра, критикует политику правительства за то, что оно, скупая через многомиллионную сеть торгово-ростовщических щупальцев английского финансового капитала серебро у крестьян за бесценок и продавая его по повышенной цене в Китай (через Гонконг-Шанхайский банк), получало значительные барыши [3]. В июле 1930 г. правительство выпускает внутренний заем на 300 млн. рупий по 6% годовых. Это было одним из средств сокращения денежной массы. Другим средством, значительно более серьезным, являлась продажа краткосрочных казначейских обязательств, так называемых «Treasury Bills». Специальное налоговое обложение точно так же сыграло здесь свою роль — роль канала по выкачке денег у населения. Сюда надо отнести и увеличенные импортные и экспортные пошлины, акциз на ряд предметов широкого потребления (соль, керосин и др.) и в особенности всякого рода *косвенные налоги*, в конечном счете ложащиеся добавочным бременем на массового налогоплательщика. Не случайно, что именно *косвенные налоги обнаруживают в этот период особый рост.* К прямому добавочному налоговому обложению правительство не могло прибегать столь успешно, как раньше. *Политическая обстановка в стране оказывала здесь, очевидно, решающее воздействие на формы и метод осуществления правительственной политики.* Требовалась вуаль косвенного обложения. К тому же, поскольку оно выражалось в повышении импортных пошлин, в нем в известном отношении были заинтересованы и отдельные

---

[3] Продажа демонетизированного серебра Индией вскрывается следующими данными:

1927 г.	9,2	млн. унций
1928 „	22,5	„ „
1929 „	35,0	„ „
1930 „	29,5	„ „
1931 „	35,0	„ „

Из 277,1 млн. унций серебра, демонетизированного во всем мире, доля Индии наиболее высокая.

отряды индийской промышленной буржуазии, в частности текстильная.

Одним из рычагов воздействия на денежное обращение в стране являлось поддержание *высокого учетного процента*. На протяжении всей этой дефляционной политики он стоял *на уровне семи*. Этот пункт правительственной политики подвергался особым нападкам со стороны промышленной буржуазии, ибо он раньше всего вел к *зажиму кредита* для туземной промышленности, отражая собой антииндустриализаторскую политику империализма и в области кредита. Национальная буржуазия и текстильная в особенности довольно рьяно критиковали эту политику зажима кредита.

Вот несколько образчиков этой «критики»:

«Вряд ли мне нужно говорить, что неблагоприятное положение дел создало для правительства Индии огромные затруднения... и для того чтобы поддержать курс рупии, правительство повышало стоимость денег внутри страны путем значительного выпуска «Treasury Bills», сокращая таким образом кредит и денежное обращение (Лондонский «Таймс» от 1 апреля 1931 г., из речи директора «Меркантил Бэнк оф Индия»).

«Кредитная политика, которая поддерживает банковский процент на уровне семи в то время, когда существует невиданная ранее депрессия, когда учетный процент во всех важнейших финансовых центрах мира стоит ниже трех, — не только несправедлива, но она чрезвычайно серьезно препятствует деловой активности в стране» («Кэпител» от 19 февраля 1931 г.).

Мобилизация серебра на денежном рынке у населения путем налогов — косвенных и прямых, выколачивание у колониального непосредственного производителя последней серебряной или бумажной рупии, внутренний заем, продажа краткосрочных билетов в обмен на рупию, высокий учетный процент — все это для того, чтобы избежать инфляции. Такова краткая характеристика политики правительства в отношении индийской рупии на денежном рынке внутри самой Индии. И надо сказать, что эта политика, очевидно более чем когда-либо приведшая к усилению разорения и обнищания основных масс крестьянства, к еще более глубокому сокращению внутреннего рынка, *политика, осуществлявшаяся и в завуалированной и в полицейско-насильственной форме*, — дала возможность англо-индийскому правительству, с одной стороны, сократить в известной мере денежное обращение в стране, а с другой — сконцентрировать в своих руках значительные массы серебра.

Государственные запасы серебра в Индии

	В тыс. рупий		В тыс. рупий
1930 г. 31/III	28 510	1930 г. 30/XII	53 930
1930 » 30/VI	34 799	1931 » 31/III	64 626
1930 » 30/IX	58 311	1931 » 30/VI	80 175 [4]

(«Кэпител» от 7 апреля 1932 г.)

[4] Ныне эти запасы равны 107 777 тыс. рупий („Кэпител" от 8 IX 1932 г.).

Накопление серебра государственным казначейством Индии вскрывается следующими данными (см. стр. 130).

Таким образом внутри Индии правительство осуществляло политику самой резкой дефляции.

С формально-логической точки зрения такого рода политика, казалось, должна была привести если не к росту цен, то во всяком случае к задержке их падения. Однако ничего подобного не случилось, и раньше всего потому, что *правительство вместе с политикой резкой дефляции внутри страны вело и продолжает вести политику обесценения экспортного колониального сырья внутри Индии* на основе искусственно высокого курса рупии в ее отношении к фунту стерлингов. Это последнее достигалось тогда — до отмены золотого стандарта — следующим образом. При обмене рупии на фунт стерлингов законодательным актом в 1927 г., выражавшим собой не что иное, как насилие колониального монополиста, располагающего решающими рычагами в экономике и политике ограбляемой им страны, было установлено: одна рупия равна 18 пенсам, 18 пенсов равны одной рупии. Что это означало для колониального производителя, экспортирующего свое сырье или продовольствие, и для империалистического импортера, импортирующего в Индию свои промышленные товары? Ответ на этот вопрос дает следующая любопытная выдержка из «Сивил энд Милитари Газет» от 4 июля 1931 г.

«Чауэдри Маздур Синг везет известное количество хлопка в Ливерпуль. Он получает за свой хлопок 20 шилл., а по возвращении в Бомбей индийские банки платят ему по существующему курсу (за рупию 1 шилл. 6 пенсов) — всего за 20 шилл. он получает 13 рупий 5 ани; если бы курс рупии был ниже (1 шилл. 4 пенса), он получил бы 15 рупий за свои 20 шилл. Приехав в свое селение, он устанавливает, что наша теперешняя валютная политика отняла у него 1 рупию 10 ани с каждых 20 шилл. стоимости проданной им продукции в Ливерпуле. Теперь возьмем обратное. Английский импортер привозит известное количество товаров из Бирмингама и продает их в Лагоре за 15 рупий. Прибыв в Лондон с этими 15 рупиями в кармане, он по существующему курсу (1 шилл. 6 пенсов) получает 270 пенсов, т. е. 1 ф. ст. 2 шилл. 6 пенсов. При курсе же рупии в 1 шилл. 4 пенса он получил бы всего 240 пенсов, т. е. ровно 1 ф. ст. Таким образом ваш теперешний курс рупий дает импортерам дополнительно по 2 шилл. 6 пенсов на каждые 20 шилл. стоимости товаров, ввозимых ими в Индию».

Таким образом для индийского экспортера высокий курс рупии означает потерю того, что английский импортер получает в результате этого курса. Английский импортер получает за счет индийского производителя 12,5% дополнительной валютной премии в результате искусственно высокого курса рупии, в результате насильственно поддерживаемой *размычки между действительной стоимостью рупии и ее курсом,* ее паритетом в отношении к фунту стерлингов. Однако это не все. Дело не только в этом, а еще и в том, что такого рода валютная политика британского империализма в Индии чрезвычайно сильно понижает конкуренто-

способность индийского сырья на мировом рынке, блокирует его проникновение на внешний рынок, повышает конкурентоспособность сырья и продовольствия английских доминионов (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка), *превращает Индию в объект самого яростного демпинга сельскохозяйственных товаров, произведенных на основе капиталистического машинного способа производства.* Перепроизводство колониального сырья в Индии подкрепляется постоянной, неизменной валютной политикой, ведущей к еще большему переполнению внутреннего сырьевого рынка, к блокаде внешних рынков, а следовательно и неизбежно к еще более резкому и дальнейшему обесценению его (сырья) внутри страны. Вот здесь в этом пункте английский империализм еще раз снимает жатву обильных колониальных сверхприбылей. В экспортной торговле Индии Англия занимает далеко не монопольное место. Ее доля равна примерно $^{1}/_{5}$ всего индийского экспорта. Ее доля в экспорте важнейших видов индийского сырья и продовольствия далеко не монопольна. Это вскрывается следующей таблицей.

Доля Англии в индийском экспорте (в процентах)

Годы	Чай	Джут-сырец	Джутов. изделия	Хлопок	Масло-семена	Зерновые	Шкуры и кожи
1929/30	85	25	6	6,6	16	2	26
1930/31	84	17	5	6,5	15	9	32

Ради приобретения этих 20% экспортируемого Индией сырья за бесценок и ради получения дополнительных прибылей при импорте своих товаров и ведется эта грабительская валютная политика.

Современная валютная политика выступает в качестве одного из сильнейших гарантов колониальных сверхприбылей. Она является насквозь империалистической и служит целям выкачки ценностей из колониальной страны. Можно и не быть монополистом в области непосредственно сырьевого экспорта из Индии, но для того чтобы взимать колониальную дань и приспособлять всю внешнюю торговлю к выкачке ценностей из колоний, обязательно нужно быть монополистом в области денежного обращения и валютной политики. Однако и это еще не все. Америка, Япония, Германия, словом, страны, вывозящие сырье из Индии, приобретают его на тех же основаниях, как и Англия, за бесценок? Нет! Английский финансовый капитал в Индии представлен сетью банков, закупочных и сбытовых фирм, сотен всякого рода контор по скупке сырья — сетью, чрезвычайно разветвленной и монопольной; кроме того он располагает еще не менее разветвленной сетью торгово-ростовщических щупальцев, работающих на английский финансовый капитал. Капиталы торгового и денежного оборота — в руках и под контролем английского финансового капитала. Внутри

Индии весь или почти весь рынок сырья контролируется английским финансовым капиталом, не имеющим, естественно, никакого желания предоставлять своим конкурентам из Японии, Америки и Германии возможности приобретения этого сырья за бесценок. Это и понятно. Но это означает, что английский финансовый капитал, проводя методичную и последовательную политику обесценения индийского сырья внутри самой Индии, снимает пенки с результатов той политики один, монопольно, делясь лишь с торгово-ростовщическим и компрадорскими слоями, туземной буржуазии. *В этом пункте осуществляется его сырьевая монополия через финансовую и валютную монополию.* В этом пункте колониальный непосредственный производитель выступает в качестве объекта постоянной и методичной политики ограбления, в качестве колониального быдла. *Валютная монополия, следовательно, выступает в качестве орудия и механизма осуществления и проведения сырьевой монополии, хотя позиции самого британского империализма непосредственно в экспорте индийского сырья далеко не блестящи и ослабевают с каждым годом.* Валютная монополия — решающий помощник для осуществления сырьевой монополии. Валютная монополия опосредствует сырьевую монополию. Здесь заложен один из решающих стержней современного экономического господства британского империализма в Индии. Здесь лежит и яблоко раздора между ним и его империалистическими соперниками, с одной стороны, и между ним и национальной буржуазией — с другой, стремящейся к тому, чтобы самой получать эти царственные прибыли, хотя ее критика валютной монополии британского империализма в Индии и носит «общенародный» характер и аргументируется ею раньше всего с той точки зрения, что эта валютная политика тормозит расширение внутреннего рынка и развитие промышленности. Несомненно, что такого рода валютная политика самым гибельным образом влияет на состояние внутреннего рынка, на размер платежеспособного спроса крестьянства и на возможность промышленного развития страны. Она есть денежно-кредитное выражение антииндустриализаторской политики империализма в отношении производительных сил Индии. Она есть средство сохранения Индии на положении аграрно-сырьевого придатка метрополии.

Рыночные цены на индийское сырье на внутреннем рынке *обычно* стояли ниже мировых цен на сырье, произведенное в капиталистических странах. *Но это отнюдь не являлось и не является выражением высокой производительности и наличия развитого сельского хозяйства в Индии.* Наоборот, это показатель не богатства, а бедности, показатель сильнейшей эксплоатации, *сводящей долю непосредственного производителя в цене произведенного им товара к более чем полуголодному уровню существования* и дающей на этой основе товару, произведенному при докапиталистических условиях производства, временами выдерживать конкуренцию товаров, произведенных в капиталистических условиях, но выдерживать за счет вечного голода и систематического вымирания самого непосредственного производителя, разорения, разгрома и деградации самого сельского хозяйства и его агрикультуры. Для

чего английскому империализму потребовалось повышать на мировом рынке, пользуясь своей валютной монополией, цены на индийское сырье? Во-первых, для того, чтобы снизить их конкурентоспособность в отношении сельскохозяйственных товаров английских доминионов — конкурентоспособность, основанную на голоде и обнищании индийских трудящихся масс; во-вторых, для того, чтобы обесценить их еще более на внутреннем сырьевом рынке, который находится под его контролем, и, в-третьих, для того, чтобы, приобретая для своей промышленности сырье на внутреннем рынке Индии за бесценок, реализовать его по повышенным ценам (но все же часто ниже мировых) тогда, когда перед ним выступают в качестве покупателей индийского сырья его империалистические конкуренты. Надо сказать, что последние годы ознаменовались тем, что Япония, основной экспортер индийского хлопка и ряда других товаров индийского земледелия, начинает обзаводиться — не без яростной борьбы с английской монополией — собственной закупочной торговой сетью; тем не менее она все-таки не имеет тех преимуществ, которыми пользуется британский империализм [5].

Спрашивается: национальный туземный капитал получает ли какие-либо серьезные и значительные выгоды от этой политики резкого обесценения сырья на внутреннем рынке? Нет! Объяснение этого лежит в одном простом факте. Железнодорожный, морской и речной транспорт — вся связь является монополией британского империализма. Тарифная политика британского империализма на индийских железных дорогах и на всем транспорте вообще такова, что она в значительной степени лишает национальную буржуазию выгод, вытекающих из дешевизны сырья на внутреннем рынке и порождает такого рода парадоксальные явления, как то, что Бомбею, допустим, выгоднее привозить уголь из Южной Африки, чем из копей Бихара и Ориссы, и очень часто выгоднее привозить хлопок из Америки, чем из Центральных провинций, джутовые изделия — из Шотландии, чем из Калькутты, нефть и бензин — из СССР и Америки, чем из Бирмы, пшеницу — из Австралии и Канады, а не из Пенджаба.

Тарифная политика выступает в качестве серьезного корректива на тот случай, если бы национальный туземный капитал попытался воспользоваться результатами империалистической политики обесценения сырья на внутреннем рынке. Железнодорожные тарифы, морские и речные фрахты и целая совокупность мелких, но чрезвычайно важных и весьма остроумно придуманных средств доводят цену на индийское сырье для туземного капитала до размеров мировых, но очень часто и выше их, заставляя его покупать сырье даже у английских доминионов. Такова мощь паразитизма и эксплоататорской разнузданности колониальной монополии империализма. Только в свете этой политики

[5] Это можно было бы формулировать еще и следующим образом: валютная монополия британского империализма в Индии имеет своей целью установление монопольно низких цен на колониальное сырье для метрополии и монопольно высоких цен на это же сырье для других империалистических стран, конкурентов этой метрополии.

можно понять и процесс географического рассеивания национальной индийской промышленности, процесс перехода ее непосредственно к источникам сырья и рынка — процесс, который начался очень давно, который необычайно усилился в результате современной валютной политики империализма, обесценивающего сырье только для себя и заставляющего туземную буржуазию платить за него значительно дороже.

Противоречие между империализмом и национальной буржуазией в этом вопросе носит весьма обостренный и сравнительно постоянный характер. Вместе с тем такое положение британского империализма в области индийских финансов *резервирует для него возможность всякого рода маневрирования в отношении туземной буржуазии, повышает его гибкость и дает ему возможность громогласно «облагодетельствовать» Индию какой-либо пустяковой уступочкой* в железнодорожных тарифах, морском фрахте и т. п. — уступочками, ради получения которых индийская буржуазия уже неоднократно предавала борьбу масс за национальную независимость [6].

Сравнительно длительная политика дефляции подготовляла собой политику инфляции, которую сейчас, после отмены золотого стандарта, и проводит англо-индийское правительство. В чем выражалась в тот период подготовка этой политики инфляции? Она выражалась в следующем.

1. Наряду с сокращением бумажной денежной массы в стране правительство медленно, исподволь и чрезвычайно осторожно изымало из страны золотой запас монет и слитков. Вот соответствующие данные:

	В тыс. рупий		В тыс. рупий
1930 г. 31/III	322 735	1931 г. 31/III	237 530
1930 » 30/VI	322 762	1931 » 30/VI	202 270
1930 » 30/IX	322 764	1931 » 30/IX	71 928
1930 » 30/XII	317 415	1931 » 31/XII	45 645

Правительство постепенно, медленно и осторожно, а затем резкими скачками вниз сплавляет золотой запас Индии в метрополию, причем особенная активность его в этом отношении сказывается по мере нарастания финансового краха валюты самой метрополии. Это было и осталось мероприятием, направленным к тому, чтобы за счет колониальной страны оттянуть финансовый крах фунта стерлингов. Кстати сказать, этого процесса утечки золота из государственного казначейства Индии на протяжении почти всего 1931 г. индийская буржуазно-националистическая печать, мягко выражаясь, «не замечала».

2. Золотой запас индийского казначейства исподволь заменялся все нараставшим запасом серебра. Металлический резерв, металлическое обеспечение нарастало за счет увеличения запасов серебра и количества серебряной монеты. Вот данные о металлическом резерве:

[6] Естественно конечно, что эта же политика предоставляет британскому империализму возможность маневрирования и в отношении его империалистических конкурентов, выступающих на индийском рынке.

Процент металлического резерва к обращению

1930 г. 31 III	80,81	1931 г. 31 III	93,36
1930 » 30/VI	88,36	1931 » 30/VI	97,06
1930 » 30.IX	85,83	1931 » 30/IX	93,91 [7]
1930 » 31 XII	94,04		

Итак золото изымалось и направлялось в метрополию, а заменяло его обесцененное серебро, награбленное у непосредственного производителя. На этой основе росло металлическое обеспечение обращения.

Такого рода политика таила в себе все признаки желательной для правительства политики инфляции, *она содержала в себе эту политику в ее зародыше.* Спрашивается: почему же правительство сразу же не приступило к инфляции, с первых же шагов кризиса и падения стоимости серебра? Экономическими мотивами такого рода временной оттяжки политики инфляции являлись: а) необходимость сосредоточения в руках правительства серебряной массы в стране с целью последующей замены ею золотого запаса; б) необходимость сокращения бумажной и денежной массы в стране, обесценение которой тогда, в условиях еще не заключенной сделки с национал-реформистской буржуазией (1930 г. и первая половина 1931 г.), грозило весьма «неприятными последствиями», и в) необходимость заключения на лондонском рынке ряда стерлинговых займов, для чего требовалось и время и доказательство «крепости» индийских финансов.

Конечно *решающие обстоятельства, тормозившие начало политики инфляции, лежали главным образом в области классовой борьбы.* Следует иметь в виду, что почти весь этот период (1930 г. и первая половина 1931 г.) был заполнен ожесточенными классовыми схватками, перераставшими в ряде мест в открытые вооруженные восстания. В такой политической обстановке начать и вести политику резкой открытой инфляции было невозможно, к тому же ряд предварительных предпосылок к ведению такого рода политики еще не был подготовлен. Экономическим рубежом открытого перехода на рельсы инфляции явилась отмена золотого стандарта в Англии. Правительство Индии ведет сейчас самую настоящую и доподлинную политику инфляции, вернее, политику бумажной и серебряной инфляции, но об этом ниже. Сейчас нам надо обратиться к тому, каким образом, какими методами и в каких формах англо-индийское правительство, проводившее политику дефляции, вместе с тем осуществляло свою основную цель — высасывание колониальной дани в условиях сильнейшего экономического кризиса.

Период дефляции был одновременно и периодом *некоторых особенностей в трансферте колониальной дани.* Он был заполнен целой серией стерлинговых займов, заключенных англо-индийским правительством на лондонском денежном рынке, — займов, которые являлись не чем иным, как насквозь паразитическим, грабительским авансированием капитала на усмирение рево-

[7] Процент металлического резерва к обращению на 31 VIII 1932 г. равен 71,84 («Кэпитэл» от 8 IX 1932).

поции, на бесперебойность выкачки колониальной дани. Погашение этих займов должно произойти в ближайшее время за счет индийского народа сверх той «нормальной» колониальной дани, которая «обычно» взыскивается с него. Приводим данные об этих займах.

				Срок погашения
1930 г.	февраль	6 млн. ф. ст.	из 6% годовых	1932—1933 гг.
1930 »	май	7 » » »	» 6% »	1933—1935 »
1930 »	октябрь	12 » » »	» 6% »	1935—1937 »
1931 »	февраль	18 » » »	» 5,5% »	1936—1938 »
1931 »	май	10 » » »	» 6% »	1933—1934 »
1932 »	апрель	10 » » »	» 5% »	1942—1947 »[8]

Следовательно на лондонском рынке было занято 63 млн. ф. ст.

Обращают на себя внимание два следующих факта:

1. Займы по сути дела[9] краткосрочные, расплата по которым должна быть произведена в самые ближайшие годы.

2. Займы приносят невиданный в условиях кризиса процент, причем как раз тогда, когда учетный банковский процент во всех важнейших финансовых центрах мира, в том числе и Лондоне, стоит на уровне 2—3. Надо сказать, что националистическая пресса встречала правительственные коммюнике о выпуске займов критикой достаточно робкой и беззубой.

«Еще один стерлинговый заем. Правительственные объявления об этом уже перестали нас потрясать. Займы в Лондоне стали столь часты, что острота удивления должна была притупиться и огрубеть» («Либерти» от 8 января 1931 г.).

Эта критика на время совершенно прекратилась, когда английский империализм бросил индийской буржуазии кость со своего стола — внутренний заем в 300 млн. рупий из 6% годовых. Этот заем, как и лондонские займы, был покрыт буквально в течение нескольких минут. На майский заем 1930 г. (7 млн. ф. ст.) лондонская биржа реагировала так: в течение 19 минут подписка на заем достигла 90 млн. ф. ст. вместо требуемых 7 млн. ф. ст. Заем сулил баснословные в условиях кризиса барыши. *Заем раскупался как заем подавления революции в Индии.*

Решение VI конгресса Коминтерна о характере экспорта капитала в колонии за последние 2—3 года получило еще раз блестящее подтверждение. По данным «Стетист», экспорт капитала в Индию из Англии выглядит следующим образом.

1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
(в млн. фунтов стерлингов)				
0,5	8,3	9,5	25,1	22,2

Почти 100% экспортируемого за последние годы капитала в Индию было употреблено на непроизводительные, паразитические

[8] Кроме этих займов в январе 1928 г. был заключен стерлинговый заем на 7,5 млн. фунтов, и в январе 1929 г. на 10 млн. фунтов («Коммерс» от 4 июня 1932 г.).

[9] В сравнении с прежними займами.

цели как аванс под колониальную дань[10]. *Этот характер экспорта капитала приобретает все большую значимость. Он знаменует собой воспроизводство колониальной монополии на еще более паразитической основе, а вместе с этим и воспроизводство классовых и экономических противоречий в еще более высокой и обостренной форме. Паразитическая роль империализма еще больше возросла, а кризис еще больше усугубил ее.* Классовая борьба в стране и стремление раздавить растущие силы революции еще резче вскрыли эту увеличившуюся паразитическую роль империализма. Экспорт капитала последних двух лет в Индию и количественно и качественно совершенно совпадает с правительственными займами на лондонском Сити.

Правительство, заняв у Сити 63 млн. ф. ст. и дав Сити возможность нажить на этом 10–12 млн. ф. ст. в качестве одних лишь процентов (некоторые займы были реализованы по 95 ф. ст. за действительных 100), внесло эти деньги в английское казначейство в счет колониальной дани. *Индия даже и не нюхала этих денег.* По поручению англо-индийского правительства *лондонское Сити, заработав солидный барыш, переложило эти 63 млн. ф. ст. из своего кармана в карман государственного казначейства Англии.* Трансферт колониальной дани был осуществлен. Индии же теперь предстоит выплатить эту сумму трансферта, чего бы это ни стоило ее трудящимся массам! Кризис, нарушивший обычный механизм трансферта, понизивший индийский активный торговый баланс, чрезвычайно снизивший долю Англии в экспортно-импортной торговле Индии, нарушивший расчетный баланс Индии и ее расчетные операции с метрополией, заставил правительство Индии прибегнуть к такого рода операциям, которые бы обеспечили перевод колониальной дани в метрополию. Они состоят в следующем:

1. Резкая политика дефляции, сосредоточение серебра в руках правительства с расчетом замены золотого запаса в Индии серебряным запасом. Осторожная, но все нарастающая по своей силе политика выкачки индийского золота в метрополию в целях «погашения» колониальной дани и поддержки валюты метрополии. Эта политика продолжается и сейчас, но уже в условиях инфляции и носит поэтому ряд новых черт.

2. Усиленный заем денег на лондонском рынке все в тех же целях — погашения колониальной дани, в целях осуществления ее трансферта в условиях, когда обычный механизм этой дорогостоящей для индийского народа операции был нарушен кризисом, охватившим собой всю страну и весь капиталистический мир.

В чем же конкретно выразилось нарушение механизма трансферта колониальной дани? Ответ на этот вопрос может быть дан лишь в результате анализа торгового баланса Индии за последние годы. Обратимся к нему.

Если взять баланс торговли *товарами* (не ценностями) Индии с остальным миром, то этот баланс показывает чрезвычайное падение своей активности.

---

[10] На VI Конгрессе КИ т. Куусинен указывал примерно этот же процент.

Обычно активный для Индии торговый баланс, служивший как бы материальной основой для выплаты колониальной дани, чрезвычайно резко упал. Вот соответствующие данные за 11 месяцев трех последних хозяйственных лет:

1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.
(в млн. рупий)		
715,3	500,3	326,7

Активность баланса экспортно-импортной торговли только товарами (без золота, серебра и других ценностей) понизилась за два года кризиса более чем в два раза. Материальная основа расплаты с метрополией за ее «цивилизованное» господство в колонии необычайно сузилась в результате кризиса. Если бы вся совокупность колониальной дани, достигающая на круг 35—40 млн. ф. ст. в год, точно так же снизилась пропорционально снижению активности экспортно-импортной товарной торговли, тогда бы не произошло нарушения обычного механизма трансферта и активный баланс экспортно-импортной торговли товарами был бы достаточен по своим размерам для погашения колониальной дани. Но в том-то и дело, что размер колониальной дани не только пропорционально не снизился, но, наоборот, возрос, ибо к «обычной» колониальной дани, взыскиваемой с Индии, прибавилась значительная сумма платежей, образовавшихся в результате политики перекладывания последствий кризиса с метрополии на колонию. Итак налицо два диаметрально противоположных процесса: с одной стороны, резкое уменьшение активности баланса экспортно-импортной торговли товарами, а, с другой — увеличение размера колониальной дани. Тем не менее трансферт колониальной дани должен был быть произведен, и он был произведен. Но как? *Материальной основой его явился экспорт золота в натуре вместо обычного экспорта товаров в натуре*. В самом деле, данные о балансе экспортно-импортных операций золотом в натуре вскрывают как раз это явление.

	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.
		(12 месяцев финансового года)	
Импорт золота в Индию . . .	142,2 млн. рупий	127,5 млн. рупий	—
Экспорт золота из Индии . .	—	—	579,7 млн. рупий [11]

«Коммерс» от 7 мая 1932 г.

Следовательно, если до кризиса активный торговый (товарный) баланс давал возможность Индии производить «погашение» всей колониальной дани, то теперь, в результате кризиса и колоссального снижения активности торгового баланса, Индия для «погашения» возросшей колониальной дани должна была экспортировать золото в натуре.

[11] С 1 апреля 1932 г. по 3 сентября 1932 г. экспорт золота из Индии равнялся 239 359 тыс. рупий, следовательно *весь* экспорт золота из Индии составлял свыше 800 млн. рупий, или свыше 60 млн. фун. стерлингов.

Официальные правительственные данные, равно как и чиновники англо-индийского правительства утверждают, что видимый баланс торговли Индии стал еще более активным. И это верно: он возрос с 527,8 млн. рупий в 1929/30 г. (12 месяцев) до 905 млн. рупий в 1931/32 г. (12 месяцев), но в этом повышенном видимом балансе торговли содержится 527,8 млн. рупий экспортированного в натуре золота... а не товаров. За экспорт товаров Индия получает в обмен ценности или товары [12]. *За экспорт золота в Соединенное королевство она получает теперь падающие стерлинговые ценности.*

Сэр Джордж Шустер, министр финансов англо-индийского правительства, довольно откровенно выразил эту политику, ставящую своей целью сплавить имеющееся в Индии золото в метрополию в обмен на стрелинговые ценности:

«Правительство сейчас располагает сильной позицией в отношении золотого запаса. То, что сейчас особенно нужно, так это не золото, а больше настоящих ценностей, которые приносят правительству проценты» («Кэпител» от 31 марта 1932 г., из речи Шустера в Государственном совете 8 марта 1932 г.).

«Надо покупать не золото, а стерлинговые ценности. Мы уже имеем необходимую пропорцию золота. В чем мы особенно нуждаемся — так это в создании обширных резервов иностранных (стерлинговых) ценностей» («Кэпител» от 10 марта 1932 г.).

Следуя этой политике, англо-индийское правительство в обмен на небывалый экспорт золота сосредоточивало в обращении небывалое количество таких ценностей. Вот сводка движения этих ценностей:

	1930 г.	1931 г.	1932 г.
		(в тыс. рупий)	
31/III	338 496	103 847	579 932
30/VI	183 301	44 983	—
30/IX	155 924	90 477	—
31/XII	96 082	492 500	—

Отмена золотого стандарта в сентябре 1931 г. и начало широкого экспорта золота из Индии и являются тем экономическим и вместе с тем хронологическим рубежом, после которого *индийское денежное обращение начинает наполняться падающими иностранными ценностями вместо реального золота. Золото огромными потоками течет из колонии в метрополию. Грабеж колониальной страны усиливается.*

Валютная политика после отмены золотого стандарта

После отмены золотого стандарта, естественно, все основные проблемы валютной монополии британского империализма в Индии встали в новом свете, в новых условиях, и поэтому сохранение этой одной из решающих монопольных вершин индийской экономики в руках британского империализма потребовало и новых мероприятий. Для иллюстрации всей сложности этих проблем

[12] Конечно при всем значении неэквивалентного обмена.

достаточно было бы указать лишь на одну из них, а именно на проблему английского инвестированного в Индии капитала после отмены золотого стандарта, снизившего стоимость фунта стерлингов почти на 30—35%. Англо-индийское правительство таким образом столкнулось с рядом необычайно сложных проблем. Оно искало и нашло временное решение *части* из них, но конечно не в пользу ограбляемой страны Индии, а в пользу империализма.

Решающей проблемой, ставшей перед индийским правительством вслед за отменой золотого стандарта, являлась *проблема сохранения прежнего соотношения, или паритета, между индийской рупией и английским фунтом,* потерявшим уже свою золотую основу. Естественно, что решение этой проблемы было конечно заранее предопределено в пользу метрополии. Между индийской рупией и потерявшим золотую основу фунтом стерлингов, упавшим по своей стоимости на 30%, *был насильственно сохранен прежний паритет, прежнее соотношение.* В то время, когда почтенные джентльмены, члены английской палаты общин, голосовали за отмену золотого стандарта, статс-секретарь по делам Индии отправил вице-королю Индии телеграмму: «Свяжите рупию со стерлингом». Англо-индийское правительство вслед за отменой золотого стандарта специально законодательным актом подтвердило незыблемость старого соотношения, старого паритета, между рупией и фунтом стерлингов, лишившимся золотой основы и 30% своей стоимости.

Рупия, которая раньше была косвенным образом связана с золотом, ныне совершенно оторвалась от него, оставшись привязанной (приколотой) к падающему фунту» («Майсор Экономик Джорнал», ноябрь 1931 г., стр. 517).

«Связывание рупии со стерлингом означало, что ни стерлинг, ни рупия не могут повышаться или падать в отношении к золоту без того, чтобы не воздействовать друг на друга...» («Эшиетик Ревью», апрель 1932 г., стр. 203).

Стерлинговая стоимость рупии осталась прежняя, движущие силы торговли между Англией и Индией остались непоколебленными».

Валютная политика империализма в Индии, имеющая своим стержнем поддержание искусственно высокого курса рупии в отношении к золоту, приводящая к изгнанию индийского сырья с мирового рынка и к его обесценению внутри Индии, валютная политика как средство осуществления финансово-расчетной монополии во внешнеторговых связях Индии с остальным миром, как механизм осуществления сырьевой монополии в целях обеспечения колониальных сверхприбылей, колониальной дани — осталась «непоколебленной» благодаря указанному выше мероприятию англо-индийского правительства, проведенному целиком за счет Индии и в первую очередь за счет повышения эксплоатации непосредственного производителя.

Этот маневр британского империализма повлек за собой дальнейшее понижение конкурентоспособности индийского сырья на мировом рынке. Тем самым он создал еще более благоприятные рыночные условия для сырья и продовольствия английских доминионов. Этот маневр еще больше открыл двери для демпинга их

сырья и продовольствия в Индию. Этот маневр дал возможность английским импортерам получать теперь сверх «нормальной» ($12\frac{1}{2}\%$) и дополнительную импортную премию, что в значительной степени парализовало действие импортных пошлин на ряд товаров, недавно повышенных в Индии.

Вместе с тем этот маневр (а в этом, пожалуй, его главная суть) сохранил английский инвестированный капитал в Индии от обесценения соответственно обесценению фунта.

Стоимость фунта понизилась, но стоимость инвестированного в Индии английского капитала осталась прежней, ибо и паритет между рупией и фунтом остался прежним, хотя их реальная стоимость упала. Стоимость фунта стерлингов упала на 30—35%. Стоимость рупии точно так же упала. Но обменный курс рупии на фунт стерлингов не только не упал, но остался прежним и даже еще более искусственно высоким. *Колониальную же дань платят не по стоимости, а по курсу.* Но это означает, что Индия как экспортер в результате сохранения старого, искусственно высокого курса рупии будет получать еще меньше за свой экспорт, а Англия как импортер будет в результате этой же политики получать еще больше за свой импорт. То, что теряет первая, приобретает вторая. Этот грабеж, простота которого завуалирована сложной расчетной операцией, продолжает действовать с еще большей силой.

На 5 апреля 1932 г. действительная золотая *стоимость* рупии равнялась 13,92 пенса, а ее стерлинговый *курс* был равен почти 18,5 пенса, т. е. был выше стоимости на 4,5 пенса, или на 30—35%. И чем сильнее эта размычка между реальной стоимостью рупии и ее внешним стерлинговым курсом, тем больше ограбляется колония, тем больше она теряет на экспорте своего сырья, тем больше она платит премии империалистическому импортеру, тем больше нищает непосредственный колониальный производитель. Такое положение, когда реальная золотая стоимость серебряной рупии — этой колониальной валюты — падает вместе с падением стоимости фунта стерлингов и даже ниже, а *курс* рупии не только не падает, но как раз в момент отмены золотого стандарта повышается еще больше[13] и без того искусственно высокого *насильственно установленного курса,* — такое положение чрезвычайно парадоксально и многим кажется непонятным. Поверхностные наблюдатели этих сильнейших и вместе с тем своеобразных экономических процессов, выражающих ограбление страны, *бьющих в первую очередь по колониальному рабочему и крестьянину,* процессов, которые органически вытекают из паразитической колониальной монополии империализма в Индии, пожалуй, не только усомнятся в их действительности, но этот реальный факт «ножниц» между действительной и все снижающейся золотой *стоимостью* рупии и ее *повышающимся* внешним курсом объяснят не иначе, как сугубым «объективизмом» или даже заподозрят исследователя этих процессов в том, что он, утверждая о некотором временном повышении курса рупии при падении ее золотой стои-

---

13 Он повысился примерно на 2% рупии. См. Indian Trade Journal.

чести, становится на точку зрения статс-секретаря по делам Индии Сэмуэля Хора, провозглашавшего вслед за отменой золотого стандарта экономическое оживление в Индии и начало ее выхода из кризиса.

Коротко говоря, этот смелый и чрезвычайно рискованный маневр британского империализма в Индии можно расценить только как средство в своеобразной и запутанной, *скрытой от глаз непосредственного производителя форме,* форсировать процесс перекладывания последствий кризиса в метрополии и доминионах на плечи индийского крестьянина, кабального издольщика, на плечи индийского рабочего. *В этом и только в этом классовый смысл этой политики.* Она раньше всего выступает как средство обеспечения дальнейшего высасывания колониальной дани из страны, экономика которой до основания потрясена экономическим кризисом, развертывающимся на базе застарелого структурного кризиса всей колониальной экономики.

Осветим некоторые другие стороны этой же проблемы. В цитированном уже мной «Эпистик Ревью», в статье одного молодого индийского экономиста, научившегося в только что оконченном им английском колледже подходить к интересам своей родины с точки зрения интересов кармана английских импортеров, читаем:

«Если бы паритет рупии в отношении к фунту стерлингов повысился или понизился (это последнее и случилось бы, если бы рупия не была привязана к фунту), тогда Ланкашир в первом случае (при повышении курса рупии к фунту), а Бомбей во втором случае (при понижении рупии к фунту) получили бы преимущества один в отношении другого на индийском рынке».

Следовательно английский империализм оказался настолько «милостивым» и «беспристрастным», что он, связав рупию с обанкротившимся фунтом стерлингов, сохранив прежний паритет между ними, не принес вреда ни Англии, ни Индии. Вот вывод, который напрашивается из этой цитаты. Но так кажется только наемным писакам империализма. Само сохранение прежнего паритета между валютами этих двух стран в условиях, когда валюта одной их них обанкротилась, дает «преимущества» все-таки *английскому империалисту, а не колониальному рабу.*

Разберем теперь позицию национал-реформистской буржуазии в этом вопросе после отмены золотого стандарта. Она достаточно проста. Национал-реформистская буржуазия очень хотела бы, чтобы отмена золотого стандарта повлекла за собой и отмену всякой насильственной связи между рупией и фунтом, повлекла за собой отмену по крайней мере прежнего паритета. Исполком Национального конгресса в своем коммюнике сообщал, что правительство «связывает рупию со стерлингом, вместо того, чтобы оставить ее в покое, дав ей возможность самой найти свой собственный уровень в отношении золота» («Хиндустан Таймс» от 30 октября 1931 г.). И дальше ее позиция формулирована следующим образом:

«Спасение лежит в том, чтобы покончить с гнетущим 18-пенсовым курсом рупии и постараться отыскать новый уровень рупии для экспорта и импорта на основе нового обменного курса. Этим курсом должны быть 16 пенсов стерлинга или 16 пенсов золота,

но старый курс должен быть разгромлен, чего бы это ни стоило. Поймет ли это правительство раньше, чем это будет слишком уже поздно?» («Бомбей Кроникл» от 20 апреля 1932 г.).

Итак национальная буржуазия требовала разрыва со стерлингом и отмены «гнетущего» ее курса рупии. Экономические мотивы этих требований совершенно ясны. Они разобраны нами в разделе о валютной политике до отмены золотого стандарта. Национальная буржуазия отстаивала позицию стихийного рыночного приспособления стоимости падающей серебряной рупии к стоимости золота, ибо это привело бы к ликвидации искусственно разбухшей размычки между золотой *стоимостью* рупии и ее внешним стерлинговым курсом. Это захлопнуло бы тот канал, через который английские импортеры получают импортную валютную премию, повысило бы конкурентоспособность индийских промышленных изделий на внутреннем рынке Индии в их борьбе с английскими товарами, а вместе с тем, снизив искусственно вздутые цены на индийское сырье на мировом рынке и повысив тем самым в определенном размере его конкурентоспособность, дало бы национальной буржуазии возможность *класть в свой карман то, что сейчас кладет в свой карман британский империализм*, проделывающий эти валютные операции. Индийскому крестьянству, его основной массе легче конечно от этого не стало бы.

Заслуживает внимания еще один вопрос. Известно, что Япония занимает значительное место на индийском рынке и особенно на рынке экспорта хлопка и импорта хлопчатобумажных изделий. Инфляционистская политика Англии после отмены золотого стандарта должна была неблагоприятно отразиться на внешней торговле Японии с Индией, повысив конкурентоспособность той страны, которая перешла к политике инфляции, т. е. Англии. Это встревожило Японию. Встревожило это и бомбейских капиталистов, опасавшихся хотя бы частичного возврата Ланкашира на рынок серых тканей. Однако отмена золотого стандарта иены и наложение эмбарго на вывоз золота из Японии восстановило прежнее соотношение сил этих двух конкурентов на индийском рынке.

«Преимущества обоих — Бомбея и Ланкашира — по отношению к Японии были уничтожены в тот момент, когда последняя отказалась от золотого стандарта и иена снизилась более или менее к уровню фунта стерлингов» («Эшиетик Ревью», апрель 1932 г., стр. 296).

Бомбейские капиталисты не без удовлетворения встретили отмену золотого стандарта иены, поскольку это мероприятие противодействовало попыткам Ланкашира вернуть хотя бы часть утерянных позиций. Однако скоро наступило похмелье, причем как раз тогда, когда японская конкуренция — демпинг хлопчатобумажных тканей и тканей искусственного шелка — была подкреплена падающим курсом иены. Бомбейские капиталисты подняли вой и потребовали повышения импортных пошлин против Японии.

Валютная политика англо-индийского правительства после отмены золотого стандарта ознаменована также началом открытой инфляции на денежном рынке Индии. В условиях сокращающегося производства, кризиса внутреннего рынка, резкого сокращения гру-

го- и товарооборота, в условиях небывалых в истории Индии бюджетных дефицитов англо-индийское правительство с 30 сентября по 31 декабря 1931 г. *увеличило бумажное денежное обращение в стране с 1 481 340 тыс., до 1 793 031 тыс. рупий*, т. е. более чем на 300 млн. рупий. Золотой запас индийского казначейства был сокращен за это же время с 71 928 тыс. до 45 615 тыс. рупий. Металлический резерв денежного обращения упал с 93,91 до 72,14% и на 31 марта 1932 г. составлял только 66,78%, т. е. *находился на самом низком уровне за последние годы*. Началась инфляция. *Бумажками и падающими стерлинговыми ценностями английские империалисты расплачивались за вывозимое ими золото.* На этом фоне и в этих условиях начался широкий экспорт золота из Индии.

«Экспорт золота предоставил правительству давно желаемую помощь: во-первых, он восстановил активный (! — *У. Р.*) торговый баланс, во-вторых, он дал возможность погасить стерлинговый заем, и, в-третьих, он принес вместе с собой чрезвычайно желаемое расширение денежного обращения в стране».

Такова была позиция англо-индийского правительства после отмены золотого стандарта. Именно этими тремя обстоятельствами оно аргументировало «благодетельную» роль экспорта золота из Индии. В то же самое время официальная и официозная пресса англо-индийского правительства подпевала политике инфляции, покровительствовала экспорту золота и успокаивала «общественное» мнение.

«Экспорт золота до сих пор достиг только $^{1}/_{10}$ части индийского золотого запаса, накопленного только за последние 30 лет. Индия владеет почти столь же большим золотым запасом, как и САСШ, которые вывезли $^{1}/_{10}$, а на самом деле еще большую часть своего запаса, без малейшей паники. *Экспорт золота не должен вызывать ни малейшего беспокойства, а скорее приветствоваться как один из факторов, который сможет вывести мир из состояния экономической депрессии.* Экспорт золота вызывает снижение стоимости золота, а это толкает цены вверх» («Таймс оф Индиа» от 28 марта 1932 г.).

«Вывезенное количество золота представляет только ничтожную часть индийского золотого запаса. Задолго до того, как британская администрация сосредоточила власть в своих руках, задолго до того, как начала существовать ост-индская компания, пришедшая в Индию с целью торговли, в стране происходило крупное накопление золота, и хорошо информированные торговые люди подсчитывают, — хотя никакой точной статистики на этот счет нет, — что золотой запас в Индии насчитывает 66 крор тола [14], стоимостью в 2 тыс. крор рупий. К сожалению, большая часть этого золота лежала в стране абсолютно без движения. Люди, которые покупали золото по цене 19—20—21 рупий за толу месяц назад, получали 30 рупий за толу теперь. Можно ли этим людям запретить или препятствовать зарабатывать законную прибыль на сбережениях, ими когда-либо сделанных? Почему они не могут использовать сбережения всей своей жизни, которые они накапливали по небольшим ценам и которые они в состоянии продавать по

---

[14] Тола = 20 граммам.

ценам значительно более выгодным? Ни одно правительство не может даже и подумать об этом!» («Кэпител» от 31 марта 1931 г.).

Этот же журнал утверждает, что хотя общая стоимость экспортированного из Индии золота составляла на конец марта 1932 г. 500 млн. рупий, *150 млн. рупий из них составляют прибыль,* полученную в результате продажи этого золота по значительно более высокой цене, чем оно покупалось на внутреннем рынке Индии. Английская пресса в Индии в этот период пестрит массой всякого рода статей, посвященных исследованию вопроса о размере золотого запаса Индии. Приводятся самые разноречивые и вместе с тем самые фантастические цифры. Все они однако спешат доказать, что Индия — неисчерпаемый источник золота, что сумма уже экспортированного из Индии золота составляет буквально ничтожную часть ее действительного золотого запаса, не уступающего золотому запасу САСШ. При этом лейтмотив всех этих писаний следующий: обладатель золотого запаса — индийская деревня, она вынесла свое золото на рынок, но вынесла слишком мало, надо «побудить», заставить ее расширить продажу золота, лежащего в ней без движения. Оставляя пока вопрос об источнике золота, возвратимся к вопросу об инфляции. Профессор мадрасского университета Томас по поводу начала инфляции пишет следующее:

«Правительство не было в состоянии совершать денежные переводы на Лондон. Но когда начался экспорт золота, *положение улучшилось настолько, что правительство оказалось в состоянии не только погасить 15-миллионный стерлинговый заем, но удовлетворить требования статс-секретаря по делам Индии за весь текущий финансовый год.* Стерлинговые ценности оплачивались в Индии рупиями, а это повлекло за собой расширение денежного обращения в Индии на 510 млн. рупий за последние 4 месяца. Расширение это произошло на 430 млн. за счет ценностей (стерлинговых) и на 80 млн. — за счет правительственных (индийских) ценностей, занятых у имперского банка Индии» («Кэпител» от 10 марта 1932 г.).

О чем говорит приведенная цитата? Индия за экспортированное ею золото получала стерлинговые ценности, которые в свою очередь обменивались на рупии. *Бумажное денежное обращение в Индии расширилось как раз настолько, насколько было вывезено золота.* Следовательно *бумажная инфляция потребовалась для того, чтобы скупать стерлинговые ценности, полученные в обмен на вывезенное золото.* Реальные ценности покидали страну, а их место занимали падающие стерлинговые ценности и бумажная рупия.

Таким образом экспорт золота из Индии, приобревший особенно широкий характер после отмены золотого стандарта, неизбежно был сопряжен с началом политики инфляции, первоначальные признаки которой как необходимые предпосылки были отчетливо видны еще в период политики дефляции, до отмены золотого стандарта. Однако верно ли, что экспорт золота сам по себе был достаточно прибыльной операцией для тех, кто, скупая золото на внутрииндийском рынке, осуществлял экспорт его на мировой рынок, в Англию?

Для ответа на этот вопрос обратимся к движению цен на золото на мировом рынке. Даем таблицу за весь 1931 г.

	Высшая точка	Низшая точка	Средняя точка
	(в шиллингах и пенсах за унцию)		
Январь 1931 г.	85— 1,25	84—11,40	85— 0,05
Март „	84—11,5	84— 9,25	84—10,94
Май „	84—11,5	84— 9,25	84—10,32
Июль „	84—11,5	84—10,13	84—11,19
Сентябрь „	114— 9,0	84— 9,75	91— 2,70
Октябрь „	108— 6,0	103— 8,0	106— 9,41
Ноябрь „	117—11,0	108— 2,0	110— 8,95
Декабрь „	126—10,0	118— 9,0	122— 5,60

„Бомбей Кроникл" от 26 марта 1932 г.

Эта таблица вскрывает то обстоятельство, что мировая цена унции золота обнаруживает резкий скачок в течение последних четырех месяцев 1931 г., т. е. в течение того периода, когда вслед за Англией золотой стандарт был отменен более чем в 20 странах. Спрос на золото на мировом рынке необычайно повысился. Вывоз его был запрещен из всех стран, отменивших золотой стандарт, и только одна Индия, падающая валюта которой лишена всякого сколько-нибудь серьезного золотого обеспечения (индийская валюта обеспечена лишь падающим серебром и падающими стерлинговыми ценностями), вывозит в обмен на них в Англию колоссальное количество золота. Экспорт золота из Индии являлся поэтому прямым покрытием колониальной дани, трансферт которой должен был быть произведен, чего бы это ни стоило колониальной стране, глубоко потрясенной кризисом. *Экспорт золота поэтому от начала и до конца являлся грабежом Индии и своеобразной новой формой взимания колониальной дани со страны, которая уже была не в состоянии расплачиваться с метрополией необычайно сократившимся вывозом товаров, до крайности обесценившимся в результате кризиса, в результате перепроизводства колониального сырья, подкрепленного валютной политикой обесценения его на внутреннем рынке.*

Экспорт золота — одно из средств, одна из попыток контрреволюционного выхода из кризиса за счет колонии на путях ее дальнейшего ограбления.

Вернемся к поставленному нами вопросу о прибыльности экспорта золота. Экспорт золота осуществлялся конечно не индивидуально каждым продавцом его на внутреннем рынке. Он осуществлялся главным образом банковской системой английского финансового капитала в Индии и самим англо-индийским правительством через имперский банк Индии. Поэтому если экспорт золота и мог принести, как и любая другая товарно-денежная операция, значительную прибыль, основанную на разности цен, то непосредственный продавец золота вряд ли при наличии статутной цены (установленной государством на внутреннем рынке) мог заработать на этой операции, ибо статутная цена, по которой продавец реализовывал свое золото, была установлена с таким расчетом, чтобы не он, а экспортер золота получал барыш. И если верить

опубликованным в англо-индийской прессе данным, то получается, что при статутной цене одной толы (20 *г*) золота в 21 рупию 3 анна 10 пайсов тола золота на мировом рынке, следовательно при продаже золота в Англию стоила 29 рупий 7 анн, что обеспечивало экспортерам золота прибыль в размере 8 рупий 3 анн за каждую толу, или 38% прибыли («Кэпител» от 10 марта 1932 г.).

Не говоря уже о самом вывезенном золоте как выражении колониальной дани, *сам экспорт его* из Индии, т. е. процесс его реализации на английском рынке, постольку поскольку он осуществлялся английским финансовым капиталом, «работающим» в Индии, приносил колоссальную, воистину царственную в условиях кризиса прибыль, основанную раньше всего на его монопольном положении в Индии и выражавшую поэтому не что иное, как дополнительный грабеж той самой страны, которая, расставаясь со своими ценностями и получая за них падающие бумажки, вынуждена была эти реальные ценности отдавать к тому же за бесценок, обеспечивая тем самым своему колониальному хозяину добавочный, невиданный в условиях кризиса барыш. Естественно, что верхушечный слой индийской финансовой буржуазии точно так же наживался на экспорте золота. Этот слой, будучи связан, с одной стороны, с английскими банками в Индии, а с другой — располагая своей собственной довольно разветвленной сетью щупальцев на денежном рынке, сосредоточивал у себя довольно значительное количество золота, экспорт которого происходил или самостоятельно, или через английские банки. Но в том и другом случае он приносил доморощенным индийским финансистам значительную прибыль. Не следует думать, что статутная цена золота исключала возможность спекуляции и ажиотажа на денежном рынке Индии. Как раз наоборот. Она содействовала небывалой спекуляции и питала ее.

Приводим небезынтересную выдержку из «Таймс оф Индиа» от 10 октября 1931 г., относящуюся как раз к самому началу широкого экспорта золота из Индии:

«Экспорт золота в Лондон на двух последних пароходах явился достаточным поводом для того, чтобы заинтересовать широкую публику. Многие хотят узнать, откуда это золото идет и в какой форме оно прибывает в Бомбей. Постоянный ввоз золота в Индию всегда рассматривался западноевропейскими экономистами как нечто выходящее за пределы нормального экономического явления, объяснимое лишь при учете особенностей восточной психологии. При 18-пенсовом золотом (т. е. до отмены золотого стандарта) курсе рупии цена золота на базарах была ниже нынешней цены на 2—3 рупии (за толу). Ввоз золота в Индию в течение последних нескольких лет совершался поэтому на уровне этих низких цен. Теперь, когда цена золота существенно поднялась, будучи во вторник утром на базарах на уровне 26 рупий 12 анн за толу, естественно, что мелкие держатели золота — а их легион — хотят заработать на продаже своих небольших сбережений золота. Вследствие того, что огромное количество купцов с севера страны торгует своими товарами в Бомбее через множество различного рода агентов, чрезвычайно трудно раскрыть источник притока золота, но

на базарах говорят, что наибольший приток золота происходит из Мадраса, Рангуна и Декана в особенности и с юга вообще. Однако возможно, что большинство других частей Индии точно так же вносит свою лепту в этот приток золота в Бомбей. Естественно, что для купца с севера страны, который одновременно является покупателем и продавцом золота, а также и ростовщиком, легко слить золотые безделушки своих покупателей в удобный и однородный слиток золота и отправить его на базары больших портов, подобно Бомбею или Калькутте. Когда эти слитки золота прибывают в Бомбей, они концентрируются в руках наиболее крупных финансистов и оптовых продавцов и покупателей золота, которые посылают их затем на монетный двор в Бомбей для того, чтобы они были переплавлены, опробованы и слиты в удобные слитки с названием монетного двора и номером. Эти слитки затем экспортируются. Вследствие того, что приток золота с севера страны со времени подъема цен на золото увеличился, рыночная конъюнктура поддерживается на основе нового (смешанного) стерлинго-долларового курса. Это конечно ведет к повышению прибыли для экспортера золота. Отсюда и огромная экспортная торговля золотом».

Так объясняет экспорт золота официозная английская печать. Как же его объясняет индийская буржуазия и что она требует? Послушаем ее представителей:

«Это явление (экспорт золота) особенно безотрадно потому, что оно вызвано не какой-либо жаждой спекулятивных прибылей, а давлением сил поразительной нищеты народа Индии, заставляющей его расставаться со своими сбережениями в форме золотых украшений. Ничто не может заставить индийцев вынести украшения своей семьи на рынок лишь для того, чтобы заработать деньги на их продаже. Но сам факт, что золотые украшения идут на рынок для продажи, оправдывает наши заключения о том, что в большинстве случаев золото продается в силу тяжелых обстоятельств жизни в самых различных уголках страны» («Таймс оф Индиа» от 28 марта 1932 г., из речи сэра Д. Мухаммеда на собрании федерации индийских торговых палат).

Мистер Чунилал Мэхта на собрании бомбейской фондовой биржи заявил:

«Стоимость золота не повысилась, а стоимость рупии упала. В отношении экспортно-импортных цен стоимость золота осталась прежней. Покупательная способность золота, выраженная в товарах, осталась прежней... *Экспорт золота повысил курс рупии, а следовательно и предотвратил рост товарных цен.* Экспорт золота усилил возможности правительства поддерживать политику высокого курса рупии. Словом, золото покидает страну и замещается бумажными денежными знаками» («Кэпител» от 7 января 1932 г.).

Мистер Саркар, один из виднейших буржуазных экономистов, на собрании Бенгальской торговой палаты заявил:

«Экспорт золота из Индии только за последние 4 месяца достиг $^1/_3$ годовой добычи его во всем мире. Большинство экспортируемого золота идет на европейский континент. Европейские покупа-

тели золота выплачивают индийским экспортерам стерлингами, а правительство Индии покупает у них стерлинги на рупии, оставляя стерлинги в Лондоне, погасив таким образом 15-миллионный заем. Индийское общественное мнение единодушно требует немедленного наложения эмбарго. Коммерческие организации и торговые палаты протестуют против очевидного попустительства со стороны правительства перед лицом огромного и хронического дренажа золота из страны».

Однако эта же палата не забыла на случай, если правительство не испугается ее крика, попросить повысить статутную цену с таким расчетом, чтобы скупка золота и его концентрация в руках крупнейших английских банков Индии оставляли все-таки коекакие барыши и в руках туземной буржуазии. «Таймс оф Индиа» от 28 марта 1932 г. приводит выступления виднейших индийских промышленников, купцов и денежных тузов по поводу нынешней валютной политики правительства — выступлений, имевших место на заседании всеиндийской федерации торговых палат. Эти выступления заслуживают быть хотя бы частично приведенными, ибо они раскрывают позицию буржуазии в одном из кардинальных вопросов индийской экономики.

Сэр Пуршотам Дас Такурдас говорит:

«Говорят, что стерлинг лишился золотой основы, а мы — $^{1}/_{4}$ золота. Каково обесценение фунта в отношении золота и почему Индия не получила пользы от обесценения фунта, на которое Англия пошла добровольно? Правительство к каждому индусу обращается за советом и поддержкой. Мы на заседании этой федерации имели мужество — некоторые называют это иначе, хуже — дать правительству совет, но он был отвергнут. Мы настаиваем на нем, ибо уверены, что наше дело справедливо... Настоящая федерация в течение нескольких лет ощущает, что политика правительства в денежном обращении и финансах является совершенно неправильной, несправедливой и направленной против интересов Индии. Я боюсь, что федерация найдет удовлетворение не в том, чтобы быть опорой правительства, а скорее — в критике его. Мы чрезвычайно сильно чувствуем, что до тех пор, пока правительство в области финансов и денежного обращения хотя бы в малейшей степени подвергается влиянию Уайт-Холла, правительство Индии — кто бы ни был в нем министром финансов — не будет иметь никаких шансов на то, чтобы вести политику, которая удовлетворила бы стремления и желания индийского народа. Правильное решение поэтому этой проблемы состоит в том, чтобы мы были допущены к управлению своими собственными делами».

Мистер Беградж Гупта:

«Правительственная валютная политика всегда была направлена против интересов Индии. Я чувствую, что мы все в один прекрасный момент, проспав ночь с чувством, что мы владеем огромными богатствами, на утро обнаружили себя банкротами, с бумажками в кармане, не имеющими никакой ценности. Правительство устраивает дренаж золота из страны и замещает его бумажными деньгами. Правительство продает рупию, стоящую 6 анн за 16 анн.

Почему индийское денежное обращение (т. е. курс рупии) остается искусственно повышенным?

Мистер А. Р. Бхат:

«Я хотел бы раньше всего обратиться к вопросу о том, является ли правильным обвинение нас в том, что мы ведем двойную игру, — обвинение, высказанное министром финансов и повторенное затем некоторыми англо-индийскими журналистами, обвинение, состоящее в том, что мы, требуем наложения эмбарго на экспорт золота как раз в то время, когда некоторые индийские купцы сами занимаются экспортом золота. Раньше всего я должен сказать к чести всех индийских купцов, что они, имея возможность получать тонны прибыли на экспорте золота, тщательно избегали этого. Несмотря на это и вследствие того, что микроскопически маленькая часть индийских купцов занималась экспортом золота, министр финансов постарался высмеять требование о наложении эмбарго на экспорт золота».

После принятия резолюции, требовавшей наложения эмбарго на экспорт золота и скупки золота на открытом рынке в целях образования золотого запаса для будущего резервного банка Индии, мистер Брайн, финансовый секретарь англо-индийского правительства, заявил:

«Если резервный банк и будет организован, то он будет организован на основе, которая была предложена сэром Блакеттом (бывшим министром финансов англо-индийского правительства), а именно, что *Индия, обладающая достаточным количеством золотого запаса, если в чем и нуждается, так это в стерлинговых ценностях»* («Бомбей Кроникл» от 9 апреля 1932 г.).

Мистер Бхат, представитель деккanского купечества, о котором говорилось уже выше, заявлял:

«Я до сих пор уверен, что золото, которое поступает на рынок в результате существующей системы управления, давало возможность правительству увеличить золотой запас страны настолько, чтобы его было достаточно не только для организации резервного банка, но и для того, чтобы погасить и внешние обязательства Индии, если бы это было необходимо. Правительство должно было начать скупку золота на открытом рынке давным-давно» («Бомбей Кроникл» от 9 апреля 1932 г.).

В результате федерация приняла следующую резолюцию:

«1. Федерация с обостренным интересом наблюдает за продолжительным и значительным экспортом золота, достигшим 550 млн. рупий, и требует от правительства Индии немедленного наложения эмбарго на экспорт золота из Индии, так как значительная и продолжительная выкачка этого драгоценного металла серьезно угрожает будущей реконструкции индийских финансов.

2. Федерация требует от правительства скупки золота на вольном рынке по действительным рыночным ценам, устанавливающимся на рынке каждый день, с целью накопить золотые резервы, которые дали бы возможность будущему индийскому правительству организовать резервный банк с необходимым золотым запасом в его распоряжении» («Бомбей Кроникл» от 5 апреля и «Таймс оф Индиа» от 28 марта 1932 г.).

Таким образом позиция индийской буржуазии совершенно очевидна. Она громогласно «осуждала» валютную политику правительства и требовала эмбарго на экспорт золота, но часть ее исподтишка, чтобы не быть заподозренной в продаже «национальных» интересов, продавала золото на мировой рынок, ибо сама по себе эта операция сулила блестящие прибыли. Вместе с тем она требовала отмены или в крайнем случае повышения статутной цены на золото, что имело своей целью наживу на скупке золота внутри Индии, на вольном рынке, при последующей перепродаже золота английскому финансовому капиталу.

Неоднократно подвергавшаяся шумливой критике политика дефляции с ее кредитным зажимом, сменившаяся политикой бумажной инфляции, не принесла буржуазии ничего, на что она надеялась. Учетный процент столь же высок, зажим кредита как выражение антииндустриализаторской политики империализма в области индийских финансов продолжается с еще большей силой. Золото, которое буржуазия лелеяла для себя, для будущего резервного банка, частью выкачано, частью будет выкачано. Основные прибыли от экспорта золота в руки туземной буржуазии не попадают, как бы она этого ни хотела, как бы она к этому ни стремилась. Монополия английского финансового капитала и здесь дает себя чувствовать со всей силой. Пенки с грабежа индийского непосредственного производителя попрежнему снимает эта монополия. В этом пункте (финансовая проблема в ее совокупности) противоречия между национальной буржуазией и империализмом обострились. Империализм обладает еще здесь серьезными маневренными возможностями. Уступки с его стороны возможны. Но уступки не по основным вопросам финансовой политики, а по частичным и второстепенным. 18-пенсовый курс рупии — это острое оружие в борьбе за контрреволюционный выход из кризиса за счет Индии и ее трудящихся масс, — как бы этого ни требовала буржуазия, конечно не будет отменен, ибо это есть одна из решающих командных высот империализма, приобревшая для него еще большее значение в условиях кризиса. Возможность уступок не исключена за счет частичного снижения учетного процента, тарифов по отдельным железнодорожным линиям и направлениям, выпуска дополнительных внутренних займов на сравнительно прибыльных для буржуазии условиях. Сохранение главного, основного, решающего, уступки в частном, второстепенном, не решающем — такова перспектива в области финансовой политики британского империализма в Индии.

Что касается проблемы создания резервного банка, независимого от правительства, то, судя по тому, как этот вопрос ставился в течение последних пяти лет, судя по переговорам между представителями индийской буржуазии и британского империализма, вряд ли можно ожидать его организации в сколько-нибудь ближайшее время. Создание этого банка вообще конечно не подорвет финансовой монополии британского империализма в Индии, ибо можно быть твердо уверенным, что он только формально будет сохранять свою независимость от английского финансового капитала, а фактически в конечном счете через ряд приводных ремней

будет всецело находиться под его контролем. Англо-индийское правительство и не мыслит себе иначе. Нам кажется, что, оставляя решение этого вопроса в тупике, всячески затягивая переговоры на этот счет, создавая лишь видимость форсирования решения этого вопроса, англо-индийское правительство резервирует за собой решение этого вопроса для того, чтобы использовать его в качестве крупного козыря, очередного маневренного хода в качестве «эквивалента» на тот случай, если потребуется в новых условиях новое издание пакта Ирвина — Ганди в качестве кости за новое предательство. *Без соответствующего политического «эквивалента» вряд ли британский империализм пойдет на организацию этого банка в порядке особой, неприсущей ему «добродетели».*

Политика инфляции будет очевидно продолжаться и дальше, поскольку она является одним из средств выхода из кризиса за счет индийских трудящихся масс. Она не вызвала до сих пор и не вызовет в ближайшее время подъема оптовых цен на сырье и продовольствие на внутрииндийском рынке [15], ибо во всеоружии валютной монополии британский империализм будет и дальше продолжать политику обесценения их для себя на колониальном рынке, кладя себе в карман разницу, доставляемую ему высокими железнодорожными, морскими и речными тарифами, а равно и разницу получающуюся оттого, что сбыт сырья на мировой рынок происходит под контролем его финансового капитала.

Вместе с тем политика инфляции поведет к еще дальнейшему повышению розничных цен, поскольку стоимость бумажной рупии обнаружила уже свое значительное падение и будет очевидно продолжать падать и дальше. «Ножницы» между оптовыми и розничными ценами увеличатся. Следовательно увеличатся «ножницы» между городом и деревней. Эксплоатация массового потребителя и непосредственного производителя станет еще большей, обострится, станет еще более интенсивной. Товарные «ножницы» между метрополией и колонией достигнут еще большего раствора. Внутренний рынок неизбежно сузится до такой степени, когда даже эфемерные «успехи» туземной хлопчатобумажной промышленности в результате частичного изгнания Ланкашира с внутрииндийского рынка будут целиком или частично потеряны.

Абсолютное обнищание масс отразится с еще большей силой на дальнейшем развале туземной промышленности. «Денационализация» туземной промышленности, протекающая сейчас по преимуществу в угольной, джутовой, цементной, спичечной и чайной отраслях промышленности, сделает дальнейший скачок вперед и очевидно захватит собой и хлопчатобумажную промышленность и в первую очередь ее слабейшее звено — Бомбей [16].

---

[15] Наоборот, последние несколько месяцев характеризуются в этом отношении дальнейшим падением оптовых цен.

[16] В условиях современного экономического кризиса индийский национальный капитал переживает пока еще скрытый, но все же довольно значительный по объему и резкий по форме процесс „денационализации“ промышленности, с одной стороны, и резкого сокращения своих инвестиций во всех областях индийской экономики — с другой. Приводим данные об инвестициях индийского капитала за время с 1918 по 1929 г., т. е. со времени конца войны до начала кризиса (см. стр. 154).

В ближайшее время Индия будет вновь стоять перед необходимостью трансферта колониальной дани. Это еще больше обострит экономическое положение в стране. Надежды на покрытие ее за счет возможного роста активного торгового баланса неосновательны. Нынешний 1932/33 хозяйственный год сопровождается уже в течение пяти месяцев, из месяца в месяц, *пассивным* товарно-торговым балансом[17]. Это несомненно новое явление в экономике Индии и новое проявление обострения экономического кризиса. Следовательно, экспорт золота *как новая и своеобразная форма* взимания колониальной дани в условиях современного кризиса, несмотря на известное, в сравнении с октябрем—январем 1931/32 г., частичное замедление его темпов, — экспорт золота неизбежен и будет продол-

Хлопчатобумажн. промышленность	1918	90 812 000	долларов
	1929	173 376 000	„
Джутовая промышленность	1918	38 300 000	„
	1929	65 800 000	„
Страховые общества и компании	1918	20 160 000	„
	1929	78 480 000	„
Торгово-промышленные компании	1918	70 884 000	„
	1929	317 664 000	„

Характерно, что наряду с увеличением инвестиций в области самого производства в 1½—2 раза, инвестиции в области обращения увеличились за тот же период в 4—5 раз. Колониальный характер этих инвестиций в связи с антииндустриализаторской политикой империализма не подлежит сомнению. Однако наиболее критические времена для туземного индийского капитала настали после 1929 г. Именно после 1929 г. начались массовые банкротства индийских компаний, обратной стороной чего явился процесс „денационализации" промышленности и переход части ее в руки главным образом английского капитала. Пока этот процесс может быть со всей точностью установлен только в отношении каменноугольной промышленности, цементной, спичечной, отчасти джутовой и чайной. Все признаки говорят за то, что этот процесс охватывает постепенно и хлопчатобумажную промышленность. Вот данные о сокращении инвестиций и банкротствах индийского акционерного капитала:

Годы	Количество компаний	Индекс количества компаний	Зарегистрированный капитал (в рупиях)	Средний капитал на одну К° (в рупиях)	Индекс среднего капитала
1913/14	356	100	669 153 000	1 879 000	100
1924/25	416	115	212 325 000	509 000	31
1925/26	472	133	300 608 000	637 000	45
1926/27	529	149	193 900 000	367 000	29
1927/28	626	176	175 704 000	281 000	26
1928/29	725	204	273 781 000	378 000	41
1929/30	842	237	616 627 000	732 000	92
1930/31	734	206	217 609 000	296 000	33

За один лишь 1930/31 г. число компаний сократилось на 13%, а акционерный капитал на 65%. По данным того же источника за 1930/31 г. обанкротилось и было ликвидировано 260 компаний с капиталом в 350 млн. рупий. Этот процесс „вымывания" индийского капитала продолжается и по настоящее время (см. „Капитал" за 14 апреля 1931 г.).

Детальный анализ промышленного кризиса в Индии не входит в задачу этой статьи. Последние полгода — год и в этом отношении принесли ряд новых явлений, которых мы коснемся в особой работе обобщающей итоги 3 лет кризиса в Индии.

[17] Он достигает 25 млн. рупий в течение каждого месяца.

жаться. Будет дальше нищать не только крестьянин и рабочий, но и мелкий городской буржуа, ремесленник, мелкий лавочник и мелкий чиновник. Кризис будет углубляться и нарастать. Противоречия и диспропорции колониальной экономики воспроизведутся на новой еще более высокой основе и будут проявляться в еще более обостренной, катастрофической и мучительной для трудящихся масс форме. Феодальная торгово-ростовщическая эксплоатация основных масс деревни усилится. Классовая революционная борьба под руководством рабочего класса, завоевывающего свою гегемонию в национально-освободительной революции, будет принимать все более ожесточенные формы. В нее втянутся новые многомиллионные массы бедняцко-середняцкого крестьянства. Борьба пролетариата за гегемонию революции, экономические и политические стачечные бои пролетариата, нарастание элементов революционного кризиса, ожесточенная борьба с национал-реформистской буржуазией — *все это при условии дальнейшего последовательного укрепления революционного коммунистического авангарда* будет форсировано углубляющимся кризисом.

«Мы переживаем такой кризис, какого еще не знала история нашей страны. Кроме промышленного и финансового кризиса, сотрясающих всю экономику цивилизованного мира, мы стоим перед серьезнейшим политическим кризисом, последствия которого трудно предвидеть».

Так говорил сэр Каранджи, председатель Всеиндийской торговой палаты. С такими чувствами, чаяниями и настроениями вступала национальная буржуазия в третий и, как ей хотелось думать, последний год кризиса. Однако, мягко выражаясь, она ошиблась в исторической перспективе. Ее субъективные желания оказались построенными на песке.

Б. ДОНИАХ

„РЕФОРМЫ" БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ИНДИИ

Индийская политика английского империализма не меняется в зависимости от прихода к власти в метрополии партии консерваторов или лейбористов. Поэтому было бы неправильно искать что-либо принципиально отличное в политике так называемого «национального» правительства Англии по сравнению с прошлой политикой лейбористов. Между тем за последние 5—6 месяцев в методах индийской политики английского правительства наметился вновь поворот. Выражением этого служит ряд чрезвычайных мероприятий, установивших с конца декабря прошлого года режим осадного положения в стране. Распущен национальный конгресс, арестованы поголовно все его лидеры с Ганди во главе. По заявлению руководителей национального конгресса, число арестованных в связи с антианглийским движением доходит до 80 тыс. человек.

Английская буржуазная печать объясняет введение этих чрезвычайных мероприятий как контрмеры против попытки возглавляемого Ганди Национального конгресса «ниспровергнуть» (!) английское господство в Индии. Национальный конгресс якобы разработал для этого план заговора, но бдительность английских властей в Индии помешала его осуществлению. «Ганди вводил в заблуждение правительство своими переговорами, — читаем мы в мартовской книжке «Раунд Тейбл», — в то время как конгресс заканчивал приготовления к «войне». В удобный момент Ганди должен был объявить о прекращении переговоров, и заботливо подготовленный план гражданского неповиновения, который мог широко развернуться вследствие серьезных финансовых затруднений в стране, был бы тогда пущен в ход. Лидеры конгресса ошиблись в своих расчетах. Правительство Индии предприняло необходимые меры».

Чтобы создать впечатление «войны» Национального конгресса против английского империализма, английская печать не жалеет красок, рисующих «революционные» замыслы лидеров конгресса и их вероломство по отношению к английскому правительству. «Вызванный из тюрьмы в резиденцию вице-короля, — читаем мы в другом журнале, — он (Ганди) был принят, и с ним вели переговоры как с генералом неприятельской армии. Он прибыл на конференцию в Лондон как представитель политической партии, готовой на длительное сотрудничество, он был принят королем, и не больше как через неделю после возвращения в Индию он снова был во главе бунтовщического движения. Теперь он снова возвращен в то место, из которого он больше не должен выходить» [1].

Английскому империализму нужно такого рода объяснение «нового» курса для того, чтобы прикрыть действительную картину происходящего в Индии шумихой вокруг «войны», якобы поднятой

[1] The English Review, March, 1932.

лидерами Национального конгресса против английского правительства, завуалировать действительные замыслы британского империализма в Индии.

В действительности «новый» курс обусловлен стараниями английского капитализма выкарабкаться за счет Индии из кризиса, который особенно сильно ударил по Англии осенью и зимой 1931 г., и предотвратить аграрную революцию и восстание против империалистов. Отмена золотого стандарта осенью 1931 г., усилившая угрозу целостности Британской империи, заставила английский империализм принять «чрезвычайные» меры по ограблению Индии, переложить на свою главную колонию большую долю издержек кризиса. Это положение определило исход второй конференции «круглого стола» зимой 1931 г., оно и определило «новый» курс английской политики.

Лихорадочные мероприятия англо-индийского правительства, т. е. система чрезвычайных законов, были в то же время противопоставлены гигантскому размаху крестьянского движения и стачечным боям рабочего класса Индии. Наибольшую тревогу среди английских империалистов вызвало именно то обстоятельство, что революционный подъем трудящихся выходит из-под контроля конгресса: «Ноябрь и декабрь 1931 г. были весьма критическим периодом в истории Индии... положение было настолько напряженным, что один неправильный шаг правительства мог привести к катастрофе» [2]. Надежды, которые английский империализм возлагал на руководство конгресса и которые заключались в том, что ему удастся ограничить движение «умеренными» рамками, не оправдались. Надеялись, что участие Ганди в конференции «круглого стола» исправит дела. Но опять надежды были разбиты. Надежды английских империалистов разбились, разумеется, не столько о «неуступчивость» Ганди, сколько о неспособность буржуазии остановить напор масс. Это понимают и английские империалисты, когда пишут, что движение «не оставило альтернативы для Ганди в выборе пути» [3].

Чрезвычайные мероприятия понадобились английскому империализму еще и потому, что все углубляющийся и расширяющийся кризис принял особенно опасный характер для английской торговли в Индии.

Чтобы убедиться в этом, достаточно привести следующую выдержку из официального отчета о британской торговле в Индии. «С какого конца ни подходить, — читаем мы в этом отчете, — поражает чрезвычайно тяжелое состояние британской торговли в Индии. Падение импорта из Соединенного королевства, начиная с мировой войны и в особенности в течение последних 18 месяцев кризиса, — приняло катастрофический характер: из всего британского экспорта в Индию хлопчатобумажные ткани в 1913—1914 гг. составляли 48%; в 1928—1929 гг. эта пропорция пала до $1/3$, а в 1930—1931 гг. — до $1/5$» [4].

---

[2] „The struggle with congress" — Round Table, March, 1932.
[3] Там же.
[4] „The Empire Review, United Kingdome trade in India", April 1932.

Если в 1913–1914 гг. было вывезено 3 197 млн. ярдов, то в 1930—1931 гг. только 890 млн.

Английский империализм пытается методами внеэкономического принуждения вернуть себе уже потерянный в значительной степени индийский рынок. Ибо ланкаширский текстиль неспособен, особенно в условиях кризиса, когда покупательная способность населения чрезвычайно пала, конкурировать не только с дешевым текстилем Японии, но и с ахмедабадским текстилем.

Колониальная Индия, по замыслу английских империалистов, должна сыграть также особо важную роль как *база для сговора* между британским правительством и его доминионами.

Индия должна на предстоящей в июне этого года имперской конференции в Оттаве открыть свои двери для залежавшейся продукции Канады, Австралии и Южной Африки. Участие Индии в предстоящей конференции в качестве «полноправного» члена Соединенного королевства всячески раздувается английской империалистической печатью как величайшая «уступка» Индии. Об истинных же целях приглашения индийской делегации на эту конференцию орган твердолобых «Дейли Экспресс» от 12 апреля 1932 г. — говорит весьма откровенно: «На предстоящей имперской конференции в Оттаве будет индийская делегация. Но кого именно будет она представлять? Во всяком случае не доминион. Надо снабдить Индию временной экономической конституцией, с которой ей придется отправиться в Оттаву и откуда ее представителям придется уехать, имея на руках тарифы как барьер против иностранных товаров, разоряющих Ланкашир не меньше, чем бойкот английской продукции». Тут с предельной ясностью и цинизмом изложена программа английского империализма в отношении Индии: оформить в Оттаве закупорку всех торговых путей связи Индии с другими странами, с тем, чтобы восстановить утерянную долю английской торговли. Само собой разумеется, что речь идет не только о Ланкашире, но и о создании такой системы предпочтительных тарифов, которые открыли бы индийский рынок для Канады и Австралии. Искусственное повышение внутри страны железнодорожных тарифов для национальной продукции и почти бесплатный морской фрахт для доминионов уже сейчас обеспечивают последним важнейшие рынки Индии. Новая система тарифов, которую привезет с собой индийская делегация с Оттавской конференции, еще резче усилит неэквивалентность обмена промышленной продукции Великобритании и сельскохозяйственного сырья Индии. Катастрофические последствия этого для индийской экономики станут нам ясны, если мы учтем, что за последние три года кризиса цены на индийскую сельскохозяйственную продукцию упали в среднем на 60—70%, в то время как на импортные промышленные товары Англии всего лишь на 10–15%.

Для осуществления *своей* программы выхода из кризиса за счет Индии английскому империализму нужно прежде всего *укрепить* свое политическое господство в стране. Для этого и понадобился нынешний курс, сущность которого само английское правительство определяет как двойственную политику — «твердой руки и конституционных реформ».

Политика «твердой руки» — это свирепствующий в Индии безудержный террор, которым английский империализм пытается сломить революционную борьбу трудящихся. Суть конституционных «уступок» сводится к закреплению своего владычества в форме всеиндийской федерации в том случае, если обстановка не позволит ограничиться лишь провинциальной автономией. Новая конституция для Индии, которую английские империалисты восхваляют как «величайший конституционный эксперимент в истории человечества» (из речи лорда Лотиана), должна сохранить за английским правительством абсолютный контроль над армией, внешними сношениями, финансами, тарифной политикой и «внутренней безопасностью»; что же касается остального, то по проекту этой конституции вице-королю и губернаторам провинций предоставляется право наложения «вето» на любое решение центрального и провинциальных правительств.

Так выглядит «новая» конституционная «уступка», в которой ничего нового нет, ибо проект этой конституции есть новая после 1929 г. попытка осуществления предложений комиссии Саймона, которые под напором революционного подъема в 1929 г. были на словах отвергнуты Макдональдом на первой конференции «круглого стола». Об этом иные государственные деятели Англии говорят весьма откровенно: «После всех споров и высказываний по вопросу об индийской конституции, — заявил Джофри Кларк, — мы вновь возвращаемся к формам правительства, предложенным комиссией Саймона, как единственно возможному пути разрешения проблемы» [5].

Суть же саймоновских предложений сводится к тому, чтобы максимально активизировать и использовать в своих интересах национальные, религиозные и кастовые различия, с тем чтобы английский империализм выступал как внешняя сила, единственно гарантирующая право, порядок и защиту частной собственности от революции и анархии внутри и от нападений извне.

Раздуваемая империалистами «индо-мусульманская проблема» изображается в качестве неразрешимой задачи, которая не позволяет англичанам «предоставить» свободу Индии и т. д. и т. п.; часто, используя кастовые пережитки, искусственно фабрикуется «проблема меньшинств», на стороне которых империалистическая Англия во главе с Черчиллем выступает в роли «защитника». Индийцам высших каст противопоставляются «парии», и Макдональд торжественно обещает защищать интересы париев от угнетающих их привилегированных каст. Для вящшей убедительности «неразрешимости» «индо-мусульманской проблемы» платный агент английского империализма, лидер одной из мусульманских религиозных организаций Али, по приказу начальства организует и провоцирует индо-мусульманские столкновения с сотнями убитых и тысячами раненых индийцев и мусульман. Этим же и объясняется деление избирательных курий по религиозному признаку, проводимое британским империализмом.

---

[5] Из речи бывшего директора почт и телеграфа Индии на заседании Имперского королевского общества.

Новая «конституция», если она вообще будет принята, предполагает максимальную политическую активизацию основной социальной опоры английского империализма — туземных князей и помещиков.

Создание всеиндийской федерации мыслится *исключительно* на основе вхождения туда туземных княжеств. Без этого условия никакое «ответственное» центральное правительство в Индии не будет допущено, ибо туземные принцы, по мысли английских империалистов, должны явиться основным правящим костяком в «конституционном» правительстве. За туземными раджами сохраняются почти полностью привилегии и доходы в государствах; по новой же конституции они получат право управления в Британской Индии, т. е. будут использованы в качестве абсолютно послушных исполнителей приказов вице-короля. Вместе с тем «упорство» некоторых принцев, не желающих присоединиться к федерации, может быть использовано английским империализмом для новой оттяжки в деле создания центрального правительства. Британский империализм, строя федерацию, опираясь на феодально-помещичьи, ростовщические слои и компрадоров, выработал уже проект избирательной реформы, который, предоставляя некоторые уступки эксплоататорским классам, отстраняет рабочих и крестьян, т. е. индийский народ. Согласно проекту, процент пользующихся избирательным правом в центральный парламент (Central Legislature) поднимается с 0,4 до 3,3, т. е. 96,7% всего населения никаким избирательным правом пользоваться не будут. Помимо этого в порядке закона устанавливается сверху представительство от париев, рабочих и женщин. Британский империализм даже не пытается скрыть наглый и открытый колониальный характер «реформ», утверждая при этом, что индийский народ еще не дорос до самоуправления.

Не меньшее внимание английский империализм уделяет и политической активизации помещиков. Эта его основная социальная база хуже всего политически организована в Индии. Вице-король и губернаторы провинций всячески активизируют талукдаров и заминдаров, *организуя в их лице главную опору английского империализма в провинциальных правительствах.* Приведем одно из многочисленных заявлений вице-короля лорда Велингтона по этому вопросу. Обсуждая будущее благосостояние самих талукдаров, вице-король заявил: «Британское правительство не допустит законодательной конфискации имений талукдаров. Я могу вам также гарантировать, что никакое законодательство, которое пойдет в разрез с вашими интересами, не будет иметь места. Однако вы должны самоорганизоваться и принимать активное участие в работе нижней палаты»[6].

Призыв активизироваться и в нижней палате объясняется тем, что по новой конституции в провинциях будет также создана двухпалатная система с резервированными местами для помещиков, обеспечивающая им преобладающее влияние. Законченную программу, обосновывающую необходимость второй палаты

[6] „Times“ 18/III 1932.

в провинциях, дал председатель союза заминдаров Соединенной провинции Джамшед Али Хан: заминдары «...образуют связывающее звено между правительством и земледельцами. Преданность британской короне является фундаментальной идеей земельной аристократии... Надо принять в расчет неудовлетворительность экономических и социальных условий в стране. Индия сегодня является благодарным полем для злонамеренных семян, которые могут дать пышные всходы. Отсюда необходимость в предоставлении специфических охранных прав специальным интересам тех классов, которые образуют существенный оплот страны. Совершенно очевидно, что организация второй палаты, разумно подобранной, является инструментом для создания именно такого рода гарантий. Вторая палата нужна не только в качестве охраны против стремительных и внезапных импульсов и попыток захвата власти, но и так же как обуздывающий орган» [7].

Таковы основные мероприятия английского правительства по политической организации своей *основной* социальной опоры в Индии.

Значительные затруднения возникают для английского империализма на путях полного сговора с национальной буржуазией, организованной в Национальном конгрессе. Разгром революционного движения как основная предпосылка и исходный момент для капиталистического выхода из кризиса объединяют Национальный конгресс с английским империализмом. Несмотря на все свои обиды, Национальный конгресс выполняет с неослабным усердием свою основную служебную функцию для нужд английского империализма. Возглавляя массовое революционное движение для того, чтобы его обезглавить, Национальный конгресс ни на иоту не изменил свою основную предательскую тактику в отношении широких масс, несмотря на свою «оппозиционность» к английскому правительству. Но если боязнь народной революции связывает индийскую буржуазию с английским империализмом, то кризис обострил некоторые из противоречий между ними. К числу этих противоречий прежде всего относится борьба за суживающийся рынок, противоречия, связанные с валютной политикой Англии и выкачкой ею золота, противоречия, связанные с тарифной политикой Англии, намеревающейся на предстоящей Оттавской конференции договориться с доминионами также за счет индийского рынка [8]. Надо также учесть и то, что кризис английского хозяйства и затруднения, которые в связи с этим возникли для британского правительства, пробудили надежды у индийской буржуазии на возможность получения некоторых более существенных уступок для себя. Эти надежды усилились, когда индийская делегация Национального конгресса на второй конференции «круглого стола» в Лондоне стала свидетелем отмены золотого стандарта и стремительного падения курса фунта.

В основном требования буржуазии сводятся к следующему:

---

[7] «The Asiatic Review» 1931.

[8] Решения Оттавской конференции, состоявшейся в июле — августе 1932 г. т. е. после написания этой статьи, подтвердили это положение автора. — *Ред.*

Предоставление Индии полных прав доминиона, в котором армия, внешние сношения и финансы контролировались бы отдельной палатой. Формулировал на конференции это требование Айенгар в следующих словах: «На что я претендую от лица конгресса, — это то, чтобы Индия была поставлена в отношении этих вопросов (армия и внешния сношения) в такое же положение, как и доминионы. Каково это положение — достаточно ясно определено в отчете Бальфура. Мы хотим быть автономным обществом в Британской империи, равными по положению, ни в коем случае друг другу не подчиняясь ни в наших внутренних, ни во внешних отношениях, хотя и будучи объединены общей верноподданностью короне» («Хинду» от 7 декабря 1931 г.).

Свободный выход Индии на мировой рынок без английского контроля и отказ от коммерческой дискриминации. «Права британских коммерческих обществ должны покоиться на тех же основаниях, как и тех, которые родились в Индии. Поэтому не должно быть никакого различия или чего-либо в этом роде» («Хинду» от 8 декабря 1931 г., из речи Ганди на конференции круглого стола).

Полная свобода промышленного развития Индии, передача в руки национального капитала ведущих отраслей промышленности. «Мнение Нацконгресса сводится к тому, что если государство не возьмет в свои руки ведущие отрасли промышленности, то во всяком случае оно должно иметь решающее слово и руководство в развитии этих отраслей. Бедную, неразвитую страну, каковую представляет собой Индия, нельзя ставить наравне с самоопределяющимися, высоко развитыми странами, как Англия. Что хорошо для Англии сегодня, может для Индии во многих случаях оказаться ядом. Индии нужно развивать собственную экономику, своими методами» *(Ганди,* там же).

Уничтожение неравенства и особых привилегий для англичан на государственной службе в Индии. «Я предлагаю не делать никакого различия между англичанином, американцем или японцем» *(Ганди,* там же.). *Признание Национального конгресса правомочным представителем всей Индии (Ганди,* там же). Отсюда:

а) против сепаратных выборов по общинам и сектам; б) против особого представительства меньшинства; в) против особых прав туземных княжеств во Всеиндийской федерации.

Эта развернутая программа индийской буржуазии противоречит существенным установкам саймоновских предложений, которые легли в основу нынешней политики английского правительства в Индии. В отношении национальной буржуазии они сводятся к политическому раздроблению последней, к противопоставлению политикой мелких уступок ее отдельных групп друг к другу. Английский империализм рассчитывает (и не без основания), что ему удастся запугать национальную буржуазию революционностью масс и этим заставить ее пойти на капитуляцию.

Относительное упорство, которое проявляет Конгресс за последние месяцы, объясняется прежде всего тем, что открытая сделка с английским империализмом при теперешнем размахе революционной борьбы, неминуемо укрепит действительно революционные элементы страны и в первую очередь усилит влияние

коммунистов. А этого более всего боится Национальный конгресс. «Неуступчивостью» же ему удается еще сохранить свое влияние на массы. Кроме того руководство Конгресса также учитывает настроение конгрессистских масс. Если пакт Ирвина—Ганди год назад был проведен через Конгресс с большими трудностями для Ганди, то новая сделка с вице-королем, которая может быть заключена на гораздо худших условиях для Конгресса, вероятнее всего вызовет раскол последнего.

Необходимо учесть и следующее. Отдельные отряды индийской буржуазии наживаются в связи с кризисом. Этим отрядом индийской буржуазии частично благодаря бойкоту английских товаров являются отдельные группы текстильной буржуазии. Английская пресса жалуется на то, что с момента ареста Ганди ахмедабадский рынок был закрыт не больше шести дней, в то время как в Бомбее вся экономическая жизнь дезорганизована. Ахмедабадские купцы покупают иностранные товары у бомбейских дельцов, которые боятся торговать открыто и торгуют из-под полы. Хлопчатобумажные фабрики в Бомбее не в состоянии получить всех выгод от растущих запросов, в то время как фабрики Ахмедабада снимают полный урожай. Разумеется, не столько бойкот, сколько дешевизна текстильных изделий Ахмедабада является причиной этого. Ахмедабадские фабрики применяют полурабский труд и находятся в непосредственной близости к своей сырьевой базе, к тому же они защищены 20-процентной тарифной стеной. В нынешних условиях, когда покупательная способность населения сократилась до минимума, только дешевый ахмедабадский текстиль может частично приобретаться взамен ставшего недоступным широким массам ланкаширского текстиля. Ахмедабадский отряд индийской буржуазии, являющийся основным политическим ядром Национального конгресса, выступает застрельщиком в нынешней борьбе. Упорство ахмедабадцев в этой борьбе объясняется прежде всего тем, что она, пользуясь затруднениями, переживаемыми британским правительством, пытается окончательно закрепить за собой рынок, потерянный Ланкаширом.

Таковы некоторые причины «упорства» Национального конгресса в последней кампании «гражданского неповиновения». Курс индийской политики английского империализма — курс «двойственной» политики, базируется на политике «твердой руки», т. е. на разгроме революционного движения индийских рабочих и трудящихся крестьян. В этом основном направлении «нового» курса английского империализма нет ничего такого, что отделяло бы интересы империалистической буржуазии Англии от интересов национальной буржуазии Индии.

Используя боязнь буржуазии перед народной революцией, английский империализм стремится сейчас (федерация и т. д.) провести свой план укрепления своего господства в Индии, сохранения ее на положении колонии, идя на некоторые уступки эксплоататорским классам. Усиление империалистами методов террора в Индии явилось следствием подъема революционного движения индийских трудящихся, которое обнаружило новые черты как в содержании, так и в формах массовой борьбы.

Наиболее существенный момент в содержании нынешнего этапа революционного подъема — это расширившееся до громадных размеров аграрное движение. Этот факт находит свое непосредственное объяснение во все усиливающемся влиянии мирового кризиса, доведшего до неслыханного разорения крестьянство страны. Правительственный отчет о восстании в Бирме вынужден констатировать, что «движение, направленное главным образом против налогов, явилось результатом экономического кризиса... Бирма и особенно нижняя Бирма, — читаем мы в этом отчете, — существует за счет урожая риса, а цены на рис упали до 70 рупий за 100 корзин, что составляет самую низкую цену, какую могут припомнить старожилы. Со времени войны средняя цена за 100 корзин была значительно выше, чем 150 рупий»[8].

Так например «в одной части Пешаверского района в ноябре 1931 г., как сообщает английская печать, был открыт краснорубашечный налоговый пункт, и начался сбор налогов от... заминдаров» («Раунд Тейбл», март 1932 г.).

Размах антифеодальной борьбы, непосредственно вызванный ударами кризиса, вместе с тем знаменует собой новый, более высокий этап революционного движения. Эта существенная черта нынешней полосы революционного подъема крайне суживает маневренную базу Национального конгресса. Национальный конгресс — блок буржуазии и части помещиков — не может, не изменяя себе, своей социальной природе, долго играть такого рода лозунгами, как неплатеж ренты. Ибо на деле в ряде провинций Индии это движение принимает реальные формы неуплаты арендной платы помещикам, а это уже непосредственно задевает жизненные интересы самого буржуазно-помещичьего блока. В этом сказывалось самое уязвимое место Национального конгресса.

Неудивительно, что в Бомбейском президентстве стали распространяться *нелегальные* (!) листовки Конгресса, призывающие крестьян платить земельную ренту. «Ни Конгресс, ни Валабха Патель, — писалось в этой листовке, — не будут упрекать крестьян, которые уплатят земельную ренту». Бомбейское правительство, поспешившее опубликовать эту листовку в официальном коммюнике, резонно добавляет: «Хотя этот документ довольно странный (как нелегальный), но зато вполне разумный» («Таймс» от 23 марта 1932 г.).

Резкое обострение антифеодальной борьбы выявило также и важнейшую черту, отделяющую действенную активность трудящихся масс от «левых» маневров Конгресса. Приведем несколько типичных примеров конгрессистских «непротивленческих» демонстраций в деревне.

«Министр внутренних дел бенгальского правительства, как сообщает индийская печать, зачитал 17 февраля в законодательном совете провинции доклад начальника округа о событиях в Гусинабаде. По словам докладчика, несмотря на увещания полиции, крестьяне устроили шествие с флагами Конгресса. К этой толпе присоединилась еще одна процессия около 1 тыс. крестьян, во-

---

[8] «Report of the rebellion in Burma», 1931, p. 7.

оруженных дубинками, которые прибыли из округа Ноахали и, выкрикивая лозунги, подошли к полиции, предложившей им разойтись. Толпа стала буйствовать, избивая полицию палками. Ранены начальник участка и шесть полицейских. Часть бунтовщиков бросилась вперед и вырвала винтовку у полицейского. Начальник участка приказал открыть огонь; убито двое, ранено 30 человек. Все же бунтовщики не разошлись. Полиция отступила и спряталась в доме члена волостного правления; толпа требовала выдачи полицейских. Дальше начальник округа добавляет, что если бы полиция не открыла стрельбы, толпа несомненно растерзала бы полицейских» («Таймс оф Индия» от 19 февраля 1932 г.).

Такой же характер принимали демонстрации крестьян под знаменами Конгресса и в других провинциях. Секретарь бихарского правительства сделал следующее сообщение о беспорядках в округе Монгир: «Утром 15 февраля начальник окружной полиции получил сведения о предстоящем шествии и собрании в Тарапуре с целью повесить флаг Конгресса на здании полицейского участка. Толпа в 400 человек с флагами Конгресса попыталась войти во двор полицейского участка. После того как полиция арестовала трех добровольцев, толпа сейчас же начала забрасывать полицию кусками кирпичей и избила дубинками несколько полицейских; пострадал и сам начальник окружной полиции. Полицейским пришлось отступить во двор участка. Было сделано 8 выстрелов, но толпа не расходилась. Тогда полиция открыла стрельбу, которая продолжалась 10 минут, и лишь после того, как было убито несколько вожаков, толпа медленно разбрелась. Всего убито 8 и ранено 5 человек» («Сивил энд Милитари Газет» от 20 февраля 1932 г.).

Таков обычный характер крестьянской демонстрации под флагами «непротивленческого» Конгресса. Кампания пассивного неповиновения как кампания пассивной борьбы фактически провалилась. Флаги у крестьян еще остаются конгрессистские, формы же борьбы почти повсеместно перерастают в активно революционные.

Восстания в Бирме и Кашмире, движение краснорубашечников в Северозападной провинции, революционные вспышки в Соединенных и других провинциях явили новые черты организации и упорства масс, принимавшие подчас характер революционной войны. Даже крайне скудные и тенденциозные сообщения английской правительственной печати красочно об этом говорят. Вот несколько примеров: «Подробности осады Котлы в Кашмире показывают, что с ночи 26 января по 29 января шло решительное наступление на город. Повстанцы под руководством пенсионеров индийской армии окружили город со всех сторон. 29-го повстанцы прекратили стрельбу, чтобы внушить мысль о своем отступлении, затем они появились в пустых домах, из которых открыли стрельбу по дозорам; они сожгли эти дома, прикрывая свое отступление. *Повстанцы привезли с собой пушку для обстрела города*» («Сивил энд Милитари Газет» от 14 февраля 1932 г.).

О революционном творчестве восставших масс говорят сообщения из Бирмы: «В Тангаху в числе захваченного войсками имущества повстанцев оказались четыре снаряда для пушки местной

выработки... В Проме полиция захватила три ружья и две пушки местной выработки» («Сивил энд Милитари Газет» от 3 февраля 1932 г.). Официальный правительственный отчет о восстании в Бирме сообщает следующий характерный факт, рисующий упорство крестьян: «Военно-полицейский отряд во главе с окружным комиссаром и инспектором полиции встретился на рисовом поле с толпой повстанцев в 600—700 человек, вооружение которых состояло исключительно из дубинок, копьев и нескольких охотничьих ружей. Повстанцы открыто двигались навстречу полиции, выкрикивая, что идут убивать полицейских. Несмотря на предупреждение, что будет открыт огонь, повстанцы все же продвигались вперед. Полиция была вынуждена наконец открыть огонь. Стрельба длилась *полтора часа,* после чего только повстанцы стали отступать, оставив одних только убитых 40 человек» [9].

Сообщения из других районов говорят о многочисленных случаях расправы с помещиками. Типичный случай приводит «Таймс оф Индия»: «18 февраля в селении Подве убит крупный помещик, прибывший туда с полицией для ареста имущества арендаторов на основании постановления суда. Собравшаяся огромная толпа крестьян избила помещика досмерти. Избиты также вступавшиеся за него полицейские».

Индийская правительственная печать пестрит сообщениями из разных концов страны о том, что крестьяне группами, вооружение которых состоит обычно из лати (дубинок и камней), оказывают упорное сопротивление сбору арендной платы, избивая помещиков и ростовщиков, часто вступая в неравный бой с военно-полицейскими отрядами. В Северо-западной провинции выступления против правительства приняли характер затяжной гражданской войны. «Здешнее положение поражает приезжего, — сообщает корреспондент «Дели Телеграф». — Фактически жизнь протекает в вооруженном лагере с проволочными заграждениями вокруг селений, сменой караулов, внезапным закрытием дорог и значительной военной активностью» («Трибюн» от 25 марта 1932 г.). В недавно покоренном округе Утавизаи, как сообщает этот же корреспондент, не мог показаться ни один английский чиновник, «так как весь округ, номинально находящийся в пределах империи, фактически походил на советский район. В каждом селении власть осуществлялась краснорубашечниками, полиции не было».

Ускоренным темпом происходит размежовка классовых сил в Индии. Крепнет и растет стачечная борьба пролетариата в городах. Нарастает аграрная революция. Рабочий класс и трудящееся крестьянство в Индии выковывают в процессе борьбы свои формы и свои методы действия. Рабочий класс все ближе подходит к тому, чтобы из активной силы освободительного движения превратиться в руководящую силу, в гегемона народной борьбы, а это обеспечит победу индийской революции.

---

[9] «Report of the rebellion in Burma», 1931, p. 7.

И. МАЗДУР

ВОССТАНИЕ В КАШМИРЕ

Кашмир — туземное феодальное княжество Индии. Он расположен в северо-восточном углу Индии и граничит на востоке с Тибетом, на севере — с Синьцзяном и СССР (Памир), на северо-западе — с Афганистаном, на западе — с Северо-западной пограничной провинцией и на юге — с Пенджабом. В северо-западном углу границы Кашмира образуется узел границ четырех стран — Афганистана, СССР, Синьцзяна и Индии. Кашмир занимает территорию в 218 тыс. *кв. км*, по размерам почти равен Англии. Через него проходят единственные пути из Индии в Синьцзян. Северо-восточная часть Кашмира занята огромными кряжами гор, покрытыми вечными снегами и ледниками, и почти совершенно не заселена. Остальная часть Кашмира тоже состоит из ряда горных кряжей, прорезанных немногими горными реками, в долинах которых и сосредоточено большинство населения. В Кашмире, по переписи 1931 г., — 3 646 тыс. жителей, из них 2 818 тыс. мусульман (77%), 731 тыс. индусов, 51 тыс. сикхов, 39 тыс. буддистов и 2 тыс. христиан. О социально-классовом составе населения имеются весьма скудные данные. По переписи 1921 г., числилось занимающихся земледелием и скотоводством 2 661 тыс., кустарными промыслами — 241 тыс., ростовщичеством и торговлей — 109 тыс., служителей религиозных культов и деятелей свободных профессий — 57 тыс., государственных служащих — 35 тыс., домашних слуг — 39 тыс., армия и полиция — 22 тыс., занятых транспортными работами — 28 тыс. и другими профессиями — 169 тыс. Грамотных в возрасте от пяти лет и выше на каждую тысячу было: христиан — 280, сикхов — 116, индусов — 70, мусульман — 12, а мусульманских женщин только одна на тысячу.

Из Кашмира вывозилось в среднем в год: масла топленого — на 3 млн. рупий, кустарных текстильных изделий из шелка и хлопка — на 1 100 тыс., кож — на 800 тыс., овчин — на 570 тыс., фруктов — на 800 тыс., лекарственных трав — на 600 тыс. рупий. Ввозилось: текстильных изделий — на 4 300 тыс., сахара — на 1 200 тыс., соли — на 950 тыс., чая — на 530 тыс., табаку — на 400 тыс., керосина и нефти — на 200 тыс. и изделий из металла — на 220 тыс. рупий.

Мусульманская и индийская общины не являются однородными. Среди индусов имеется несколько каст, занимающихся совершенно различными делами. Так например в провинции Джаму живет около 170 тыс. индийцев раджпутов, главным занятием которых является военная служба в кашмирской или англо-индийской армии. Но наряду с военной службой они на льготных условиях арендуют мелкие участки земли у государства и передают их в аренду другим на более тяжелых условиях и на этой операции получают соответствующий заработок. Там же живет около 180 тыс. брахманов, которые преимущественно служат в государственных учреждениях и занимаются различной религиозно-научной деятель-

ностью. Живущие там катры занимаются преимущественно торговлей и ростовщичеством. Сикхи заняты главным образом службой в государственных учреждениях. В целом, как правило, индусы и сикхи живут в городах (в Сринагаре из 140 тыс. жителей только 30% мусульман), где они либо работают в государственных учреждениях, либо занимаются торговлей и ростовщичеством. Мусульмане же в массе своей живут в деревнях и занимаются земледелием и скотоводством. На государственной службе мусульман почти нет. Торговцев и ростовщиков из мусульман тоже очень небольшое количество. Земледельческое население в массе своей оседлое, кочевых и полукочевых племен осталось немного. Большое количество мусульманского населения ходит на отхожие промысла в Пенджаб — работают преимущественно чернорабочими. В городах Кашмира мусульманское население выполняет главным образом черные работы: переноска и перевозка грузов, очистка городов, мелкая торговля вразнос и т. п. Конечно это не исключает наличия и мусульманской торгово-ростовщической буржуазии, но она составляет меньшинство по отношению к индийской.

Все земли и леса Кашмира находятся в собственности государства, земледельцы работают на земле на правах арендаторов. До 1860 г. в виде арендной платы за землю государство брало с земледельца $^3/_4$ валового урожая, с 1860 по 1880 г. — половину урожая натурой. С 1880 г. арендная плата натурой формально отменена и введена денежная. Однако налоговым чиновникам предоставлено право брать ренту и натурой, где они найдут это более целесообразным. Таким образом сложилась и до сих пор существует система взимания комбинированной ренты, т. е. частью натурой и частью деньгами. Опять-таки больше формально земля разбита на целый ряд категорий, и в зависимости от ее качества взимается арендная плата от 2 до 30 рупий с гектара. В дополнение к арендной плате с земледельцев взимаются налоги на содержание местных властей, плата за пастбище и дорожный налог, — все это составляет около 25—30% от суммы арендной платы. Общая сумма доходов магараджи достигает 27—30 млн. рупий в год, что равняется взиманию в среднем 8—10 рупий с каждого живого человека в год. По утверждению английской литературы, арендная плата, уплачиваемая в деньгах, не превышает 30% стоимости валового урожая. Если допустить, что это так, и прибавить к арендной плате уплачиваемые земледельцами налоги в размере 30% от арендной платы, то выходит, что и при этом положении с земледельца взимается 40% стоимости валового урожая. А если учесть, что качество земли, сумма ренты и доля уплаты ее в деньгах и натурой определяются совершенно произвольно налоговыми чиновниками, которые при поголовной неграмотности населения могут злоупотреблять и злоупотребляют своей властью для того, чтобы собрать побольше как для государства, так и для себя, то можно смело увеличить отчуждаемую у земледельца долю до 50% валового урожая. Надо иметь в виду, что тем, что взимают с земледельца государство и его чиновники, грабеж крестьянства не ограничивается. Отделавшись от государства и чиновников, земледелец попадает для дальнейшей отделки в руки ростовщика и скупщика сельскохозяйствен-

ных продуктов, которые выступают перед ним иногда в одном, а иногда и в двух лицах. Продавая свою продукцию, земледелец и здесь теряет около 30—35% рыночной стоимости продукции. В дополнение к этой потере он платит еще проценты по долгам ростовщику — в среднем 50—75% на занятую сумму. И, по нашему мнению, в результате всех этих отчислений из рук земледельца уходят те же $^3/_4$ валовой продукции, которые у него брали раньше. Вся разница заключается лишь в том, что раньше у него брали эти $^3/_4$ урожая сразу и в пользу государства, а сейчас это берут по частям и идет это частью в пользу государства, а частью в пользу ростовщика и скупщика. Причем во всех случаях поборов перед мусульманином-земледельцем в качестве грабителя выступает индус и в виде сборщика ренты и налогов и в виде ростовщика и скупщика. У земледельца-мусульманина накопляется огромная злоба к своим эксплоататорам, причем эта злоба зачастую приобретает национально-религиозную окраску. Последнее систематически подогревается реакционными элементами, для того чтобы затушевать и примирить классовые противоречия. Но несмотря на эти стремления реакционных элементов, классовые противоречия в городе и деревне обостряются, ибо в городе и в деревне уже имеется далеко зашедшее классовое расслоение. В деревнях имеются помещики, получившие от магараджи в виде подарка за заслуги крупные земельные участки, которые они сдают в аренду земледельцам на кабальных условиях. Имеются также и арендаторы больших земельных участков, но не обрабатывающие их, а сдающие в аренду земледельцам. Наконец имеются ростовщики и скупщики, жестоко эксплоатирующие крестьянскую массу. Имеется и достаточно большой слой полупролетариев, занимающихся наряду с земледелием отхожими промыслами. В городах эксплоатируют кустарей скупщики, ростовщики и крупные торговцы. Следовательно причин для обострения классовой борьбы в городе и деревне, особенно во время кризиса, больше чем достаточно.

Главными с.-х. культурами Кашмира являются: рис, кукуруза, пшеница, масличные семена; сеются хлопок, ячмень, табак и др. Широко развиты садоводство, шелководство и скотоводство. Из структуры экспорта мы видели, что 65% стоимости всего экспорта составляют продукты животноводства, 16% — изделия из шелка и хлопка и 19% — фрукты и лекарственные травы.

По кашмирским земледельцам, скотоводам, шелководам и садоводам кризис ударил особенно сильно. Цены на шелк, рис, кожу, масло и пшеницу понизились больше чем наполовину, и кашмирской продукции сельского хозяйства почти закрылся доступ на индийский рынок, ибо она, прежде чем попасть на этот рынок, должна пройти длинный путь по колесным и вьючным дорогам. Следовательно, чтобы продать на индийском рынке продукцию кашмирского сельского хозяйства, ее цены на внутреннем рынке должны быть ниже настолько, насколько дороже перевозка гужем по сравнению с перевозкой по железным дорогам или на автомобилях. В связи с понижением цен на продукты сельского хозяйства — пропорционально понижению цен — возросла задолженность крестьянства и увеличилась тяжесть арендной платы. Таким обра-

зом крестьянство, получив тройной удар кризиса, было принуждено искать выхода из кризиса и пути к облегчению своего чрезмерно тяжелого положения. Ни государство, ни ростовщик, ни хлебный торговец не хотели добровольно уменьшить размеры своих доходов. Все они предъявили к крестьянству свои прежние, ни на грош не урезанные требования, которых оно удовлетворить уже было не в состоянии.

Здесь же надо сказать, что кризис лишил крестьянство и тех доходов, которые оно раньше получало на отхожих промыслах. Несостоятельность крестьянства властями была принята за сопротивление и нежелание платить причитающейся с него ренты. Ренту начали собирать с применением силы и конфискации всего крестьянского скарба. Создавшаяся обстановка заставила крестьянство выбирать одно из двух — или беспрекословно подчиняться насилию и произволу или сопротивляться. Оно выбрало последнее. Кризис ударил не по одному крестьянству, а значительно задел и кустарей и мелких торговцев. Продукция кустарей значительно обесценилась и потеряла рынок сбыта как в самом Кашмире, так и вне его. Она оказалась не в состоянии конкурировать с продукцией фабрично-заводской промышленности, благодаря чему кустари разорялись и были принуждены прекращать свою деятельность. Мелкая торговая буржуазия, участвовавшая во внешней торговле, тоже терпела убытки и разорялась. Таким образом недовольство росло одновременно среди крестьянства, кустарей и мелкой торговой буржуазии.

Правительство княжества Кашмир, как и многие другие правительства, тоже начало «бороться» с кризисом. Оно установило монопольную скупку шелковых коконов по таким ценам, которые возмещали производителям не больше половины себестоимости коконов. Затем правительство начало регулировать цены на рис и этим путем снижало их до такой степени, что продажа всего риса не давала крестьянину даже и тех средств, которые ему нужны на уплату ренты. Зато само правительство и близко к нему стоящие круги зарабатывали значительные суммы как на монопольной скупке коконов, так и на регулировании рисовых цен.

Благодаря тому, что у власти сверху донизу стояли индусы и они же занимали господствующее положение в торговом и ростовщическом мире, у мусульман — земледельцев, кустарей и мелких торговцев — создалось впечатление, что все переживаемые ими бедствия вызваны и усугубляются индусами; поэтому вся их ненависть и была направлена против индусов, в первую очередь против живущих в городах, в лице которых они видели главных виновников своего разорения и обнищания. Мусульманская торговая буржуазия, вытесненная с рынка монопольной закупкой коконов и регулированием цен на рис и терпящая ряд других притеснений со стороны правительства и индусского торгового большинства, имела также немалую злобу к индусскому правительству и привилегированным индусским торговцам. Поэтому и получилась своеобразная смычка в виде одновременного выступления мусульманской торговой буржуазии, интеллигенции и крестьянства. Все движение можно разделить на следующие три этапа.

Первый этап

Выступление началось с волнений в сринагарской тюрьме и демонстрации в Сринагаре. В этой демонстрации, организованной мусульманской интеллигенцией и торговой буржуазией, принимало участие большое количество крестьян, пришедших из ближайших деревень.

Во время демонстрации многотысячная толпа напала на тюрьму с целью освободить Абдул-Карима, агитатора-мусульманина, прибывшего из Пешавера. Вызванная для защиты тюрьмы полиция открыла огонь. Убито 9 и ранено 40 мусульман.

Толпа поджигала лавки, громила помещения ростовщиков, сжигала их долговые книги. По мнению правительства, налет на тюрьму был подготовлен заранее и тщательно. Еще до беспорядков — 10 июля магараджа опубликовал воззвания, в которых обращал внимание населения на усиливающуюся за последние несколько недель «благодаря посторонним влияниям» агитацию среди мусульман против индусов» («Сивил энд Милитари Газет» от 21 сентября 1931 г.).

После демонстрации началась кампания петиций магарадже. Петиции эти писались мусульманской мелкобуржуазной интеллигенцией и торговой буржуазией. В петициях наряду с рядом мелких требований выдвигались и следующие: 1) учреждение выборного законодательного собрания с совещательными правами; 2) улучшение дела просвещения, особенно для мусульман; 3) установление национально-религиозного равноправия; 4) введение свободы печати и получения мусульманских газет из Индии (в Кашмире газет нет); 5) снятие запрещений и ограничений на убой скота и торговлю мясом; 6) снижение налога на коз и пастбища; отмена регулирования цен на рис, монопольной скупки коконов; 7) отмена взимания налога натурой и т. д.

После разгона демонстрации 15 августа между десятью лидерами движения и магараджей состоялось соглашение, по которому магараджа обещал изучить причины беспорядков и облегчить действительные нужды крестьян.

Лидеры же движения обещали прекратить всякую агитацию против правительства.

Во время перемирия мусульмане и индусы занялись усиленной организационной подготовкой к предстоящей борьбе. Обе стороны создавали отряды волонтеров, раздобывали оружие, вели агитационную работу друг против друга и вербовали все больше и больше сторонников.

Влияние Пенджаба на ход и развитие движения видно из следующей заметки:

«Временное соглашение приветствовали многие организации и видные мусульмане Кашмира. Приемлемость соглашения поразительным образом доказывается позицией Мауланы Мазгар Али, лидера партии Ахрар, организовавшего «джаты» (походы) в Сиалкоте, где часто созывались воинственно настроенные митинги. Маулана, как и партия Кадиани, был склонен критиковать мусульманских лидеров Кашмира за соглашение с правительством. И дей-

ствительно, в Кашмир были посланы эмиссары для злостной агитации и критики соглашения. Когда Маулана Мазгар Али разрешили изучить на месте положение и выяснить настроение мусульман, он согласился с мнением громадной части населения в пользу соглашения. Он выступил на митингах в Сринагаре и Джамму с предложением соблюдать соглашение. Ахрары перестали посылать джаты в Джамму.

Такой оборот дела вырвал из рук партии Кадиани все ее козыри. Увидев, что Ахрары берут перевес, лидеры Кадиани послали в Джамму и Сринагар эмиссаров с целью возобновить старую агитацию, чтобы беспорядки и кровопролитие заставили британское правительство вмешаться во внутренние дела Кашмира. Часть местных лидеров поддалась увещеваниям Кадиани и начала произносить речи тайком в избранном кругу. Некоторые лидеры Джамму сначала попытались примирить партии Кадиани и Ахрар, но очевидно у каждой имеются свои цели, не совпадающие с интересами кашмирских мусульман. Разногласия между этими партиями настолько обострились, что дело дошло до драки на митинге в Сиалкоте 16 сентября» («Трибюн» от 30 сентября 1931 г).

Упоминаемые в заметке партии Ахрар и Кадиани мы знаем очень мало. Но судя по их тактике, можно сказать, что Ахрар — это организация мусульманских помещиков и буржуазии (в том числе и мелкой), близко стоящая к Национальному конгрессу и применяющая его тактику ненасилия. Кадиани же, на наш взгляд, связана с той частью младоафганцев, которая поддерживала в свое время Амманулу и мечтала о создании великого Афганистана. Эта партия не отказывается от применения вооруженной борьбы за достижение своих целей. «Трибюн» от 22 октября 1931 г. перепечатывает следующее сообщение корреспондента «Дейли Геральд»:

«Восстание в Кашмире вдохновляется заговором с целью посадить на кашмирский престол бывшего короля Афганистана — Инаятуллу, брата Амманулы, вместо сэра Хари Синга.

Делегат на англо-индийскую конференцию, находящийся в курсе кашмирских дел, вчера заявил, что восстание является частью широкого панисламистского движения, которое может иметь самые серьезные последствия для британских интересов в Индии.

Открыто признанной целью этой агитации, организуемой мусульманскими кругами за пределами княжества, — сказал этот делегат, — является свержение магараджи — индуса (сэра Хари Синга), с тем чтобы посадить на престол мусульманина Инаятуллу».

Если это не утка, предназначенная для оправдания ввода англо-индийских войск в Кашмир, то она подтверждает высказанную нами выше мысль об ориентировке партии Кадиани. Такая возможность конечно не исключена, даже больше того: она подтверждается той возней, которую вызвало это восстание в кругах мусульманских помещиков и буржуазии Индии. Несомненно, что сторонники создания мусульманского государства на северо-западе Индии были готовы использовать крестьянское восстание в Кашмире в своих интересах и подготовляли для кашмирского престола какого-либо отставного короля.

Схема восстания в Кашмире

С. С. С. Р

С И Н Ь - Ц З Я Н

А Ф Г А Н И С Т А Н

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ПОГРАН. ПРОВИНЦИЯ

К А Ш М И Р

Т И Б Е Т

П Е Н Д Ж А Б

р. Инд

р. Джелам

р. Ченаб

Музафарабад

Сопур

Барамула

Абботабад

Ури

Сринагар

Пунч

Котли

Шахабад

Мирпур

Наушера

Мангла

Джамму

Джелам

Сиалкот

Лагор

С

Ю

Масштаб

100 0 100 200 км

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

Внутренняя граница

Внешняя граница

Дороги

Район, охваченный восстанием

Второй этап

Начало второго этапа движения совпало с окончанием полевых работ и началом сбора ренты и продажей товарной продукции сельского хозяйства. Пришедшие к мусульманину-земледельцу почти одновременно сборщик, ростовщик и скупщик снова напомнили ему о его неравенстве с индусом, хотя бы вроде того, что: «Мусульмане едят говядину, но, несмотря на то, что они составляют большинство населения Кашмира, существующее законодательство карает убивающих корову тюремным заключением на семь лет. Этот закон особенно обременителен для населения, находящегося в тяжелом экономическом положении. В Кашмире мусульманин платит ежегодно за каждую разводимую им козу налог в размере 5 рупий, хотя индус платит за такую же козу всего 8 анн. Вот типичные примеры условий, которыми мусульмане обосновывают свои жалобы» («Таймс оф Индия» от 28 сентября 1931 г.).

Конечно не это было главной движущей пружиной, толкнувшей крестьянство на массовое вооруженное выступление. Оно выступило на борьбу с той безжалостной феодально-ростовщической эксплоатацией, которая довела его до крайней нищеты.

По описанию англо-индийской прессы, события развертывались в следующем порядке:

«22 сентября в Сринагаре снова вспыхнули серьезные беспорядки. Полиция и войска разогнали процессию мусульман, собравшихся у Джама-Масджид (главной мечети). Военная застава была окружена толпой и ей пришлось открыть огонь в целях самозащиты. Толпа бросала в войска камни, нанося им сильный урон. Убито 4 мусульманина, ранено 6. Всего пострадало 90 человек.

Согласно коммюнике кашмирского правительства, 22 сентября в городе были найдены извещения о том, что состоится шествие от Джама-Масджид в знак протеста против ареста агитаторов — С. М. Абдуллы и Джалал Дина. Немедленно было обнародовано воззвание с запрещением таких скоплений. Несмотря на это, с разных пунктов были устроены шествия и пришлось вызвать войска в помощь полиции.

Среди мусульманского населения города царит сильное возбуждение; в городе проводится частичный хартал. Вчера весь день в Сринагар из окрестных селений стекались банды жителей, вооруженных косами и топорами, прикрепленными к лати (палки).

Вчера была сделана попытка арестовать трех вожаков восстания 22 сентября. Двое скрылись, а третьего не удалось арестовать ввиду угрожающего настроения огромной толпы, собравшейся в михалле Ханнар. По словам правительственного коммюнике, там собралось 50 тыс. человек, многие были вооружены топорами, саблями, пиками и лати. Приблизительно 15 тыс. всю ночь стояли лагерем вокруг дома, в котором скрывался разыскиваемый полицией вожак.

Райтер сообщает, что 15 тыс. повстанцев, расположившихся ночью лагерем в Сринагаре, получили вчера подкрепление в виде 3 тыс. вооруженных жителей.

Опубликован декрет, предоставляющий войскам и полиции чрезвычайные полномочия для подавления восстания. За два дня беспорядков убито 25 человек» («Сивил энд Милитари Газет» от 27 сентября 1931 г.).

Это восстание не ограничилось борьбой в столице Кашмира Сринагаре, а охватило уже значительную часть деревенских районов. Так например:

«Из Анантнага (город в 31 милях от Сринагара) сообщают, что сегодня утром толпа напала на военную заставу, жестоко избила 12 солдат; солдаты открыли огонь, убито 19 человек» («Таймс оф Индия» от 26 сентября 1931 г.).

«Благодаря своевременно принятым мерам, — гласит далее коммюнике, — удалось подавить восстание в Барамуле, Сараре и Хандваре, где тоже работали тайные организации. Везде толпа призывала к борьбе с правительством» («Таймс оф Индия» от 29 сентября 1931 г.).

«Создавшееся положение можно назвать только явным восстанием. Толпа ругала магараджу и премьер-министра и открыто заявляла, что ее цель — свержение правительства» («Трибюн» от 27 сентября 1931 г.).

Итак на втором этапе мы видим в числе восставших десятки, а то и сотни тысяч крестьян. Восставшая масса выдвигает уже новые требования, в числе которых одно из первых мест занимает лозунг свержения правительства и магараджи. На первый план выступают и другие чисто крестьянские требования: отмена арендной платы за землю натурой и ее снижение; передача земли в собственность крестьянства; снижение налогов на скот и пастбища; отмена регулирования цен на рис и монопольной скупки коконов и т. д. Крестьянская масса берется за оружие, нападает на войска и полицию и стремится к тому, чтобы свергнуть существующую власть силой и тем самым добиться удовлетворения выдвинутых требований. В восстание вносятся элементы организованности: организуются вооруженные отряды повстанцев, устанавливаются сигналы для сборов по тревоге, организуется защита руководителей восстания от арестов и нападений. Правда вся эта организованность стоит на весьма низком уровне и не спаяна соответствующей дисциплиной. Если бы у восставших было соответствующее твердое руководство и дисциплина, то результаты восстания были бы несомненно крупными. Леонард Мидльтон так описывает восстание в Джамму:

«Во время событий в Джамму аппарат власти был целиком парализован. Чиновники ничего не делали и ждали приказаний сверху, а приказаний ниоткуда не поступало. Полиция была совершенно деморализована и не предпринимала никаких мер борьбы с повстанцами. Хорошо, что часть мусульманской толпы не выдержала и бросилась грабить, иначе восстание могло бы принять очень серьезный характер» («Таймс» от 19 марта 1932 г.).

В этом случае не обошлось конечно без провокации со стороны реакционных элементов, достаточно хорошо знавших, что ворвавшихся в индусский город мусульман, имеющих огромную злобу к олицетворяемой индусами власти, очень легко двинуть на гра-

беж индусских магазинов, на поджоги и разрушения индусских храмов и т. д. Так и случилось: значительная часть повстанцев бросилась грабить и разрушать индусские магазины и тем сорвала организованный захват находившегося фактически без власти города. Власти воспользовались этим моментом, собрали свои силы, с помощью индусских торговцев повели наступление на дезорганизованных повстанцев. В самый разгар борьбы подоспели и англо-индийские войска, повели наступление против повстанцев и быстро вытеснили их из города. По вытеснении повстанцев из города, при попустительстве (а может быть и подстрекательстве) военных властей, индусы произвели ответный погром, на глазах у войск и начальства, мусульманских лавок, домов и мечетей. Приход англо-индийских войск в Кашмир совпал с массовым движением отрядов добровольцев из Пенджаба. Эти отряды были организованы партией Ахрар в Сиалкоте для оказания помощи восставшим братьям — мусульманам Камшира. Одетые в красное добровольцы вступили в Кашмир с большим подъемом и желанием драться. Однако при первой встрече с англо-индийскими войсками вожаки отрядов рекомендовали сдаться властям и сами лично заводили возбужденных добровольцев в наскоро устроенные из колючей проволоки тюрьмы. В течение двух дней в этих полевых тюрьмах было сосредоточено до 6—7 тыс. добровольцев и повстанцев. Гандистскую тактику партии Ахрар подтверждает не только этот массовый самоарест отрядов добровольцев, но и то, что эти отряды шли безоружными с религиозно-фанатическими побуждениями к страданию, а не политическими лозунгами, зовущими к борьбе. Конечно не везде лидерам отрядов удавалось гладко проводить самоаресты добровольцев, — в ряде мест добровольцы вступали в бой с полицией и войсками, но это делалось по инициативе масс и против воли вождей. Линия партии Ахрар и ее уполномоченных вела к сдаче, к самоаресту, к гандистскому непротивлению. И эта линия в большинстве случаев доводилась до конца.

Активная деятельность добровольцев партии Ахрар характеризуется следующими фактами:

Из Сринагара сообщают, что Барамула (в 40 милях от столицы Кашмира) сгорела почти дотла. Пожаром уничтожено 300 домов и лавок; 4 улицы, с самыми большими домами Барамулы, совершенно уничтожены. Пострадали как индусы, так и мусульмане, но потери индусов больше.

7 ноября в Сринагаре опубликовано следующее официальное сообщение:

«Вечером 6 ноября в Камшире (близ Сатвари) произошло столкновение между кавалерийским дозором кашмирских войск и джатой мусульман. По словам солдат дозора, джаты напали на них; унтер-офицер, обороняясь, открыл огонь.

2 ноября положение в Мирпуре быстро приняло критический характер после столкновения между джатой и местной полицией, во время которого тяжело ранены старший полицейский, начальник окружной полиции и начальник округа (заладар).

Другая джата, насчитывающая 1 тыс. добровольцев, собралась

в Чоччине с большим количеством вооруженных стражников. Местная администрация вызвала на помощь войска, чтобы отбить это нашествие из Британской Индии.

В тот же день другая джата (175 добровольцев) проникла в Кашмир через селение Раджпут (в 3 милях от Джамму), где произошло столкновение с сельчанами, не пускавшими джату в селение. Весть о столкновении взбудоражила мусульман Джамму, которые, вооружившись саблями, пиками и т. д., бросились на помощь джате, но были остановлены полицией. Губернатор вызвал войска, но прежде чем он смог объявить чрезвычайное положение и еще до прибытия войск, произошло столкновение в Джамму. Позже толпа индусов разграбила семь или восемь мусульманских лавок.

Порядок восстановлен, хотя одно время положение было очень тревожным. Более 3 500 человек посажено в тюрьму; джаты не всегда были мирно настроены. Они сжигали проволочные заграждения и пытались открыть тюрьму.

В Мирпуре, куда также проникли джаты, положение тоже было критическим. Свыше 1 тыс. местных мусульман присоединились к джатам и напали на полицию, не выдержавшую натиска. Один из добровольцев джаты умер от штыковой раны. Джатой руководил известный коммунист (?); вероятно защитник интересов той или иной религиозной общины» («Сивил энд Милитари Газет» от 9 ноября 1931 г.).

Второй этап таким образом начался массовым восстанием крестьянства, применявшего методы вооруженной борьбы за свержение магараджи и правительства. Он кончился поражением благодаря введению англо-индийских войск и переходом к разрозненным партизанским действиям, к новому собиранию и организации сил для дальнейшей борьбы. Формально он кончился соглашением между лидерами движения и правительством, по которому лидеры обещали прекратить борьбу, а правительство — рассмотреть и удовлетворить законные жалобы мусульман. В результате сменяются премьер-министр, начальник полиции и ряд других должностных лиц за мягкотелость и организуется правительство твердой руки во главе с премьером-индусом вместо англичанина, под руководством английских генералов и полковников. Новое правительство «чистит» и организует полицию, приводит в порядок армию магараджи, добивает отдельные партизанские отряды, назначает комиссии расследования и изучения причин восстания. Это правительство добивается объявления фактически военного положения в Пенджабе и производит расправу с захваченными повстанцами при закрытых дверях. Производятся на глазах у публики массовые порки арестованных повстанцев и ахрарских добровольцев, затем выпоротые и раскаявшиеся распускаются по домам. «Разрабатывается» план реформы, но ни одно требование крестьянства не удовлетворяется. Причины, вызвавшие восстание, таким образом не устраняются, а продолжают действовать с еще большей силой.

Опираясь на англо-индийские войска, кашмирское правительство подавило и второе восстание. К началу января оно считало свое положение настолько твердым, что приступило к насильственному сбору налогов и ренты и к вылавливанию и арестам лидеров восстаний, скрывавшихся в мусульманских деревнях. Это нашествие карательных экспедиций в деревни и послужило поводом к новому восстанию. События развертывались следующим образом:

«10 января, когда в селении в 4 милях от Мирпура был конфискован скот за неуплату земельного налога, собралась большая толпа, забросавшая камнями полицию, которой помогали войска. После нескольких атак с помощью лати полиция была вынуждена открыть огонь, стреляя дробью. Убит один.

Огромные толпы крестьян из Чаумук и Бимбер устраивают демонстрации в Мирпуре, в котором расположились лагерем губернатор Джамму и главный инспектор полиции. 9 января заведующий информационным отделом кашмирского правительства телеграфировал, что, по сообщению из Мирпура, полиция арестовала троих за попытку поджечь дом начальника округа в селении Поташер. Арестованные были освобождены буйно настроенной толпой в 12 тыс. человек, вооруженных топорами и лати» («Сивил энд Милитари Газет» от 13 января 1932 г.).

«Губернатор Джамму и вазир, сопровождаемые главным инспектором полиции, отрядом пехоты, кавалерии и полицейских, возвращаясь после сбора земельного налога, в пути подверглись нападению со стороны толпы крестьян» («Таймс оф Индия» от 18 января 1932 г.).

23 января арестован и выслан Яи-Уд-Дин, арестованы Абдулла, «диктатор» партии Ахрар, Абдул Кадыр, Гулям Мухаммед и несколько добровольцев партии Ахрар. Вечером произвели обыск в сампане (лодка-дом) Абдуллы; забраны документы. 27 января начался суд» («Сивил энд Милитари Газет» от 29 января 1932 г.).

«Согласно официальному сообщению, вечером 27 января г. Котли был осажден несколькими тысячами повстанцев, вооруженных ружьями, саблями, топорами и лати. Повстанцы начали стрелять в войска, которые были вынуждены ответить. Убито три повстанца. Разграблены и сожжены кооперативный банк и храм. Из Джамму сообщают, что беспорядки охватили Пунч, где якобы создалось серьезное положение. В Пунч отправлены подкрепления из Кашмира через Пури, из Мирпура через Котли, — транспортные затруднения тормозят переброску войск.

В Музафарабаде мусульмане пытались устроить шествие; туда выехал губернатор. Установлена постоянная почтовая связь между Мирпуром, Котли и Раджаури. Ночью 23 января сгорели почтовые конторы в Чаранти, Сери и Джанджоте.

Огромная буйная толпа осаждала Мирпур с 8 часов вечера» («Сивил энд Милитари Газет» от 31 января 1932 г.).

«Повстанцы сожгли хатнанский мост (близ Ганн). Пунч осажден повстанцами, которые вооружены ружьями и саблями. Другие

повстанцы грабят окрестные селения. Телеграфная связь прервана, положение — крайне грозное, так как войска еще не прибыли туда (3 февраля) и не освободили раджу Пунча, который заперся в крепости» («Трибюн» от 6 февраля 1932 г.).

«Полиция открыла стрельбу в Сопоре (убито трое, ранено двое) и Барамуле (ранено двое). Ранено большое количество солдат и полицейских. 29 января в Барамуле был хартал. На базаре собралась огромная толпа, с крыш домов в войска бросали горшки с огнем и камнями; затем толпа напала на военные патрули. Толпа не расходилась, пока не открыли огонь.

В этот же день в Музаффарабаде арестован Хусам-Уд-Дин, устроивший шествие добровольцев. Толпа забросала камнями полицию и войска. Войска разогнали процессию. Порядок восстановлен» («Сивил энд Милитари Газет» от 1 февраля 1932 г.).

«В Ури толпа забросала камнями, избила и ранила должностных лиц, в том числе начальника района, и пыталась разгромить базар. После безуспешных предупреждений начальник района приказал полицейским открыть огонь; убито двое, ранено шесть повстанцев. В Ури посланы военные подкрепления. В Хардзаре вооруженная огнестрельным оружием и топорами толпа окружила город, разгромила базар и убила полицейского; она разошлась лишь после того, как полиция и войска открыли огонь.

5 февраля в Ханкахи-Мула в районе Сринагара толпа в 4 тыс. человек, возбужденная мятежными речами, напала на полицейских, бросала в них куски кирпичей и плошки. Арестовано 72 человека» («Сивил энд Милитари Газет» от 8 февраля 1932 г.).

«Подробности осады Котли показывают, что с ночи 26 января по 29 января шло решительное наступление на город. Повстанцы под руководством пенсионеров индийской армии окружили город со всех сторон. 26-го несколько повстанцев пробрались в город и начали грабить, пока не прибыл дозор. 29-го повстанцы прекратили стрельбу, чтобы внушить мысль о своем отступлении, затем появились в пустых домах, из которых открыли стрельбу по дозорам; они сожгли эти дома, прикрывая свое отступление. На месте боя найдено 19 убитых повстанцев, кроме того двоих захватили в плен. Повстанцы привезли с собой пушку для обстрела города. Они спрятались на склонах соседних гор и исчезли лишь по прибытии кашмирских войск» («Сивил энд Милитари Газет» от 14 февраля 1932 г.). Свами Рамананд Санниаси (из Дели, член исполкома Всеиндийской арийской лиги) пишет:

«Повстанцы все еще настроены враждебно и угрожающе, даже сейчас (к 18 февраля) идут поджоги в селениях Мирпурского района. Я был в Мирпуре 16 и 17 февраля и видел ночью, как горели дома в селениях на склонах гор против г. Мирпура, несмотря на то, что там поставлены английские войсковые части... Восстание в Кашмире можно сравнить только с восстанием мопла в 1922 г. Но тогда в самом начале восстания мадрасское правительство, по указаниям индийского, приняло решительные меры к ликвидации беспорядков и подавило восстание...

Несмотря на то, что *мусульманское крестьянство Кашмира целиком отказывается платить земельный налог во всем охвачен-*

ном беспорядками районе, не принимаются меры к тому, чтобы заставить крестьян-мусульман уплатить земельный налог» («Трибюн» от 21 февраля 1932 г.).

«Из Сринагара сообщают, что бригадный генерал Сетерленд и губернатор вернулись из Хандвары после объезда по округу, включая район, подвергшийся разграблению. Они арестовали председателя «совета» повстанцев, их так называемого губернатора и «судью» верховного суда. Арестованы также двое вожаков» («Сивил энд Милитари Газет» от 18 февраля 1932 г.).

Все вышеприведенные факты рассказывают о новом массовом крестьянском восстании, вызванном террором и грабежом кашмирского правительства. На этом этапе восстания у крестьян появилось значительно больше оружия, чем на двух предыдущих. Повстанцы вели организованные и упорные бои с войсками и полицией. Они создали руководящий восстанием орган — совет повстанцев и верховный суд. Несомненно, что этот руководящий восстанием орган в случае победы повстанцев превратился бы в орган руководящей государственной власти. К сожалению мы не знаем, из каких элементов состоял этот совет повстанцев.

Массовые поджоги и уничтожения деревень и городов повстанцами свидетельствуют о громадной национальной вражде мусульман к индусам и наоборот. Хотя и имеются отдельные указания печати на то, что в рядах повстанцев были и индусы, однако в ряде случаев национальная вражда затушевывала классовый характер восстания и оно превращалось в отдельных местах в национально-религиозную резню. Национально-религиозная вражда несомненно всячески разжигалась примыкавшими к движению реакционными элементами.

По данным печати нельзя определить участие и роль в восстании революционных организаций. Имеются лишь отдельные указания на то, что за время восстания в Кашмире создана организация Кирти-Кисан (рабоче-крестьянская партия).

Зато печать очень много говорит об оживленной возне вокруг восстания реакционных мусульманских элементов в Индии. Так 8 членов индийского законодательного собрания, индийцы и сикхи, послали вице-королю письмо, в котором пишут, «что оружие и боеприпасы попадают в Кашмир извне; что мятежные брошюры и газетные статьи широко распространяются и что вся агитация в Кашмире не ставит целью удовлетворение законных жалоб мусульманских подданных княжеств, а стремится осуществить планы посторонних лиц, желающих создания мусульманской империи на севере Индии» («Таймс оф Индия» от 13 февраля 1932 г.).

Член законодательного собрания Джагат Агарвал в письме в редакцию «Трибюн» пишет:

«Не подлежит сомнению, что восстание организовано извне и ставит своей задачей осуществление домогательства мусульман как религиозной общины. В самом деле, свержение династии и низложение магараджи играют немалую роль в этой пропаганде. Стоит только вспомнить разные лозунги процессии в Лагоре и других местах, чтобы подтвердить вывод, что движение ставит своей задачей в такой же мере приобретение прав жителями

ничества, как и свержение магараджи. В статье Вернона Бнера говорится: «По имеющимся сведениям, бывший король Инаятулла ждет приказаний своих друзей-мусульман как раз на границе Кашмира, готовый по призыву явиться и свергнуть теперешнего магараджу, сэра Хари Синга, если слухи верны, он находится в безопасности в Сиалкоте, в Британской Индии, готовый в любой момент отправиться по долгому и извилистому пути в столицу Кашмира» («Трибюн» от 24 ноября 1931 г.).

Таких версий в англо-индийской печати распространялось немало; насколько они отвечают действительности, сказать трудно. Но не исключена возможность, что за плечами повстанцев стояли готовые сесть на кашмирский престол соответствующие кандидаты из сторонников создания мусульманского реакционного государства. Такие намерения могли иметь место, но они не меняют крестьянского характера восстания. В конечном счете подавлено с большим кровопролитием и это, третье крестьянское восстание. В Кашмире создано правительство «твердой руки» во главе с английским полковником Кольвином. За подписью этого полковника и магараджи выпущен целый ряд декретов о реформах. В основу этих реформ положены предложения комиссии Глэнси. Все эти реформы в основном сводятся к следующему:

1. В кратчайший срок восстановить разрушенные храмы.

2. Всем чиновникам предписано строго следить за недопущением оскорбления религиозных чувств, а судам — строго наказывать лиц, оскорбляющих религиозные чувства, независимо от исповедуемой виновными религии. Запрещается властям вмешиваться в дело перемены религии гражданами.

3. Управлению по народному образованию предложено назначить инспектора по мусульманскому образованию, увеличить число чиновников управления — мусульман, учителей арабского языка — мусульман. Мусульманские школы приравнять к законно существующим школам. Составить план расширения сети школ начального образования.

4. Насколько возможно предоставить населению право выбирать деревенских старост, лесных сторожей и других должностных лиц деревни.

5. Прекратить сбор недоимок арендной платы в районах восстаний, если население раскаялось в своих поступках. Отсрочить уплату налога на пастбище в ряде районов, а в остальных местах этот налог собирать без применения силы.

6. Предоставить фактическим владельцам право собственности на землю, принадлежащую государству, и приступить к укрупнению земельных участков, находящихся в пользовании отдельных лиц.

7. Предупредить всех чиновников о нетерпимости взяточничества и суровом наказании, которое будет налагаться на взяточников.

8. Запрещение торговли мясом ограничить четырьмя днями в год (вместо 60 прежде), из них два — в большие индийские праздники и в дни рождений магараджи и его жены.

Таковы основные реформы, дарованные по указанию английских империалистов кашмирскому крестьянству и торжественно опубликованные в «Таймсе» от 29 апреля 1932 г.

Ни одна из реформ не облегчит положения крестьянства Кашмира, даже наоборот: на восстановление храмов потребуют денег снова с крестьянства. Следовательно и все причины, вызвавшие три восстания под ряд, продолжают действовать с прежней силой. Неизбежно новое восстание, которое должно дать удовлетворение основных требований крестьянства. Но новое восстание будет доведено до победного конца только при условии создания нового революционного руководства восстанием. Ни партия Ахрар, ни сторонники создания мусульманского государства ничего мусульманскому крестьянству не дадут. Только компартия Индии, руководя борьбой крестьянства, сможет привести его к захвату земли и освобождению от феодального и империалистического гнета.

1. В Кашмире было вооруженное восстание широких крестьянских масс, вызванное их тяжелым экономическим положением, усугубленным национальным угнетением. В процессе развития крестьянское восстание часто превращалось реакционными элементами в национально-религиозную резню и тем самым отвлекалось в сторону от достижения классовых целей восстания. Эти срывы восстания с классового пути на путь национально-религиозной борьбы происходили потому, что восстанием руководили буржуазные и мелкобуржуазные организации и отдельные лица.

2. Восстание было настолько широким, что его подавление оказалось возможно только с помощью англо-индийских войск и авиации. Это восстание со всей наглядностью показало непрочность власти магараджи Кашмира. Ввод англо-индийских войск в Кашмир имеет своей задачей не только подавление восстания, но и закрепления Кашмира за английским империализмом как плацдарма для развертывания захватнических действий в Синьцзяне и советской Средней Азии.

3. Из имеющихся материалов не видно, чтобы индийские революционные организации принимали какое-либо участие в кашмирском восстании.

4. Феодально-буржуазные мусульманские националистические организации Пенджаба и Северо-западной пограничной провинции играли в восстании если не руководящую, то несомненно крупную роль и оказывали весьма сильное влияние на весь ход его развития.

5. Объявленные магараджей, по указанию английских империалистов, реформы ни в какой мере не удовлетворяют крестьянство, поэтому почва для нового вооруженного восстания в Кашмире продолжает оставаться благоприятной. Задача революционных организаций Индии — организовать это восстание и создать соответствующее революционное руководство. Причем восстание в Кашмире может стать победоносным только при том условии, если оно будет сопровождаться такими же восстаниями в Северо-западной пограничной провинции и Пенджабе, поддержанными всеми революционными организациями Индии, и если этим восстанием будет руководить индийская компартия.

ПРОЕКТ ПЛАТФОРМЫ ДЕЙСТВИЯ КОМПАРТИИ ИНДИИ[1]

Раздел I

Основные задачи индийской революции

Индийский народ стонет под гнетом и эксплуатацией английского империализма. Кровожадные империалисты, опираясь на свое политическое и экономическое господство и выколачивая из года в год миллиарды рупий из индийского народного дохода Индии, довели трудящиеся массы нашей страны до состояния голода, беспросветной нищеты, массового вымирания и невыносимого рабства.

Английский империализм, имея в своих руках государственную власть, основные отрасли промышленности, железные дороги, морское и речное судоходство, банки и кредитную систему, большую часть земли, леса и ирригационную систему, задерживал и препятствует хозяйственному развитию нашей страны, всемерно поддерживая и опираясь на все отсталое, отжившее в индийской деревне и городе.

Господство английского империализма есть основа отсталости, нищеты и безмерных страданий нашего народа. Только через беспощадное насильственное уничтожение политического и экономического господства английских империалистов трудящиеся массы Индии сумеют встать на ноги, сумеют добиться независимости, сумеют создать предпосылки для своего развития и переустройства общества в интересах рабочих и крестьян, в целях дальнейшего развития по социалистическому пути.

В деле порабощения индийского народа английский империализм опирается на туземные княжества, помещичье землевладение и ростовщический и компрадорский капитал, используя содействие национальной буржуазии. Помещичье, туземных князей и ростовщиков землевладение и остатки крепостничества в земледельческом строе Индии, а следовательно и во всех социальных и политических учреждениях ее, являются главным устоем британского господства.

Для того чтобы уничтожить рабство индийского народа и освободить рабочий класс и крестьянство от придавивших их цепей, необходимо завоевать независимость страны, необходимо поднять знамя аграрной революции, которая разгромила бы все средневековое землевладение и «очистила» бы всю землю от всего средневекового хлама. Аграрная революция, направленная против английского капитала и помещичьего землевладения, составляет основу индийской освободительной революции.

Связанная с помещичьим строем и ростовщическим капиталом и опасающаяся революционного восстания трудящихся масс буржуазия давно предала борьбу за независимость нашей страны и радикальное разрешение аграрного вопроса. Ее нынешние «оппозиционные» маневры по отношению к английскому империализму имеют своей целью надуть трудящиеся массы и в то же самое время выговорить себе лучшие условия компромисса с британскими хищниками. Содействие английскому империализму со стороны буржуазии и ее политического органа — Национального конгресса выражается в настоящее время в последовательном проведении политики компромисса с английскими эксплоататорами за счет народных масс, за счет дезорганизации революционной борьбы трудящихся масс — на основе сохранения системы империализма (включая туземные княжества), помещичьей земельной собственности и, наконец, усиления совместной с империалистами эксплоатации народных масс, в первую голову рабочего класса. *Величайшей опасностью для победы индийской революции является то обстоятельство, что широчайшие массы страны еще питают иллюзии насчет Национального конгресса и не разобрались в том, что он представляет собою классовую организацию буржуазии, выступающей против коренных интересов трудовых масс нашей страны.*

Политика гандизма, на которой основана программа Конгресса, под прикрытием туманных фраз о любви, смирении, нетребовательной и трудолюбивой жизни, облегчении крестьянской доли, национальном единстве, особой исторической миссии индуизма и т. д. и т. п., проповедует и защищает интересы на-

[1] Опубликовано в № 1—2 журнала «Коммунистический интернационал» за 1932 г.

циональной буржуазии, неизбежность и разумность деления общества на богатых и бедных и вечного социального неравенства и эксплоатации, т. е. проповедует интересы капиталистического развития Индии *на костях и угнетении трудящихся масс* страны — в союзе с мировым империализмом. Национальный конгресс предал и дезорганизовал борьбу трудящихся в 1919—1921 гг. Национальный конгресс выступил за фабрикантов, против рабочих во время текстильных забастовок и фактически помог проведению антирабочего законодательства. Национальный конгресс отказался поддержать борьбу железнодорожников, направленную против английского империализма, предложив им обратиться с арбитражем к лорду Ирвину и Макдональду. Национальный конгресс выступил против крестьян в их борьбе против ростовщиков, крупных помещиков и туземных княжеств.

Национальный конгресс совместно с либералами, помещиками и фабрикантами выработал *антинародную конституцию* Неру, в которой заявил о том, что необходимо сохранить помещиков, царьков и ростовщиков, остаться на правах младшего компаньона в Британской империи и сохранить верховную власть в руках английского вице-короля и губернаторов.

Национальный конгресс выступил с Дели-манифестом, поддержал одиннадцать пунктов Ганди, представляющих программу умеренных требований торгово-промышленных палат, вел переговоры с либералами в тюрьме, пытаясь втихомолку договориться с английским правительством, и т. д. и т. п.

Национальный конгресс и особенно его «левое» крыло сделали и делают все возможное, чтобы удержать борьбу трудящихся масс в рамках британской империалистической конституции и законов.

В таких условиях историческая задача освобождения индийского народа, уничтожение национального рабства и всех пут, связывающих его (народа) развитие, конфискация земли и проведение всех революционно-демократических преобразований, — может быть выполнена, как это доказано опытом мировой истории и уроками классовой борьбы в Индии, только под руководством рабочего класса. Рабочий класс Индии, организуемый самим процессом производства и классовой борьбой, выполнит под руководством коммунистического авангарда свою историческую задачу организации распыленных масс крестьянства и городской бедноты на борьбу против английского господства и помещичьего землевладения.

Но для того, чтобы организовать рабочие массы, для того, чтобы оформить пролетариат как особую классовую силу, сознающую свои особые классовые интересы и добивающуюся руководства общенародным освободительным движением, для того, чтобы добиться революционного союза рабочего класса и крестьянства, для того, чтобы высвободить рабочий класс, крестьянство и городскую бедноту из-под влияния национал-реформизма и направить революционную борьбу по пути антиимпериалистической и антифеодальной революции, — рабочему классу нужна своя пролетарская, коммунистическая партия.

Компартия Индии — это партия рабочего класса, конечной целью которой является осуществление социализма, а затем полного коммунистического строя. Программа коммунистической партии Индии *принципиально* отличается от программ и идей остальных — буржуазных и мелкобуржуазных — партий и групп, в том числе и национально-революционных. В то время как последние стремятся к развитию капитализма в Индии, компартия последовательно и твердо борется за социалистический путь развития. В то время как национально-революционные группы борются за буржуазную власть, за буржуазную форму правления, компартия Индии борется за демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства, за рабоче-крестьянскую советскую власть в Индии.

Единственной формой власти, способной обеспечить интересы рабочих, крестьян и трудящихся вообще, являются советы. Советы, созданные в ходе революционного восстания трудящихся масс — как органы восстания и свержения английского господства, являются единственными подлинными органами власти, выбранными непосредственно на фабриках, заводах, селах и т. д., обеспечивающими конфискацию земли и удовлетворение коренных интересов народных масс. Лишь советская власть в состоянии обеспечить национальным меньшинствам право на самоопределение вплоть до отделения и в то же самое время возможность добиться максимального единства в рядах трудящихся разных национальностей в революционной борьбе против врагов индийской революции. Лишь советская власть в состоянии в союзе с мировым пролетариатом отстоять свободу и все завоевания индийской революции от нападения мирового империализма и индийских экс-

плоататоров и осуществить союз со всеми советскими государствами против международного империализма, для окончательной победы мировой революции. *Коммунистическая партия твердо и бесстрашно, несмотря ни на какие жертвы, преодолеет дезорганизаторскую, предательскую работу национал-реформистов и организует и доведет до победы борьбу рабочих и крестьянских масс над империализмом и обеспечит дальнейший переход к социализму.*

Стоя на этой принципиальной позиции компартия Индии выдвигает следующие основные лозунги нынешнего этапа индийской революции:

1. Полная государственная независимость Индии путем насильственного ниспровержения английского владычества. Отмена всех долгов и экспроприация и национализация всех английских предприятий, банков, железных дорог, морского и речного транспорта и плантаций.

2. Установление советской власти, осуществление права национальностей вплоть до отделения; уничтожение туземных княжеств; создание Индийской федеративной рабоче-крестьянской советской республики.

3. Конфискация без выкупа всех земель, лесов и всего имущества помещиков, туземных князей, церквей, английского правительства, чиновников и ростовщиков с передачей в пользу трудящегося крестьянства. Отмена кабальных договоров и всей задолженности крестьянства ростовщикам и банкам.

4. 8-часовой рабочий день и радикальное улучшение условий труда, увеличение зарплаты и государственное обеспечение безработных.

Борясь за эти основные требования, выражающие интересы народных масс, осуществление которых создаст предпосылки и обеспечит дальнейшее развитие в сторону построения социалистического общества в Индии, коммунистическая партия Индии, в целях развертывания массовой революционной борьбы и революционного просвещения трудящихся масс, выставляет в то же время ряд частичных требований, борьба за которые будет способствовать мобилизации народных масс на революционное восстание за свободу индийского народа.

Раздел II.

Борьба за частичные требования революционного движения

Компартия Индии считает, что *единственный исторически проверенный путь* завоевания независимости, осуществления задач аграрной революции, проведения демократических преобразований — это *путь революционной борьбы широчайших народных масс, завершенной всенародным вооруженным восстанием против английских эксплоататоров и всех их пособников в нашей стране.*

Проповедь непротивления со стороны Ганди, Неру и других вожаков Национального конгресса имеет своей целью предотвратить всенародное вооруженное восстание трудящихся масс против английского господства. Ганди, который по собственному признанию, записанному в автобиографии, участвовал в вооруженном подавлении восстания африканских крестьян-зулусов и помогал английским хищникам бороться против германских капиталистов за право эксплоатации колониальных народов, Ганди, который рекрутировал индийских крестьян в английскую армию, посылая на смерть сотни тысяч индийских рабочих и крестьян в интересах английских хищников, теперь заявляет крестьянам и рабочим Индии о том, что они не имеют права и не должны восставать против эксплоататоров. Он это заявляет, особенно теперь, когда английские хищники ведут открытую войну против индийского народа в Северо-западной провинции и по всей стране.

Трудящиеся массы поймут эту двойную игру Национального конгресса, рабочие и крестьяне Индии не отдадут своего права на разгром всей феодально-империалистической системы эксплоатации, *своего права на насильственное свержение английского господства.*

Этого освобождения Индии нельзя добиться путем террористического движения. Сторонники террористического движения в нашей стране не видят, не верят в борьбу широких народных масс и не понимают связи между аграрной революцией, борьбой пролетариата и свержением английского господства, думая путем смелых одиночных террористических выступлений добиться победы над английским империализмом.

Приветствуя самопожертвование и преданность террористов делу национального освобождения Индии, компартия заявляет, что *путь победы* — это не метод

индивидуального террора, а борьба и революционное вооруженное восстание широчайших масс пролетариата, крестьянства, городской бедноты и индийских солдат под знаменем и руководством коммунистической партии Индии.

Наиболее вредным и опасным препятствием для победы индийской революции является агитация левых элементов Национального конгресса, руководимых Джавахарлалом Неру, Босом, Джинивала и др., которые, прикрываясь радикальной фразеологией, ведут буржуазную политику дезориентации и дезорганизации массовой революционной борьбы, облегчая и способствуя Конгрессу договариваться с английским империализмом. Особенно подла и вредна роль национал-реформистов в рабочем движении, в котором они всячески стремятся заменить методы классовой борьбы методами классового сотрудничества, пытаясь идейно и организационно подчинить пролетариат индийским и английским эксплоататорам. Предательская роль Национального конгресса в отношении крестьянства еще раз ясно проявилась в обращении «левых» конгрессистов к английскому губернатору Бенгалии с просьбой послать войска для подавления восстания крестьян в Кишоргандже. В этой обстановке некоторые «левые» национал-реформисты (сторонники Роя и других), чувствуя разочарование трудящихся масс в Конгрессе, ухитрились рекомендовать «завоевание» Национального конгресса изнутри, якобы в целях революционизирования Конгресса, а на самом деле в целях восстановления авторитета Конгресса путем замены старых предательских вождей новыми, которые нисколько не лучше старых.

Разоблачение «левых» конгрессистов, которые могут вновь пойти на создание новой партии или организации, по типу бывшей Лиги независимости, для повторного одурачивания трудящихся масс, является первейшей задачей нашей партии. *Только путем беспощадной борьбы против левых нацреформистов удастся изолировать последних от рабочих и крестьянских масс и мобилизовать и сплотить последние под знаменами компартии, под знаменами индийской антиимпериалистической и аграрной революции.*

Компартия Индии призывает всех трудящихся выступить единым фронтом против империалистов, помещиков, ростовщиков и капиталистов.

Компартия Индии призывает мусульманских и индусских рабочих и крестьян не поддаваться хитрой провокации английского правительства и реакционных туземных эксплоататоров, направляющих и провоцирующих столкновения между трудящимися разных национальностей и религий. Компартия Индии призывает всех трудящихся, в том числе париев (untouchables), не допустить дезорганизации и раскола единого революционного фронта угнетенных, страдающих одинаково от своих и английских эксплоататоров.

В борьбе за массы компартия Индии призывает своих сторонников решительно использовать любую легальную и полулегальную возможность к широкому выступлению и мобилизации масс под пролетарскими лозунгами, разоблачая каждый раз предательскую роль Национального конгресса и противопоставляя буржуазному соглашательскому фронту национал-реформистов единый фронт трудящихся снизу на основе конкретных пролетарских революционных требований и действий. Компартия Индии рекомендует своим сторонникам как один из практических способов разъяснения трудящимся массам эксплоататорской и предательской политики конгрессистов использовать их деятельность в профсоюзах, городских муниципалитетах (Калькутта, Бомбей и др.) и т. п.

Компартия Индии призывает своих сторонников и организации развить массовые революционные выступления и борьбу рабочего класса за политические и экономические требования, массовый отказ со стороны крестьянства платить налоги, сборы, ренту, долги, в частности в районах помещичьего землевладения, мобилизуя и подготовляя таким образом трудящиеся массы для революционной борьбы с империализмом. *Компартия Индии призывает всех классово сознательных рабочих и революционеров помочь переводу отдельных забастовочных выступлений рабочих во всеобщую политическую забастовку, как решительный шаг в деле организации, под руководством рабочего класса, революционной борьбы народных масс за независимость, землю и рабоче-крестьянскую власть.*

А. Общие требования

В целях развертывания массовой революционной борьбы и политического воспитания народа, компартия Индии выставляет и борется за следующие требования:

1) Изгнание английских войск, ликвидация полиции и всеобщее вооружение трудящихся.

2) Немедленное освобождение всех политических заключенных, в том числе

совершивших акты индивидуального и классового насилия.

3) Неограниченная свобода слова, совести, печати, собраний, стачек и союзов для трудящихся и отмена всех антинародных и антирабочих законов (закон о промышленных конфликтах, пикетировании, высылки революционных рабочих, закон о печати и т. д. и т. п.).

4) Уничтожение сословных, кастовых, национальных и коммунальных привилегий и полное равноправие всех граждан, независимо от пола, религии и расы.

5) Полное отделение религии от государства и изгнание миссионеров как прямых агентов империалистов с конфискацией их имущества.

6) Выборность судей и должностных лиц, а также их сменяемость в любое время по требованию большинства избирателей.

Б. Особые рабочие требования

Для организации широчайших масс рабочего класса, защиты повседневных интересов рабочих и поддержки общей революционной борьбы трудящихся масс нашей страны компартия Индии призывает всех классовосознательных рабочих сосредоточить все усилия на создании революционного профсоюзного движения. Компартия Индии считает необходимым организовать массовые профсоюзы, опирающиеся на фабзавкомы, с руководством, выбранным непосредственно рабочими и состоящим из передовых революционных рабочих. Профсоюзы должны превратиться в регулярно функционирующие массовые организации, действующие в духе классовой борьбы, из которых надо выгнать и изолировать реформистов всех оттенков, начиная с открытых агентов английского капитала Джоши, Чаманлал, Гири и др. и кончая псевдо-левыми национал-реформистами типа Боза, Рюйкар, Джинвала, Кандаликар и др. агентов английской буржуазии, которые объединяются в реакционный блок для совместной борьбы против революционного крыла профдвижения. Компартия Индии одновременно борется за превращение центрального совета профсоюзов в боевой классовый всеиндийский центр рабочего движения.

I. Компартия Индии призывает своих сторонников и всех классово-сознательных рабочих помочь организации явочным порядком фабричнозаводских комитетов на всех предприятиях, железных дорогах, доках и т. д. страны. В тех случаях, когда вследствие террора предпринимателей или английской власти фабзавкомам приходится работать полулегально, компартия призывает выставить требование признания фабзавкомов, как одно из центральных требований забастовочных выступлений рабочих. Компартия Индии призывает к повсеместной организации отрядов рабочей самообороны как для охраны рабочих забастовок, демонстраций, так и для участия в общей революционной борьбе.

II. Компартия Индии призывает всех классово сознательных пролетариев помочь партии организовать движение и борьбу безработных за регулярное пособие за счет государства и предпринимателей. Компартия Индии призывает к повсеместной организации советов безработных, устройству демонстраций и совместной с организованными рабочими борьбе за частичные требования безработных — ежемесячное пособие, обеспечивающее прожиточный минимум, отказ платить квартирную плату, бесплатное снабжение топливом и продуктами от муниципалитетов и т. д.

III. Компартия Индии, отмечая полурабское положение плантационных и сельскохозяйственных рабочих, призывает классово сознательных пролетариев принять участие помочь организации профсоюзов плантационных и сельских рабочих. Борьба за полное уничтожение всех крепостнических отношений, принудительного и контрактового труда, бесправности и неслыханной эксплоатации сельскохозяйственного пролетариата является одной из наших главных задач, связанных с мобилизацией широких масс крестьянства на борьбу против империалистической и феодальной эксплоатации под руководством рабочего класса.

IV. В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах повышения его способности к борьбе за свое освобождение, компартия Индии борется за:

1) Ограничение рабочего дня 8 часами в сутки для взрослых и 6 часами для подростков от 16 до 20-летнего возраста. Введение 6-часового рабочего дня во всех вредных предприятиях, в том числе в угольной промышленности, и бесплатное снабжение рабочих молоком и маслом.

2) Полную свободу профсоюзов, демонстраций, пикетирования и стачек.

3) Равную плату за равный труд для женщин, подростков и мужчин.

4) Полную отмену принудительного, контрактового труда и системы договорного закабаления рабочих.

5) Оплаченный обязательный еженедельный отдых и оплаченный ежегодный отпуск в четыре недели для взрослых и шесть недель для подростков.

6) Государственное страхование от безработицы, болезней, несчастных случаев, профессиональных болезней, старости, инвалидности, сиротства и компенсацию жертвам труда.

7) Установление государственного минимума зарплаты в размере 50 рупий, запрещение выдачи зарплаты товарами и установление законом еженедельного срока расплаты.

8) Запрещение предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и пр.).

9) Учреждение правильно организованного всестороннего санитарного надзора, с участием выборных от рабочих, за условиями труда во всех предприятиях, употребляющих наемный труд.

10) Уничтожение системы найма рабочих через джобберс, саранг и др.: наем и расчет рабочих производить через биржу труда, руководимую и контролируемую профсоюзами. Уничтожение всех феодально-кастовых обычаев и правил во внутреннем распорядке и жизни на предприятиях.

Кроме этого компартия Индии поддерживает и борется за все и всякие требования, направленные на улучшение положения рабочих (постройка новых жилищ за счет государства и предпринимателей, устройство санитарных уборных, чистых столовых и т. д. и т. п.).

Компартия Индии решительно высказывается против принципа арбитража и вмешательства буржуазных третейских судов. Компартия Индии подчеркивает со всей решительностью, что *единственным путем завоевания каких бы то ни было серьезных уступок со стороны эксплоататоров является путь несокрушимой классовой борьбы, путь забастовок и массовых революционных действий.*

В. Крестьянские требования

1) Компартия Индии борется за безвозмездную конфискацию всех земель и угодий, лесов и пастбищ туземных князьков, помещиков, ростовщиков и английского правительства и передачу их через крестьянские комитеты в пользу трудящихся масс крестьянства. Компартия Индии борется за полный разгром средневекового землевладения, за разгром, который «очистил» бы всю землю от всего средневекового хлама.

2) Компартия Индии борется за немедленную конфискацию всех плантационных хозяйств и передачу их в распоряжение революционных комитетов, выбранных плантационными рабочими, с выделением наделов, которыми плантаторы закрепляли контрактных рабочих, и также необрабатываемых земель плантаций в собственность батраков и бедных крестьян. При этом компартия Индии высказывается за национализацию крупных технически оборудованных плантаций и предприятий обрабатывающей промышленности, связанных с плантациями, для использования в интересах всего индийского народа.

3) Компартия Индии борется за немедленную национализацию всей системы орошения, полную отмену всякой задолженности и налогов и передачу руководства и контроля над оросительной системой в руки революционных крестьянских комитетов, выбираемых трудящимся крестьянством.

4) В целях дезорганизации английского господства и поддержки революционного натиска на него компартия Индии призывает крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежей и налогов и неисполнения постановлений и приказаний правительства и его агентов.

5) Компартия Индии призывает к отказу от платежа ренты, платежей за орошение, поборов и отказу от выполнения каких бы то ни было работ помещикам, туземным царькам и их агентам.

6) Компартия Индии призывает к отказу от выплаты долгов и задолженности государству, помещикам и ростовщикам, в какой бы форме они ни были.

7) Как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение компартия Индии призывает к немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения борьбы за осуществление всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от гнета английского империализма и его феодальных союзников.

8) Компартия Индии призывает к самостоятельной организации сельского пролетариата, особенно плантационных рабочих, к слиянию его с пролетариатом городским под знаменем коммунистической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты.

Со своей стороны компартия Индии твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных выше политических и

социальных преобразований достижимы лишь путем ниспровержения английского господства и создания федеративной рабоче-крестьянской советской республики.

Г. Раскрепощение париев и освобождение рабов

В результате владычества английского империализма в нашей стране сохранились миллионы рабов и десятки миллионов социально-отверженных и лишенных всяких прав трудящихся париев. Английское господство, помещичье землевладение, реакционная кастовая система, религиозный обман и все традиции рабско-крепостнического прошлого душат индийский народ, стоя на пути его освобождения. Оно привело к тому, что в Индии в XX в. сохранились парии, не имеющие права общаться со всеми людьми, пить из общих колодцев, учиться в общих школах и т. д. и т. п.

Вместо того чтобы решительно покончить с этим позорным пятном индийского народа, Ганди и другие конгрессисты призывают к сохранению кастовой системы, являющейся основой и оправданием существования социально отверженных париев.

Только беспощадное уничтожение кастовой системы в ее реформированном гандистском виде, только аграрная революция и насильственный разгром английского господства приведут к полному социальному, экономическому, культурному и правовому освобождению трудящихся париев и рабов.

Компартия Индии призывает всех париев выступить единым революционным фронтом со всеми трудящимися массами страны против английского господства и помещичьего строя и не поддаваться ухищрениям английских и реакционных агентов, стремящихся расколоть и натравить друг на друга трудящихся нашей страны.

Компартия Индии борется за полное уничтожение рабства, кастовой системы и кастового неравенства во всех его проявлениях (социальных, культурных и т. д.). Компартия Индии борется за полное, абсолютное равенство трудящихся париев со всеми трудящимися нашей страны.

Д. Борьба за интересы городской мелкой буржуазии

Компартия Индии призывает мелкие трудовые слои города поддержать революционную борьбу против английского господства помещиков, царьков и ростовщиков.

Буржуазия и Национальный конгресс, идя на компромисс с империализмом, предают интересы не только рабочих и крестьян, но и широких слоев городской мелкой буржуазии (ремесленников, уличных торговцев и др.).

Только полное уничтожение английского господства, обеспечивающее свободу нашей страны, радикальное изменение всей правительственной политики, а также уничтожение помещичьего землевладения и крепостнических пережитков во всем общественном строе Индии может создать условия для развития национального хозяйства страны и радикального улучшения условий жизни широких слоев городской мелкой буржуазии, ремесленников, городской бедноты.

Компартия Индии борется за отмену всех ростовщических долгов, закабаливших городскую бедноту. Компартия Индии борется за отмену всех прямых и косвенных налогов, акциза и других видов обложения на зарплату и мелкие заработки, разоряющих ремесленников, уличных торговцев, служащих и др., и за замену их прогрессивным налогом на все доходы капиталистов, рантье, банков, наследства. Компартия Индии борется за все революционные мероприятия, служащие интересам пролетариата и направленные на улучшение положения городской бедноты.

Г. Освобождение трудящихся женщин

Трудящиеся женщины Индии находятся в полурабском состоянии, страдая вдвойне от феодальных пережитков, экономического, культурного и правового неравенства. Трудящиеся женщины лишены какой бы то ни было самостоятельности в решении своей судьбы и во многих районах страны принуждены влачить свое существование в затворничестве, под чадрой, без права участия не только в общественной жизни, но и возможности свободно и открыто общаться с людьми, ходить по улице и т. п.

Наряду с этим эксплоатация и условия труда женщин-работниц поистине являются неслыханными по своей бесчеловечности и грабительскому характеру. Полурабское положение женщин в Индии является результатом наличия огромных крепостнических пережитков во всем общественном укладе страны, усиленно охраняемом английским империализмом.

Компартия Индии, отмечая, что нынешняя буржуазно-национальная организация женщин «Всеиндийская конференция женщин», руководимая Сароджини Найду, одной из вождей Национального конгресса, не ведет подлинной борьбы за раскрепощение женщин и на деле сотрудничает с английским империализмом, призывает трудящиеся массы женщин примкнуть к общей революционной борьбе трудящихся масс под руководством компартии за свержение строя и порядков, поддерживающих рабское положение индийских женщин.

Компартия Индии борется за полное социальное, экономическое и правовое равенство женщин. Компартия Индии борется за полную отмену ночной работы для женщин и воспрещение женского труда под землей (в угольных копях) и во всех отраслях, вредных для женского организма.

Компартия Индии борется за освобождение от работы и полную выплату зарплаты за два месяца до родов и два месяца после родов, при бесплатной лечебной и лекарственной помощи; устройство при всех заводах и фабриках, где работают женщины, яслей, за счет предпринимателей, для малолетних и грудных детей и помещения для кормления грудью и сокращение рабочего дня для них до 6 часов в сутки.

Ж. Солдатские требования

1) В борьбе за освобождение нашей страны Компартия Индии призывает к распространению революционной пропаганды среди солдат и полицейских и разъяснению необходимости вооруженного восстания совместно с трудящимися массами страны против английского господства.

2) Индийские солдаты и полицейские являются по своему социальному положению преимущественно бедными крестьянами, которых нищета, безземелье и голод заставили пойти на заработки в армию. Компартия Индии борется за наделение солдат землей наравне со всем трудящимся крестьянством. Компартия Индии призывает своих сторонников разъяснить солдатам и бывшим фронтовикам, что единственный путь получить землю, уничтожить задолженность и получить работу — это путь революционного свержения английского и феодального господства.

3) Компартия Индии призывает свои организации и сознательных рабочих и революционеров приступить к организации среди солдат революционных кружков, задача которых должна заключаться в том, чтобы убедить и подготовить солдат к выступлению на поддержку всенародного вооруженного восстания за свободу, землю и рабоче-крестьянскую власть. Необходимо разъяснять солдатам на конкретных примерах из повседневной жизни (произвол офицеров, расстрел демонстраций трудящихся, забастовки рабочих и т. п., грубое неравенство между белыми и индийскими солдатами, — худшая пища, одежда, содержание и т. д.) тот факт, что индийские солдаты являются лишь слепым орудием в руках английских хищников, используемым последними для национального и социального угнетения трудящихся масс нашей страны.

4) Компартия Индии призывает своих сторонников организовать бывших солдат, которые на деле убедились в обмане и эксплоататорской сущности английской власти, и создать из них «революционные организации бывших солдат» и там, где возможно, боевые дружины для подготовки и поддержки под руководством партии будущего народного восстания и аграрного движения.

5) Компартия Индии призывает сознательных рабочих организовать братание с солдатами-индийцами в целях установления теснейшего общения и разъяснения солидарности интересов рабочих, крестьян и солдат в борьбе за свободу и уничтожение всех форм эксплоатации.

З. Требования молодежи

1) Компартия Индии призывает революционную пролетарскую молодежь создать коммунистический союз молодежи. Комсомол Индии, будучи в условиях полного бесправия и террора нелегальной организацией, должен осуществить прямо и через посредство ряда подсобных легальных и полулегальных массовых организаций (секции молодежи в профсоюзах и т. д.) задачу организации широчайших слоев рабочей, крестьянской и революционной студенческой молодежи под знаменами коммунистической партии.

2) Комсомол Индии как помощник партии имеет особую задачу по организации трудящейся молодежи под знаменем коммунизма. Комсомол Индии должен выступить как политическая организация, подчиняющая все формы борьбы и организации масс — экономическую, культурную, спортивную — интересам политической борьбы, интересам свержения империалистического рабства и завоевания власти рабочим классом и крестьянством.

3) Компартия Индии призывает к повсеместной организации как смешанных, так и отдельных рабочих, крестьянских и студенческих дружин как для охраны народных демонстраций, забастовок и т. п., так и в целях систематической подготовки вооруженной борьбы индийского народа.

4) Компартия Индии призывает честную революционную молодежь помочь распространению политической пропаганды среди солдат и полицейских. Компартия Индии считает, что призыв к солдатам левых националистов — покинуть армию и уйти в отставку, согласно гандистской философии непротивления,— является неправильным. Задачи подлинных революционеров заключаются в том, чтобы убедить солдат, оставаясь в армии, подготовить и поднять, когда обстановка созреет, знамя вооруженного восстания и вместе с трудящимся народом свергнуть английское господство.

5) В интересах охраны трудящейся молодежи от физического и культурного вырождения и в интересах развития ее революционного наступления за национальное и социальное освобождение трудящихся масс компартия Индии берется за:

а) Ограничение рабочего дня 6 часами для молодежи от 16 до 20-летнего возраста. Воспрещение предпринимателям пользоваться наемным трудом детей до 16-го летнего возраста.

б) Всеобщее бесплатное и обязательное до 16 лет образование на родных языках, снабжение детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства. Введение профессионального обучения подростков за счет государства и предпринимателей.

в) Оплаченный ежегодный отпуск в 6 недель для подростков.

г) Государственное обеспечение безработных подростков в размере, обеспечивающем прожиточный минимум.

Заключение

Компартия Индии, выставляя свою программу требований индийской революции, призывает трудящиеся массы сплотиться под революционными знаменами партии и довести борьбу до успешного завоевания государственной власти и установления демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства в форме советов.

Компартия Индии заявляет, что успешное осуществление задач антифеодальной и освободительной революции откроет возможность, при поддержке международного пролетариата и классового наступления эксплоатируемых масс нашей страны, перерастания революции через ряд этапов в пролетарскую, и тем самым создаст предпосылки развития нашей страны по социалистическому пути, минуя дальнейшую стадию господства капиталистического строя.

В этой борьбе индийский народ не одинок. Он имеет союзника в лице революционных рабочих всех стран мира. Рабочие всего мира борются за свержение международного империализма и уничтожение всей системы капиталистической эксплоатации, переживающей сейчас глубочайший кризис. Кризис феодально-капиталистической системы эксплоатации Индии переплетается сейчас с мировым кризисом, который ведет к резкому обострению всех противоречий, к приближению войн и подъему новой волны революционных потрясений.

Растущий кризис вызывает рост упорного сопротивления и контрнаступления со стороны международного пролетариата и колониальных народов. Силы международной революции растут. В одной из стран мира, советской России, рабочий класс уже давно свергнул власть эксплоататоров и успешно строит социалистическое общество. Рабочие Советского союза создали твердый оплот международного коммунистического движения и на деле демонстрируют, как следует перестроить мир в интересах рабочих и крестьян. Советский союз является надежным союзником колониальных народов, в том числе и трудящихся Индии. Трудящиеся массы Индии получат поддержку революционных рабочих всех стран, особенно со стороны развивающейся китайской революции. Трудящиеся массы Индии получат поддержку и со стороны революционных рабочих Англии, руководимых английской компартией, в то время как правительственная Рабочая партия Макдональда и Независимая рабочая партия Макстона и Броквэя, являющиеся составной частью и агентами британского империализма, сделают все возможное, чтобы затянуть и держать петлю рабства и нищеты на шее индийского народа. Несмотря на все ухищрения империалистов и их реформистских агентов, революционный фронт мирового пролетариата и колониальных народов растет и крепнет с каждым днем.

Но для победы индийской революции необходима коммунистическая партия пролетариата — вождь и организатор трудящихся масс нашей страны. Создание централизованной, дисциплинированной, идейно единой, массовой подпольной коммунистической партии является сейчас *главной, основной исторической, давно созревшей задачей* революционно-освободительного пролетарского движения нашей страны.

Компартия Индии с гордостью заявляет о том, что она считает себя частью организованного международного коммунистического движения, секцией Коммунистического интернационала. Компартия Индии призывает всех передовых рабочих и преданных делу рабочего класса революционеров вступить в ряды строящейся компартии для борьбы за осуществление исторических задач индийской революции, компартии, которая в условиях английского господства и террора может существовать и развиваться только как подпольная партия, применяющая и использующая всякие легальные и нелегальные формы для развития своей массовой борьбы и завоевания трудящихся масс на борьбу за демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства. Компартия Индии создает свои партийные организации и группы во всех городах и на всех фабриках и заводах страны.

Компартия Индии организует рабочий класс и основные массы крестьянства под знаменами индийской революции и, несмотря ни на какие трудности, жертвы и отдельные поражения, несмотря на все ухищрения империалистов и индийской буржуазии изолировать революционное движение Индии от международного пролетариата, доведет борьбу трудящихся масс до полного разгрома английского господства и помещичье-крепостнического строя, чтобы затем, совместно с мировым пролетариатом, двинуться вперед на борьбу за создание социалистического общества в нашей стране и во всем мире.

Да здравствует независимость Индии.

Да здравствует рабочий класс, вождь трудящихся масс!

Да здравствует революционное восстание за независимость, землю, свободу и хлеб!

Да здравствует рабоче-крестьянская, советская власть!

Да здравствует мировая революция!

Приложение 2

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ИНДИЙСКИМ КОММУНИСТАМ [1].

Дорогие товарищи!

Революционная борьба трудящихся масс за свое национальное и социальное освобождение находится сейчас на переломе. Национальная буржуазия, предавшая революционный народ, всячески стремится, сохранив руководство народными массами, предотвратить надвигающуюся индийскую революцию.

От усилий, энергичной, самоотверженной борьбы и правильной политики индийских коммунистов в значительной мере зависит, удастся ли предательской буржуазии еще надолго удержать свое влияние в массах и успешно выполнять свою контрреволюционную задачу или рабочий класс, во главе со всеиндийской коммунистической партией, изолировав национал-реформизм, поведет трудящиеся массы города и деревни на победоносную борьбу за независимость, землю и рабоче-крестьянскую власть.

Объективная обстановка и рост классовой сознательности индийского пролетариата свидетельствуют о том, что второй исход имеет все данные на осуществление, *если* индийские коммунисты преодолеют *отставание* в создании массовой всеиндийской компартии, если они энергично, дружно, единодушно *на основе* опубликованной ими платформы действия и учтя опыт последних лет возьмутся за создание компартии и поведут подлинную, не на словах, а на деле организацию борьбы рабочих и крестьян

I. Расстановка классовых сил

Пытаясь сохранить свое влияние среди народных масс и не договорившись еще окончательно на II конференции Круглого стола, буржуазия продолжает свою политику соглашения с империализмом и предательства революционного народа. Британский империализм, используя контрреволюционный национал-реформизм в своих интересах, широко развер

[1] Опубликовано в № 16 журнала «Коммунистический интернационал» за 1932 г.

нул политику репрессий, провокаций, активизации реакционных элементов страны, пытаясь путем кровавого насилия разгромить подымающиеся рабочие и крестьянские массы, одновременно продолжая вести переговоры с буржуазией.

Сговор индийской буржуазии и английских империалистов тормозится в настоящее время тем, что в условиях углубляющегося экономического кризиса идет быстрое развитие революционного движения.

На фоне обострения экономического кризиса незначительное временное снижение налогов в отдельных провинциях нисколько не облегчило положения крестьянства, так как разорение, кабала, нищета, обусловленные всей системой империалистической и феодально-ростовщической эксплоатации и ныне усиленные падением сельскохозяйственных цен, ростом раствора промышленных и сельскохозяйственных цен и увеличением долгов и поборов достигли небывалых размеров. Хотя процесс втягивания крестьянских резервов происходит *неравномерно*, он приобрел уже настолько мощный характер (партизанская война в Бирме, Кашмире, выступления в Соединенных провинциях и т. д.), что, с одной стороны, принудил Национальный конгресс (занимавшийся переговорами о соглашении) продолжить дольше, чем он того хотел, свою игру в «оппозицию» в целях обмана масс и дезорганизации крестьянской борьбы, а с другой стороны, поторопил английских империалистов ускорить применение варварских форм массового террора для разгрома народного движения.

«Бомбей кроникл» от 7 января 1932 г. принужден был признать, что» ...замечательной чертой движения крестьян в Соединенных провинциях является то, что крестьяне стали своими собственными вождями... что крестьянское движение в большей степени начато *по инициативе* самих крестьян и что они связали себя с Конгрессом потому, что они не могли получить помощи от других организаций».

Вожди национального конгресса Ганди, Неру и К° в ряде выступлений принуждены были констатировать, что антиимпериалистический поток и аграрный все больше *начинают смыкаться*. Перепуганная буржуазия стремится сейчас к тому, чтобы дезорганизовать крестьянскую борьбу и *удержать* движение крестьянства в рамках смиренной экономической кампании за небольшие налоговые уступки и отсрочку уплаты долгов. Однако, несмотря на усилия Национального конгресса движение крестьянства начинает выходить за рамки, начертанные Конгрессом, недовольство политикой начинает распространяться все шире.

Недовольство политикой растет также в рядах городской мелкой буржуазии (подъем террористической волны, рост интереса среди отдельных элементов террористического движения к марксизму, выступления на собраниях студенческой молодежи Калькутты и т. д.) и в еще большей степени находит свое отражение среди рабочих масс.

Рабочий класс, начиная с 1928 г., своими массовыми выступлениями будил крестьянство и городскую мелкую буржуазию на борьбу против английского империализма, оказав огромное влияние на развитие народного движения 1930—1931 гг.

События последних месяцев (бомбейская демонстрация против Ганди, шолапурская стачка и т. д.) свидетельствуют о том, что процесс втягивания индийского пролетариата в экономическую и политическую борьбу, сопровождаясь отходом от Национального конгресса, нарастает и, несмотря на наблюдающуюся еще неравномерность, все больше и больше начинает принимать *всеиндийский* характер. Все факты свидетельствуют о том, что в большинстве случаев рабочие *сами* начинают стачки и что среди рабочих уже не только в Бомбее, но и в других местах растет слой *активных* рабочих, которые в состоянии не только стать цементом, вожаками массового революционного профдвижения, но при энергичной работе со стороны коммунистов стать массовым базисом крепкой рабочей нелегальной всеиндийской коммунистической партии.

Некоторые товарищи склонны думать, что в результате поражения бомбейской стачки 1929 г. в рабочем движении наступил регресс, упадок. Такая точка зрения безусловно ошибочна. Правда, поражение стачки, последовавшее в результате отсутствия компартии и пренебрежения задачей расширения стачки на Ахмедабад и Шолапур, и в особенности наступившая безработица в первой половине 1930 г., предпринимательский и полицейский террор, а равно недостаточная работа революционного крыла профдвижения безусловно отрицательно отразились на положении ГКЮ [1]. Но это ни в какой мере не оправдывает теории упадка, ибо именно в 1930—1931 г.:

[1] ГКЮ—Гирни Камгар Юнион—профсоюз текстильщиков (союз «Красного флага»).

1) произошел окончательный разрыв коммунистических групп с «левым» национал-реформизмом, впервые на деле началось строительство нелегальной коммунистической партии, 2) рабочие массы приняли самое активное участие во всех политических выступлениях, доходя до боев с полицией и войсками (Шолапур и др.), 3) в движение начали втягиваться стоявшие в стороне отсталые слои пролетариата Бангалор, Каунпор, Барода и т. д., 4) имел место ряд самостоятельных политических выступлений рабочих масс, рабочий класс своими методами борьбы наложил отпечаток на весь ход народного движения, передовые слои пролетариата начали открытую борьбу против Национального конгресса. Замечательным проявлением этого процесса отхода от Национального конгресса явилась историческая демонстрация бомбейских рабочих в день отъезда Ганди на конференцию Круглого стола и также демонстрации шолапурских стачечников против Национального конгресса.

Развитие стихийного рабочего движения, рост классовой сознательности пролетариата опровергают самым резким образом все теории о реакции среди рабочих масс, об упадке настроений, о низком уровне классовой сознательности индийского пролетариата *вне* Бомбея. Такие теории только подтверждают, что некоторые товарищи еще не изжили существующего неверия в силы рабочего класса, не связаны с рабочими вне Бомбея, путают вопрос о грамотности рабочих с уровнем их классовой сознательности. Эти товарищи принесли с собою в рабочее движение неизжитые ими верхушечные антипролетарские организационные принципы Национального конгресса, *деление на вожаков и массы*, практическое неверие в силы революционных низов и потому не в состоянии объяснить *возникновение стихийных экономических стачек и огромного участия рабочих масс в антиимпериалистическом движении.* Это свидетельствует о том, что многие коммунисты еще не продумали опыт конца 1927 и 1928 гг., когда бомбейские текстильщики, к удивлению революционеров-вожаков, в два счета разделались с реформистской группой Джоши и дружно выступили за платформу «Красного флага».

Можно с полным правом сказать, что в Индии «сила современного движения — пробуждение масс (и главным образом промышленного пролетариата), и слабость его — недостаток сознательности и инициативности руководителей революцинеров» (*Ленин*).

Общая картина коммунистического движения неудовлетворительна: с одной стороны, огромное по сравнению с прошлым невиданное для Индии развитие рабочего движения, а с другой стороны, неоформленная компартия, состоящая из небольшого числа групп (правда, число их растет) слабых, зачастую от масс изолированных, друг с другом не связанных, политически не единых, в ряде мест не четко отмежевавшихся от национального реформизма, ведущих примиренческую к нему политику. Вместо борьбы за единую всеиндийскую компартию процветают местничество, провинциализм, самоизоляция от масс и т. д., которая, если еще могла до некоторой степени быть понята в 1930 г., становится сейчас самым *злейшим* врагом революционного пролетарского движения.

Отставание коммунистического авангарда надо решительно и быстро изжить. Это — первая и *важнейшая* задача всех согласных с платформой действия компартии Индии (КПИ) честных, преданных делу индийского и мирового пролетариата революционеров-коммунистов.

II. Коммунисты и борьба за независимость

Наибольшей ошибкой, которую совершили индийские коммунисты, является фактическое *самоустранение* от массового, народного движения против английского империализма. Несмотря на то, что об этой ошибочной политике говорилось в документах коммунистического движения, перелома еще нет, самоизоляция от борьбы за независимость *все еще* остается.

В июне 1930 г. в одном из документов бомбейской партийной организации было сказано:

«Мы пришли в Бомбее к такому положению, когда мы на деле ушли от борьбы и оставили поле действия целиком Национальному конгрессу. Мы ограничили нашу роль ролью небольшой группы, которая сидела в стороне и публиковала изредка... листовки. Результат был такой, какого следовало ожидать. В умах рабочих росло мнение, что мы ничего не делаем и что конгресс — единственная организация, которая ведет борьбу против империализма, и поэтому рабочие начали следовать руководству Конгресса.

... Итак, мы видим, что в результате нашего самоустранения от массовой политической борьбы в Бомбее и

отсутствия попыток вести массовое движение Конгресс усилил свое влияние в Бомбее. Отсутствие попыток вести массы, организовать их, изолировать реформистов привело к вредным последствиям и в отношении роста компартии».

Самоустранение коммунистов от антиимпериалистической массовой борьбы как якобы конгрессовского движения привело к состоянию разброда в коммунистическом движении, усилило среди интеллигентов-коммунистов неверие в силы пролетариата и рост его классовой сознательности, затруднило процесс размежевания в революционном движении и изоляцию «левых» национал-реформистов от рабочих масс, укрепило позиции буржуазного Национального конгресса.

А между тем вся история индийского рабочего движения свидетельствует о том, что это является крайне опасной ошибкой. Еще на заре индийского рабочего движения Ленин, оценивая участие бомбейских рабочих и демонстраций протеста против ареста Тилака в 1908 г., пишет:

«Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической борьбы, а раз это стало так, песенка английско-царистских порядков в Индии спета».

Движение 1921/22 г. показало дальнейший рост пролетариата. Даже враги революционного пролетариата, как например Ганди, вынуждены были признать (см. «Молодая Индия»), что рабочие Бомбея, Ахмедабада и других городов выступили в этот период активнейшей силой, смертельно напугав буржуазный Национальный конгресс. А ведь нынешний период, развивающийся под влиянием китайской революции и успешного строительства социализма в СССР, свидетельствует (бомбейские стачки, бойкот комиссии Саймона и Уитли, мирутский процесс, движение 1930—1931 гг., формирование компартии и т. д.) о *гигантском* размахе рабочего движения, его развитии вперед и его особой активности в борьбе за независимость. Вся история рабочего движения решительно опровергает взгляды всех тех, кто не верит в силы пролетариата и его способность бороться за руководство народным движением. Если буржуазному Национальному конгрессу, резко враждебному пролетариату и всегда стремившемуся отвлечь рабочих и крестьян от борьбы против капиталистов и помещиков, до сих пор удалось осуществлять свое влияние на широкие массы рабочих, то это объясняется тем, что буржуазный национал-реформизм умело использовал ненависть рабочих масс по отношению к английскому империализму, навязывал им политику внутреннего классового мира, прикрываясь фразами об «общенациональной борьбе». Таким образом путь освобождения пролетариата от влияния предательской буржуазии и превращения его (пролетариата) из активнейшей политической силы в *руководящую*, в гегемона общенародного движения лежит в *настоящее* время через разоблачение буржуазного Национального конгресса и его «левого» крыла — Босе, Кандалкара, Роя и т. д. как предателей борьбы за *независимость* и может быть осуществлен лишь при условии энергичного участия компартии в борьбе за независимость на основе непримиримой борьбы против национал-реформизма.

Это участие в антиимпериалистическом движении *самым тесным* образом связано и переплетается с энергичным участием коммунистов в повседневной борьбе за экономические интересы рабочих масс, с самой энергичной поддержкой, организацией и развертыванием крестьянской борьбы, аграрной революции и привлечением на свою сторону всех революционно-демократических элементов, готовых бороться против английского империализма.

Предпосылкой правильной политики коммунистов в антиимпериалистическом движении является четкая, резкая, *бескомпромиссная* борьба и разоблачение Национального конгресса и особенно «левых» национал-реформистов, и в первую очередь особой разновидности группы Роя — Кандалкара.

Однако, борясь против «левого» национал-реформизма, неправильно отгораживаться от массового народного движения, которое внешне оказалось под руководством Национального конгресса. Необходимо различать между буржуазным конгрессовым руководством и теми слоями рабочих, крестьян и революционными элементами городской мелкой буржуазии, которые, не разобравшись в предательском характере Национального конгресса, последовали за ним, правильно видя в английском империализме *основу* своего рабства.

Национальный конгресс повел за собой массы городского обывателя, рабочих, студенческую молодежь, ремесленников и т. д. (принимавших участие в ряде вооруженных столкновений с полицейскими силами английских империалистов) лишь на почве уверений в своей преданности освободительному движению, используя неизжитые «общенациональные» иллюзии и ненависть народных масс к кровожадному грабительскому империализму, а отнюдь не увлек их

своей положительной программой, которая под туманными «радикальными» обещаниями скрывает буржуазно-помещичье содержание.

Для того чтобы изолировать Национальный конгресс и всех «левых» национал-реформистов от трудящихся масс, для того чтобы помочь размежевке сил революции и контрреволюции и установлению гегемонии пролетариата в общенародной борьбе, индийские коммунисты должны принять самое энергичное участие в антиимпериалистическом движении и быть впереди всех во *всех* выступлениях, демонстрациях и столкновениях трудящихся масс против империалистов, выступая организаторами массовой борьбы, всюду и постоянно на конкретных примерах открыто разоблачая предательство буржуазного Национального конгресса и его «левого» крыла. Необходимо принимать участие во всех *массовых* демонстрациях, организуемых Конгрессом, выступая *со своими коммунистическими* лозунгами и агитацией, поддерживать все революционные студенческие демонстрации, участвуя впереди в столкновениях с полицией, протестуя против всех политических арестов и т. д. и т. п., постоянно критикуя конгрессовское руководство и призывая массы к высшим формам борьбы, ставя перед ними все более конкретные, все более революционные задачи.

Опыт Гирни Камгар подтверждает правильность этого анализа. Группа Кандалкара — Роя сумела расколоть профсоюз ГКЮ, так как она выступила перед рабочими с призывом поддержать единый национальный фронт против английских империалистов, с уверениями о своей преданности борьбе за независимость, на деле помогая Национальному конгрессу дезорганизовать революционную борьбу масс. Только при помощи «антиимпериалистической» фразеологии, используя ненависть рабочих масс к империалистам, добились национал-реформисты привлечения на свою сторону значительных слоев рабочих.

И если наличие «общенациональных» иллюзий имело свое значение, самоустранение коммунистов объективно помогло национал-реформистам и замедлило процесс отхода рабочих от Национального конгресса. Предательская группа Роя — В. Н. Джоши — Кандалкара стремится скрыть свою контрреволюционную сущность и принадлежность к национал-реформистскому лагерю путем применения старого буржуазного метода,—обвиняя коммунистов в ультрарадикализме и сектантстве.

Это обвинение в сектантстве по сути сводится к обвинению коммунистов в их большевистской непримиримости к национал-реформизму, в их революционной ненависти к империалистической и феодальной системе эксплоатации, в их последовательной и неустанной подготовке и мобилизации трудящихся масс к революционному свержению империалистического господства.

Предательская группа Роя — Кандалкара и К° в своем обращении к съезду профсоюзов в Калькутте, в листовке, выпущенной в Бомбее против Брэдли и мирутских заключенных, в своем осуждении позиции революционного крыла на Нагпурском съезде профсоюзов, организацией реакционного блока с группой Джоши — Гири — Бакхали, дезорганизаторской работой на железных дорогах, в своей борьбе против всеобщей стачки, платформы действия компартии Индии и т. д. и т. п. — лишний раз доказала, что она проводит политику подчинения рабочего класса буржуазии, препятствует диференциации и отходу трудящихся масс от национал-реформизма и дезорганизует революционную борьбу рабочих и крестьян за независимость, землю и хлеб.

Клянясь в преданности Коминтерну, группа Роя — Кандалкара — В. Н. Джоши на деле является злейшим врагом международного революционного пролетариата и индийской антиимпериалистической и аграрной революции.

Вывод из всего сказанного таков: создание всеиндийской компартии, изоляция национал-реформистов и развертывание народной революции под руководством пролетариата осуществимо *только* тогда, когда коммунисты решительно изживут свое самоустранение от антиимпериалистической борьбы масс и решительно сливаясь с ними в боевых выступлениях и увлекая их своим примером, выступая во главе масс, резко и беспощадно разоблачая и борясь против Национального конгресса и его «левого» крыла, — сумеют *своей* коммунистической работой *на деле* доказать, что компартия — вождь народных масс — единственно способна возглавить антиимпериалистическую и аграрную революцию.

Следуя этой линии, коммунисты должны бороться против настроений и тех товарищей, которые к самоустранению от массовой антиимпериалистической борьбы приходят через желание сохранить кадры якобы для того, чтобы выиграть время для создания партии.

Такая установка вредна и близорука. Сохранение кадров, обеспечение преемственности и создание нелегальной пар-

ли является *необходимейшей* задачей, но она должна быть осуществлена не за счет самоустранения от антиимпериалистической борьбы, а лишь правильным построением и сочетанием нелегальных и легальных методов работы и организации и самым энергичным *вовлечением* и выдвижением *новых* кадров из рабочих и проверенной революционной молодежи.

III. Борьба против Национального конгресса и мелкая буржуазия

Рост недовольства широких масс политикой Национального конгресса (переговоры в Лондоне и т. д.) в прямой связи с углублением кризиса, наступлением империализма и дальнейшим революционизированием трудящихся масс принудил вождей Национального конгресса пойти на новые «левые» маневры в целях укрепления своего влияния. Крайне характерным в этом отношении является также тот факт, что «левые» национал-реформисты Бозе и др. *вновь* поставили вопрос о своей готовности создать отдельную организацию «левых», начали критику участия национального конгресса на конференции Круглого стола и т. д. и т. п. (конференция молодежи в Махарастре) — все для того чтобы *еще раз* надуть массы и организовать, если понадобится, отводя особые задачи группе Роя — Кандалкара, громоотвод по типу прежней Лиги независимости. Эти маневры буржуазии свидетельствуют о процессе брожения и разочарования, который ширится среди трудящихся масс, и подтверждают *правильность* указания платформы действия компартии Индии о необходимости самой резкой размежевки, критики и разоблачения «левого» национал-реформизма, в том числе его передового отряда — группы Роя — как необходимой предпосылки мобилизации трудящихся масс на революционную борьбу и создания массовой компартии.

Борясь против буржуазного Национального конгресса, некоторые товарищи ошибочно ставят знак равенства между буржуазией и мелкой буржуазией, механически противопоставляют «классовые» интересы пролетариата освободительному движению в целом, в то время как другие коммунисты, борясь против этой ошибочной установки, *забывают* о буржуазии, забывают о неустойчивости, шатаниях, колебаниях мелкой буржуазии, на деле иногда сливаясь или следуя за нею, тем самым объективно подчиняя пролетариат руководству национальной буржуазии.

Ошибочно например утверждение деятелей профдвижения («Бомбей кроникл») о том, что раскол в Калькутте — это дело *только* рабочих, касается только профдвижения, затрагивает только экономическую борьбу и не касается «патриотически» настроенных националистов. Борьба внутри рабочего класса с буржуазией за большинство рабочего класса имеет решающее значение для всего антиимпериалистического движения. Раскол в Калькутте есть также существенный этап антиимпериалистической борьбы и размежевки сил революции и контрреволюции. Организация всеиндийского центра классового профдвижения должна послужить, *несмотря на допущенные ошибки*, не только классовому сплочению пролетариата, но и помочь мобилизации крестьянства и революционных слоев мелкой буржуазии вокруг пролетариата и его коммунистического авангарда. А для этого необходимо также отличать революционный патриотизм трудящихся масс, страдающих от национального угнетения, от предательского контрреволюционного якобы патриотизма буржуазии. Надо научиться доказывать, что та часть съезда профсоюзов, которая пошла за Бозе, Кандалкаром, Роем и К°, выступила и ведет борьбу против «патриотизма» революционного народа. Тот, кто отрывает классовые интересы пролетариата от борьбы за независимость, *на деле* толкает трудящиеся массы и революционные слои мелкой буржуазии в объятия Национального конгресса и его «левого» крыла, укрепляет позиции буржуазии вместо того, чтобы вести трудящиеся массы за собой и бороться за гегемонию пролетариата.

Ошибкой противоположного характера является утверждение некоторых товарищей о том, что антиимпериалистическое движение 1930 и 1931 гг. можно было характеризовать как движение городской мелкой буржуазии. Из поля зрения сторонников такой позиции выпадают пролетариат и крестьянство — основные силы индийской революции — и контрреволюционная буржуазия с ее огромным еще влиянием на народные массы. Вся тактика коммунистов в итоге объективно направляется к городской мелкой буржуазии и через нее к смазыванию критики Национального конгресса и «левых» национал-реформистов. У сторонников таких взглядов под влиянием колебаний городской мелкой буржуазии

в конце 1930 г. выросла теория «реакции» в рабочем движении (см. газету «Рэйлвеймен», ноябрь 1930 г.), свидетельствующая о влиянии колебаний мелкой буржуазии на отдельные прослойки коммунистов. Эта теория неправильно объясняла обстановку 1930 г. и была бы ошибочна для современного периода. Правильно ли изображать дело так, как это делает «Рэйлвеймен», что рабочий класс в 1930 г. «пришел в брожение» под влиянием недовольства мелкой буржуазии и подпал под ее руководство.

Нет, неправильно. В 1923—1929 гг. пролетариат своими стачками, своей борьбой против комиссии Саймона — Уитли, революционной позицией пролетарского авангарда на съезде профсоюзов в Нагпуре и т. д. будил мелкую буржуазию на антиимпериалистическую борьбу. В 1930 г. наиболее активным элементом всех массовых выступлений в городах Бомбее, Шолапуре, Калькутте, Мадрасе и т. д. был рабочий класс. В ряде случаев передовые слои рабочих стихийно захватывали инициативу в свои руки, привлекая студенчество и городскую бедноту на свою сторону (Калькутта и др.). Поэтому недооценивать рост революционной сознательности и активности рабочего класса, утверждать, что он являлся придатком к мелкой буржуазии, значит на деле не видеть процесса развития пролетариата, тащиться в хвосте событий, отказываться от создания массовой компартии и сваливать на рабочих свой пессимизм, близорукость и неумение организовать борьбу рабочего класса. Изображая мелкую буржуазию как руководящую силу движения 1930 г. и выводя отсюда теорию «реакции», авторы статьи делают ошибку и в том смысле, что смазывают вопрос о предательской национальной буржуазии, которой удалось в 1930 г. повести за собой мелкую буржуазию и значительные массы из тех слоев рабочих и крестьян, которые впервые втянулись в освободительное движение. Утверждая, что рабочий класс пошел за мелкой буржуазией, авторы статьи смазывают буржуазный характер Национального конгресса, ставят знак равенства между мелкой буржуазией и буржуазией и на деле мешают разоблачению национал-реформистов, объективно способствуя распространению вредной теории о необходимости смягчить критику Национального конгресса, дабы не отпугнуть идущие за ним массы.

То, что автор статьи называл «реакцией», на деле означало, что среди рабочих усилилось недовольство предательской политикой Национального конгресса, началось изживание общенациональных» иллюзий, начался отход от Национального конгресса. Отсутствие компартии тормозит этот процесс и дает возможность врагам рабочего класса вносить деморализацию в ряды пролетариата. Именно с этой точки зрения, не сваливая на рабочих ошибки революционного руководства, следует внимательно вдуматься в выступление Рюнкара и резолюцию, принятую нагпурским профсоюзом текстильщиков в январе 1932 г. Заявляя о растущем недоверии рабочих к вождям Национального конгресса, Рюнкар призывал рабочих не поддерживать ни одной политической партии, а вести *только* повседневную экономическую борьбу, и уговорил нагпурский профсоюз текстильщиков принять резолюцию о том, чтобы больше не участвовать в конгрессовском движении и ограничиться только профсоюзной борьбой («Б. К.» — 14 января).

Эти факты, свидетельствуя об отходе рабочих от Национального конгресса и о предательской работе национал-реформистов Кандалкара — Рюнкара — Роя, подтверждают еще раз вредность и опасность теории «реакции», связанной с самоустранением от антиимпериалистической борьбы и неверием в силы рабочего класса. Самоустранение от антиимпериалистической борьбы облегчает работу всех агентов империализма, пытающихся *отвлечь* рабочих от политической борьбы, дезорганизовать их ряды именно *в тот момент*, когда втягиваются миллионы крестьянства, когда растет разочарование и недовольство Национальным конгрессом, начинают изживаться иллюзии о надклассовом характере Национального конгресса, становится яснее предательство Национального конгресса в борьбе за свободу и интересы крестьянства.

В тесной связи с ошибками, разобранными выше, находится вопрос о недооценке опасности «левого» национал-реформизма и недостаточной против него борьбы. Во всех выступлениях коммунистов (листовка к съезду Национального конгресса в Карачи и т. д.) вопрос о «левых», и особой функции и специальной роли — *не ставится*. Борьба ведется против лиц, но не разоблачается «программа», маневры, суть левого национал-реформизма. Ошибка такого рода была допущена на съезде профсоюзов в Калькутте. А ведь не случайно то, что «левые» национал-реформисты спешат надеть «социалистические» доспехи и ренегат Рой клянется в преданности Коминтерну. «Левые» будут все больше

выступить на первый план, особенно группа Роя, специальная задача которой вести разрушительную работу среди пролетарского *авангарда*. В корне ошибочна была позиция тех товарищей, которые добивались единства с Кандалкаром, ибо они вместо принципиальных вопросов борьбы против национал-реформизма, подставляя вместо этого вопрос о лицах, забывая, что позиция групп и лиц всегда выражает интересы определенных классов, скатывались к соглашению с Национальным конгрессом. Ошибочна точка зрения тех товарищей, которые думают, что критика «левых» национал-реформистов в профсоюзах может привести к изоляции компартии. Наоборот, при условии перенесения критики *в массы* коммунисты только усилят свое влияние, завоюют массы на сторону своей программы. Надо ловить «левых» национал-реформистов на слове, надо их фразы с обращением к народу изобличать перед народом, *сравнивая с их делами*, показывая, что при первой и самой маленькой проверке на деле они, по примеру прошлых лет, вместо борьбы с империалистами пошли на конференцию Круглого стола, вместо поддержки крестьянства помогли империалистам собирать налоги, а сейчас дезорганизуют движение неплатежа, вместо поддержки рабочих саботируют всеобщую стачку, вместо революционной борьбы проповедуют смирение и ненасилие, вместо поддержки революционных рабочих раскололи съезд профсоюзов в Калькутте и заключили соглашение с группой Джоши и Гири, заядлыми агентами империалистов, и т. д. и т. п. Поэтому ошибочным следует признать также то, что пролетарские революционеры, борясь с национал-реформистами в Калькутте (при расколе Всеиндийского конгресса профсоюзов), не выступили одновременно с отдельной декларацией против группы Сен—Гупта и К°, тем самым затруднив размежевку и борьбу против национал-реформизма.

Борьба против национал-реформизма, тем более его опасной разновидности — группы Роя—Кандалкара, служит основой и связана с преодолением двух ошибочных точек зрения, выявившихся в процессе формирования коммунистического движения. Одна — пассивное сопротивление широкой вербовке революционных рабочих в ряды партии, а другая — *смазывание классового характера коммунистической партии*. Ошибочно предлагать революционным мелкобуржуазным организациям *сливаться* с компартией. Союз пролетариата с крестьянством — *это основа* всей стратегии индийской компартии, но, борясь за руководство антиимпериалистической и общекрестьянской борьбой, не нужно забывать ни на одну минуту об отдельной организации городского и сельского пролетариата и о создании совершенно *самостоятельной* классовой партии — коммунистической партии. Борясь в союзе с крестьянством, индийский пролетариат обязан сохранять свою классовую самостоятельность, и это единственная гарантия не только того, что он сумеет обеспечить свою гегемонию (при наличии компартии) в общенародном движении, но и сумеет после свержения власти империалистов *потянуть* за собой большинство угнетенного крестьянства на борьбу за социализм.

IV. Крестьянство и движение неплатежа налогов

Огромный рост крестьянского движения, принявшего в отдельных районах характер партизанской войны, выступления в Соединенных провинциях и т. д. явился главной причиной, заставившей Национальный конгресс, прикрываясь «левыми» маневрами, все больше двигаться направо, против революционного народа. Национальный конгресс в продолжение $1\frac{1}{2}$ лет всячески оттягивал движение «неплатежа ренты и налогов», помогал английским империалистам собирать налоги и долги с крестьянства, а теперь, заявив на словах о своем сочувствии движению неплатежа, на деле продолжает вести против него свою дезорганизаторскую контрреволюционную работу.

Движение неплатежа носит теперь *стихийный* характер. Задача коммунистов заключается в настоящее время в том, чтобы, *следуя* указаниям, записанным в платформе действия компартии Индии, приступить на деле, *привлекая* все революционно-демократические элементы к организации массового движения неплатежа налогов, ренты, долгов, придавая ему антиимпериалистический характер борьбы за независимость.

Только на этом пути, показывая на конкретных примерах, как «радикальные» слова Национального конгресса расходятся с его дезорганизаторскими делами, удастся *изолировать* национал-реформистов и развернуть могучее крестьянское движение. Помимо прямой агитационной и организационной работы партии и использования рабочих, связанных с деревней, необходимо привлекать *рядовых* сторонников Националь-

ного конгресса союзов молодежи, крестьянских и прочих организаций взяться за организацию *повсеместного* движения неплатежа вопреки и через голову Национального конгресса, организуя *крестьянские комитеты*, дружины самообороны и устанавливая связь с городскими рабочими.

Неправильно при этом противопоставлять лозунг всеобщей стачки массовому, народному движению неплатежа, гражданского неповиновения и бойкота. Задача коммунистов заключается в том, чтобы, поддерживая массовые движения, захватить руководство в свои руки и, разоблачая на конкретных примерах Национальный конгресс, переводить движение на рельсы подлинной революционной борьбы.

V. Лозунг всеобщей стачки и борьба за большинство пролетариата

В конце 1930 г. среди отдельных революционеров (см. статью «Рэйлвеймен») наблюдалось отрицательное отношение к лозунгу всеобщей стачки. Свое отрицательное отношение товарищи объяснили тем, что рабочие недостаточно еще сознательны и что большинство профсоюзов выступает против этого лозунга.

В основе такой позиции лежала неправильная оценка общего положения, неверие в силы рабочего класса и путаница в вопросе о тактических задачах коммунистов.

Объективная обстановка в 1930 г. и теперь свидетельствует о том, что лозунг всеобщей стачки вполне назрел, *соответствует* соотношению классовых сил и является для ближайшего этапа борьбы рабочего класса за гегемонию в общенародном движении одним из *основных* объединяющих лозунгов.

Автор статьи спутал вопрос о лозунге всеобщей стачки как тактической линии коммунистов с вопросом о *сроке* назначения стачки, который зависит от ряда конкретных факторов. Нельзя под предлогом борьбы против выбора срока стачки вести борьбу против тактической линии революционного пролетариата. «Учет «настроения»... важен для учета момента действия, но не для определения тактической линии действия рабочего класса» (Ленин).

Неправильно также решать вопрос о лозунге всеобщей стачки в зависимости от позиции верхушечных профсоюзов.

Индийские профсоюзы в своем подавляющем большинстве являются верхушечными бюрократическими организациями, действующими против интересов рабочих масс, *не связанными* с ними, сила которых в настоящее время заключается в неорганизованности рабочих, использовании антиимпериалистических настроений и слабой работы пролетарских революционеров. Достаточно вспомнить бомбейский опыт 1928 г. и быстрый разгром текстильного «союза» Джоши и К°.

Нельзя брать вместо отношения рабочих масс к лозунгу всеобщей стачки позицию реформистской верхушки. Это является грубой ошибкой.

Для того чтобы сломить дезорганизаторское влияние и работу реформистов всех мастей, необходимо было не снимать лозунга всеобщей стачки, а перенести борьбу за него в *низы*, в массы, разоблачая реформистов и *организуя* рабочих.

События последних месяцев (рост стачек, все более настойчивые требования железнодорожных рабочих объявить стачку, рост безработицы и нищеты, сопротивление террору империалистов и т. д. и т. п.) свидетельствуют о том, что поддержка лозунга всеобщей стачки *увеличивается*. Задача коммунистов — не на словах, а на деле выступить *застрельщиками* борьбы рабочих, приступить к организации рабочих, приступить к организации стачкомов, привлекая и используя помощь *всех* революционных демократических организаций, союзов молодежи, рядовых революционных (пока обманутых Национальным конгрессом) сторонников Национального конгресса и, мобилизуя все силы, через голову реформистских профбюрократов развернуть стачечные движения — в первую очередь на железных дорогах — и от них и через них, связывая с политическими требованиями, подвести массы ко всеобщей политической стачке. Мы с радостью приветствуем тот факт, что индийские пролетарии, как об этом свидетельствует ряд сообщений в профсоюзной газете «Рэйлуэй Маздур», правильно поняли эту задачу и приступают к ее осуществлению. Всеобщая стачка будет иметь историческое значение в развитии революционного движения и превращения пролетариата в руководящую силу, мобилизации вокруг него крестьянства и городской бедноты и нанесет первый могучий удар власти империалистов, подведя революционный народ вплотную к высшей форме борьбы — революционному восстанию.

Развитие стачечной борьбы ставит с *особой* остротой перед коммунистами задачу создания массовых профсоюзов, фабзавкомов и уменья сочетать борьбу за повседневные интересы с политической борьбой. Ревпрофдвижение имеет ряд отдельных успехов: стачки в Шолапуре и в Бомбее, созыв конференции текстильных рабочих с участием 400 делегатов от 60 предприятий, укрепление позиции среди железнодорожников, расширение рабочей печати и т. д.

Однако слабость ГКЮ, потеря руководства стачкой на фабрике «М. Дбарамши», потеря руководства в союзе трамвайщиков и т. д. свидетельствуют также о том, что коммунисты пренебрегают повседневной работой на предприятиях и в профсоюзах, не *сколачивают* рабочий актив, не создают комфракции, не ведут достаточно повседневной организационной и агитационной работы. А между тем, *только* руководя и защищая интересы рабочих в больших и малых боях *ежедневно и постоянно*,— при наступлении и отступлении компартия сумеет завоевать нерушимое *доверие* рабочего класса и подвести его к беззаветной решающей схватке с эксплоататорскими классами.

Пора наконец *окончательно* изжить традиции прошлого, традиции верхушечных бюрократических методов работы в профдвижении, деление на вожаков и низы и приступить к созданию массовых профсоюзов с *выборными* правлениями, состоящими из рабочих от станка, регулярно функционирующими и *связанными* с рабочими массами, смелее выдвигая рабочих, поддерживая их и всячески развивая их инициативу и уверенность в своих силах.

Необходимо повести энергичную работу среди рабочих, идущих за реформистскими профсоюзами. Глубоко ошибочной является практика самоизоляции от рабочих собраний и массовых профсоюзов, находящихся под влиянием реформистов. Коммунисты должны *всегда* принимать в них участие и вести работу среди рабочих, убеждая их примкнуть к *единому* боевому фронту пролетариата.

Необходимо во время стачек и других рабочих выступлений (экономических и политических) обращаться к рабочим, идущим за реформистами, с предложением помочь общей борьбе, принять участие в низовых комитетах единства, выдвигая свои требования и т. д. и т. п., и таким путем *на деле* бороться за единство рабочих, разоблачая реформистов.

В такой же степени необходимо изменить пренебрежительное отношение коммунистов к вопросам *всеиндийского* профдвижения и изжить особую теорию, которая гласит, что «конгресс профсоюзов— это не живой вопрос для индийских рабочих». Здесь, как и в остальных вопросах, проявляется неверие в рабочий класс, *противопоставляются* местные задачи всеиндийским, профсоюз ГКЮ противопоставляется конгрессу профсоюзов.

Такое противопоставление абсолютно вредно. Развертывая в сотню раз больше свою активность *по укреплению ГКЮ* и превращению его во всеиндийский текстильный профсоюз (включая Шолапур, Ахмедабад, Нагпур и т. д.), необходимо решительно разделаться с пренебрежительным отношением к задачам всеиндийского профдвижения и *приступить* к созданию массовых профсоюзов по всей стране — в угольной, сталелитейной, джутовой, плантационной, железнодорожной отраслях промышленности, *привлекая* на свою сторону рабочих из реформистских профсоюзов.

После раскола калькуттского съезда профсоюзов революционное крыло ничего не предприняло для создания массового профдвижения, в то время как национал-реформисты ведут кампанию единства (т. е. дезорганизации революционного пролетариата), провели ряд всеиндийских кампаний («Рабочий день» и т. д.), создали текстильную федерацию, захватили инициативу на железных дорогах, создают губпрофсоюзы и т. д. и т. п.

Революционное профдвижение *в состоянии* уже теперь послать целые группы из числа активных рабочих в разные центры для того, чтобы приступить к работе в низах, среди рабочих. Смело *выдвигать* рабочих и проверенных на работе революционных интеллигентов-коммунистов, приступить к подлинно массовой работе, окончательно отказаться от ряда ошибочных положений, рассмотренных выше, — только идя по такому пути, коммунисты сумеют на деле приступить к организации пролетариата и развернуть борьбу за гегемонию рабочего класса в общенародном движении.

VI. Борьба за всеиндийскую партию

Крупнейшим завоеванием пролетарского движения, *важнейшим сдвигом вперед* является то, что передовые рабочие и революционеры порвали с Национальным конгрессом и приступили к созданию нелегальной компартии. Идея нелегальной компартии *уже* воспринята и начинает проводиться в жизнь.

Однако развитие индийского коммунистического движения *сейчас* парализуется состоянием разброда, обособленности партийных групп и связано рядом ошибок, отмеченных выше, без преодоления которых движение дальше нормально развиваться не может.

Если период отдельных кружков можно было считать неизбежным в 1930 г. и в начале 1931 г., то в настоящее время такое положение является глубоко вредным и опасным для дальнейшего развития коммунистического движения.

Движение достигло сейчас такой ступени развития, когда *абсолютно необходимо* решительно и твердо поднять знамя борьбы за всеиндийскую коммунистическую партию, за объединение и сплочение всех коммунистических групп, за организацию и идейное *единство* коммунистических рядов, используя и развертывая инициативу снизу в деле строительства новых местных групп и организаций.

Исходя из этого, следует признать, что партийная организация не вела правильной линии и вместо борьбы за партию по существу вела курс на провинциализм, вместо помощи местным группам на деле заняла позицию самоограничения и сведения всей партии к одной лишь локальной организации, не связываясь с другими местными организациями. Вместо того чтобы поднять и организовать *идейную* борьбу за партию, широко разъяснить и обсуждать все принципиальные вопросы движения (для чего также необходимо в *кратчайший срок* создать нелегальный печатный орган Центрального комитета и легальные газеты), партийная организация даже не сумела продолжить издание легальной марксистской газеты всеиндийского значения. Отсутствие такой печати (а подмена ее одной профсоюзной печатью дела не спасает) не только загоняло вовнутрь все разногласия, мешая выработке единой партийной линии, но сыграло огромную отрицательную роль в строительстве компартии, укреплении связей *между* различными районами, развитии классовой борьбы против империалистов и буржуазии и завоевании рабочих и революционной молодежи на сторону компартии. Всюду в стране (в Калькутте, Мадрасе, Пенджабе и т. д.) появляются революционные газеты, пытающиеся проповедывать марксизм, защищать пролетарскую точку зрения. А между тем отсутствие нелегальной (и легальной) партийной печати чрезвычайно *затрудняет* воздействие на массы, борьбу против путаницы, разногласий, грубейших ошибок, *мешает* выработке *единой* коммунистической линии и установлению единства взглядов и методов борьбы. Необходимо твердо усвоить учение Ленина о центральной партийной газете как агитаторе и *организаторе* партии и масс, что особенно важно для *нынешнего* этапа индийского коммунистического движения.

Среди кружков выработалась психология провинциализма и отказа от борьбы за *всеиндийскую* арену. Коммунистические группы решительно во всех вопросах, имеющих всеиндийское значение (всеиндийское профдвижение, всеобщая стачка на железных дорогах, борьба крестьян, движение неплатежа долгов, конференции Круглого стола, джутовая стачка и т. д.), не сумели в своем подходе подняться выше провинциального горизонта, не видят общих задач и всеиндийского масштаба борьбы, что приводит к тому, что они суживают задачи у себя на месте. И на деле они целиком освободили всеиндийскую арену для национал-реформистов, которые взяли инициативу в организации (т. е. на деле дезорганизации) движения железных дорог, федерации текстильщиков, кампании единого фронта, среди горняков, металлистов Джамшедпура и т. д. и т. п. Отказ от всеиндийской арены, *самоустранение* революционных руководителей бомбейских рабочих от содействия джутовой стачке в Калькутте и т. д., и т. п. на деле *ведет* к укреплению влияния буржуазии, тормозит создание компартии и превращение рабочего класса в гегемона народной борьбы, ведет к *потере инициативы* решительно во всех вопросах: борьбы за Конгресс профсоюзов, подготовки железнодорожной стачки и т. д. и т. п.

Провинциализм и разброд проявляются также в том, что подменяют всеиндийское профдвижение *только* профсоюзом ГКЮ и т. д. На деле это ведет к тому, что комгруппы, *добровольно* уходя со всеиндийской арены, играют наруку буржуазии и империалистам.

Сведение партии к отдельным изолированным группам ведет к жалобам на то, что нет сил, нет людей, что невозможно справиться с грандиозными задачами, стоящими перед революционным движением. И отсюда — часто пассивность, уныние, взаимные препирательства, всяческие уклоны, сектантство и оппортунистическое отношение к национал-реформизму, на почве чего *облегчается* возможность расколов, отколов не на деловой и принципиальной почве. Между тем эта жалоба на отсутствие сил противоречит тысячам фактов повседневной действительности, которые свиде-

тельствуют о том, что среди рабочих и революционной молодежи имеются тысячи активных борцов, сочувствующих компартии.

Необходимо решительно выступить за всеиндийскую компартию. Необходимо всячески, в сотни раз *увеличивая* местную работу (особенно в Калькутте и др.), несколько *передвинуть* центр тяжести на общеиндийскую работу и приступить к созданию партии, борясь за общую политическую линию, создавая сеть местных организаций, воспитывая чувство ответственности и партийности, — всячески развивая инициативу снизу, на местах, смело вовлекая рабочих и преданных делу пролетариата революционных интеллигентов. Такая передвижка не ослабит, а наоборот укрепит прочность связей и устойчивость местной агитации. При этом необходимо всюду строить и расширять партийные организации, поощряя местную инициативу. Сила компартии определяется степенью ее связи с широкими массами, в первую очередь пролетариата. *Единственно* правильной формой организации, обеспечивающей эту связь и боеспособность партии, является *фабричная* система ячеек. Особенно в Индии, в условиях террора, а также большой степени концентрации пролетариата, создание фабричных ячеек является *абсолютно* необходимой, обязательной, первостепенной задачей партии. Необходимо зацепиться и втянуть рабочий актив, ибо это главная гарантия успешного создания нелегальной компартии, способной устоять перед террором и руководить борьбой пролетариата. Необходимо создавать при этом пропагандистские кружки, краткосрочные курсы и т. д. для подготовки и обучения рабочих-активистов, всячески помогая им втягиваться в активную партийную работу в качестве организаторов и руководителей партийных организаций. Коммунистические группы также обнаружили неумение сочетать легальные и нелегальные формы работы. В отдельных районах, придерживаясь правильной позиции, записанной в платформе действия КПИ о том, что в настоящих условиях КПИ может существовать *только* как нелегальная партия, коммунисты *не сумели* обеспечить создание и нормальное существование нелегальных организаций и руководящих органов.

Необходимо крепко усвоить (и *этим* будет определяться, насколько серьезно и последовательно коммунисты стоят за нелегальную партию и революционную борьбу), что руководящие органы партии и ядро парторганизации должны обязательно находиться на *нелегальном* положении и что смешение конспиративного и открытого аппарата партийной организации является *гибельным* для партии и играет наруку правительственной провокации. Всемерно развивая нелегальную организацию, необходимо принимать все меры к сохранению и укреплению конспиративного ядра парторганизации. Необходимо создавать для открытых выступлений всякого рода (в печати, собраниях, союзах, профсоюзах и т. п.) особые группы, комиссии и т. п., которые, работая под руководством парткомов, ни в каком случае не могли бы вредить целости конспиративных ячеек.

Учитывая все эти указания, необходимо: лозунг за всеиндийскую нелегальную, идейно и организационно единую, централизованную коммунистическую партию, верную секцию Коминтерна, борющуюся за платформу действия КПИ и программу Коминтерна, сделать *центральным лозунгом* собирания и создания партии и борьбы против шатаний, кружковщины и оппортунистического сектантства, мешающих победе рабочего класса.

Заключение

Международная обстановка становится все напряженнее. Японский империализм ведет войну в Китае и вместе со сворой империалистических государств готовит раздел Китая, встречая сопротивление САСШ, стремящихся к тому, чтобы упрочить и расширить свои позиции в Китае за счет вытеснения других империалистических государств и увеличения эксплоатации китайского народа. Военное нападение империалистических государств на СССР — первую рабочую республику, на стороне которой — сочувствие революционного пролетариата и трудящихся масс колониальных стран — *приближается*. Британский империализм постарается снова использовать Индию, как это было во время мировой войны, для пополнения своей армии, использовать ее как сырьевую и стратегическую базу в войне против СССР и революционных народов Востока. Индийская буржуазия еще раз предает и продает революционный народ за чечевичную похлебку.

В этой приближающейся смертельной схватке мирового империализма и пролетарского лагеря роль индийских коммунистов велика. Индийская антиимпериалистическая и аграрная революция способна нанести смертельный удар англий-

скому империализму и ускорить полный разгром капитализма во всем мире и тем самым обеспечить победу мировой революции. Компартия Индии находится на ответственном участке международной революции. К этой борьбе индийская компартия должна готовиться действительно большевистским образом.

Задачи в настоящее время исключительно трудны. Но для индийских коммунистов нет иного революционного пути кроме большевистского, а именно: с максимальной энергией, упорством и настойчивостью следуя марксистско-ленинской теории и практике, взяться, не отступая перед трудностями и отдельными неудачами и поражениями, за разрешение этих задач и *первейшей* из них— за создание подлинной коммунистической партии.

Нет большего преступления, если индийские коммунисты (выступившие с платформой действия КПИ и если они согласны с данным письмом) *вместо* борьбы за великие исторические цели индийского и мирового пролетариата пойдут сейчас по пути беспринципной фракционной борьбы, раздоров, личных группировок. Беспринципная фракционная борьба будет только наруку интересам английского империализма. Подлинно коммунистические группы должны поставить выше всего интересы пролетариата, направить все свои усилия на быстрейшее создание компартии, разрешая все спорные вопросы в рамках Коммунистического интернационала и, если нужно, с его помощью.

Коммунисты всего мира не сомневаются в том, что, несмотря на свою слабость, неопытность и некоторую изолированность, индийские коммунисты найдут в себе достаточно большевистской твердости, мужества и решительности для того, чтобы выйти на широкую всеиндийскую арену борьбы за партию—вождя и организатора индийской революции.

ЦК КП Китая.
ЦК КП Англии.
ЦК КП Германии.

Приложение 3.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Т. СИНГ НА XII ПЛЕНУМЕ ИККИ

(Москва, сентябрь 1932 г.)

Товарищи, на нашем пленуме обсуждаются вопросы, связанные с подготовкой и переходом к новому туру войн и революций. Обсуждались вопросы, связанные с расстановкой сил международной революции и контрреволюции. Для того чтобы показать место колониальных стран, я хочу сперва привести цитату из статьи Ленина «Лучше меньше, да лучше», которую, по-моему, следует рассматривать как статью общестратегического характера, сохранившую силу и поныне. Ленин писал:

«Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. д. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой войны. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена».

Указывая дальше, что суть ближайшей тактики ВКП(б) заключается в том, чтобы продержаться «до следующего военного столкновения между контрреволюционным и империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком», Ленин отмечал, что этому большинству «нужно успеть цивилизоваться». Итак, во-первых, при развертывании борьбы Советского союза и международного пролетариата против капитализма и учете соотношения классовых сил необходимо внимательно *учитывать* состояние и развитие колониальных народов, подтягивать их с таким расчетом, чтобы максимально *укрепить* силы пролетарской революции, особенно в период приближающихся решающих столкновений. При этом следует помнить, что в силу неравномерного развития, прорывы империалистической системы возможны и неизбежны. Однако порядок, время и место этих прорывов зависят от ряда обстоятельств, которые точно предвидеть трудно. Во-вторых, большинство должно «цивилизоваться». В чем заключается эта цивилизация? Мы видим результаты этой цивилизации в отношении Китая. Там существуют красная армия, советское правительство, советские районы. Когда японский империализм в 1932 г. готовился пойти войной на Советский союз, то одной из главных причин, задержавших его наступление, была героическая борьба трудящихся масс Китая.

Мы видим, в чем выражается рост «цивилизации» китайских масс, но, товарищи, в такой же степени важно проследить, как происходит революционная «цивилизация» индийского народа.

Я думаю, что и в Индии мы имеем рост революционной «цивилизации». К сожалению, на нашем пленуме эти вопросы были недостаточно освещены, и в итоге у некоторых товарищей могло сложиться впечатление, что по сравнению с XI пленумом положение в Индии ухудшилось,— что абсолютно не соответствует действительности. Ввиду недостатка времени я не смогу остановиться на оценке политики британского империализма и позиции индийской буржуазии, хотя это очень важно для того, чтобы изучить обстановку и классовые сдвиги, которые произошли в Индии. Кратко можно сказать, что британский империализм наступает, проводя политику некоторых уступок индийской буржуазии, в то же самое время пытаясь укрепить свои позиции и своих феодальных союзников.

В решениях XI пленума дается оценка позиции индийской буржуазии. Эта оценка совершенно правильна, и события, 1931 и 1932 гг. наглядно подтверждают, что происходит сближение индийской буржуазии с империализмом для борьбы против революции. Арест Ганди и вождей Национального конгресса, отказ сотрудничать с конференцией Круглого стола и усиление режима репрессий свидетельствуют о том, что переговоры еще не закончены, и торг в условиях осложненных для буржуазии и империалистов мировым экономическим кризисом еще не закончился соглашением; они свидетельствуют также о том, что английский империализм, опасаясь восстания трудящихся Индии и экономического краха у себя дома, был вынужден перейти к более откровенным, грубым методам укрепления своих позиций, обостряя тем самым свои взаимоотношения с национальной буржуазией, — *все это все же не изменяет того факта, что политика соглашения и ныне скрытых переговоров продолжается*. Выступление Ганди по индо-мусульманскому вопросу, избирательной реформе так называемых «неприкасаемых», равно как и переговоры по вопросу о японской конкуренции и т. д. и т. п., — все это подтверждает правильность выдвинутых нами положений.

Проводимый ныне «левый» маневр, свидетельствуя также о недовольстве буржуазии, не меняет основной сути ее позиции. «Левый» маневр проводится в обстановке растущего недовольства крестьянства политикой соглашения, усиления классовой диференциации и растущего разочарования широких слоев городской мелкой буржуазии политикой Национального конгресса, в частности проповеди «ненасилия». Нацконгресс боится потерять свое влияние среди народных масс. Помимо того индийская буржуазия выиграла некоторые позиции во время кризиса и пытается их закрепить и расширить, добиваясь уступок со стороны британского империализма. Сближение далеко не означает отсутствия противоречий, однако эти противоречия не мешают буржуазии, пытающейся оказать давление на империалистов и добиться больших уступок, все теснее выступать с британскими империалистами против индийской революции. За отсутствием времени я на этом не останавливаюсь подробнее.

Крестьянский вопрос. Возьму период 1930, 1931 и 1932 гг. В 1930 г. под влиянием революционной борьбы рабочего класса и широкой национально-освободительной волны крестьянство начало втягиваться в движение. Движение выражалось главным образом и в антибританских демонстрациях, разного рода местных выступлениях, обычно связанных с поддержкой Национального конгресса. Были также выступления против отдельных правительственных налогов, преобладающим был момент антибританский. В 1931 и 1932 гг. произошло громадное падение сельскохозяйственных цен, громадное разорение крестьянства. Налоговые тяготы сильно выросли. Даже английское министерство вынуждено было признать, что задолженность индийского крестьянства увеличилась за 1931 г. на 10%. В 1931—1932 гг. на фоне громадного обнищания и закабаления трудящихся и под влиянием подъема революционного движения масс крестьянство начинает переходить от частичных политических демонстраций к серьезному глубокому аграрному движению, направленному против налогов, долгов и против властей. Примерно первые три четверти 1931 г. это мощное крестьянское движение проходило еще в форме агитации и разрозненных выступлений, что не исключало отдельных массовых выступлений. Национальный конгресс предпринял все для того, чтобы удержать крестьянство от массовых выступлений.

В конце 1931 г. и в 1932 г. Национальный конгресс был не в состоянии дальше удержать крестьянское движение. Крестьянское движение за неплатеж долгов, налогов, арендной платы приняло стихийный характер, и движение начало перехлестывать через голову Национального конгресса. Поэтому в конце 1931 г.

и в 1932 г. мы имеем переход крестьянского движения на более высокий уровень, оно принимает характер стихийного массового движения снизу, движения аграрного порядка, которое в то же самое время начинает сближаться и связываться с антиимпериалистическим движением, переходит к массовым действиям и столкновениям, к борьбе против полиции, помещиков, ростовщиков. Крестьянство отучается от страха перед кровью.

В конце 1931 и начале 1932 г. произошло крупное восстание в Кашмире, имело место огромное количество крестьянских выступлений и отдельных восстаний местного значения в основных аграрных провинциях и особенно в туземных государствах, в которых феодальные пережитки особенно сильны... Итак в области аграрного крестьянского движения наблюдается переход к стихийной борьбе огромных масс крестьянства. В подтверждение этого можно привести многочисленные факты. Возьмем «Хиндустан Таймс» от 17 июля. Газета сообщает:

«Во второй половине июля вспыхнул бунт в Идайпуре в ответ на повышение налогов. Полиция не в состоянии была справиться. Вызваны были войска. 15 убито, свыше 100 человек серьезно ранено. Был объявлен 4-дневный хартал-протест».

Таких сообщений можно привести много. Газета «Хинди» пишет:

«Когда налоговый чиновник в одном из округов Соединенных провинций потребовал уплаты ренты, арендаторы ответили: «мы боремся за самоуправление и не намерены платить и не признаем обязательства платить».

В результате были убитые и раненые. В Кашмире в восстании участвовали десятки тысяч крестьян, брали даже города. Восстание было подавлено. В настоящее время положение там снова обостряется.

Последние газеты сообщают из Бенгалии: посланы две бригады английских войск для усмирения крестьянского движения. Карательные экспедиции рассылаются по Бенгалии, Соединенным провинциям, Пенджабу, по целому ряду основных аграрных провинций. Имеются например такие сообщения: британский суд приговорил в одном районе Бирмы 80 крестьян к смертной казни за участие в восстании. Такие сообщения *типичны*, и этот их типичный характер рисует углубление крестьянского аграрного движения. Да, правильно, сейчас это крестьянское движение еще носит неравномерный характер. Однако элементы нарастания аграрной революции имеются налицо и потому, в сравнении с периодом XI пленума, можно сказать, что есть переход аграрно-крестьянского движения на высшую ступень. А переход заключается, во-первых, в том, что аграрное движение начинает приобретать элементы аграрной революции, несмотря на свой неравномерный характер развития. Во-вторых, это движение идет через голову руководства Национального конгресса, причем растет недовольство политикой Национального конгресса. В-третьих, недовольство политикой Национального конгресса ведет к тому, что из среды крестьянских масс вырастают вожаки, и многие рядовые члены конгресса активно поддерживают крестьянскую борьбу. И наконец поток аграрного движения начинает смыкаться с антиимпериалистическим движением. В Бирме мы имеем целый ряд выступлений, носящих характер национально-революционной войны. И само движение и лозунги его свидетельствуют о переходе на высшую ступень. Конечно Национальный конгресс стремится удержать это движение. Его политика заключается в саботаже народного движения. На словах он говорит: мы хотим поддержать движение гражданского неповиновения или неплатежа налогов, а *на деле* Национальный конгресс идет против массового революционного движения. *На деле* он делает все возможное для того, чтобы обезглавить и саботировать движение. Когда движение, как например в Бенгалии или Кашмире, прорывается и происходят выступления крестьянства против князей, помещиков, ростовщиков, чиновников, — Национальный конгресс приходит и говорит: «Это религиозная борьба, а не аграрное движение». И на этом основании призывает британские войска беспощадно подавлять крестьянские выступления. Когда движение несмотря на саботаж прогрессистов прорывается, Национальный конгресс в блоке с английским империализмом идет на подавление крестьянского движения. Самый опыт движения, опыт борьбы начинает просвещать крестьянство. И недаром ряд буржуазных газет, печать Национального конгресса пишут, что среди масс крестьянства растет смутное понимание расхождения их интересов с Национальным конгрессом. Задача коммунистов заключается в том, чтобы стать *во главе* крестьянского движения, *поддержать* борьбу крестьянства, ввязаться в нее, чтобы через развертывание аграрного движения, движения неплатежа налогов и долгов, поднять движение на более высокую ступень, подвести к аграрной революции. В процессе развития этого движения Национальный конгресс раз-

обличает себя в глазах крестьянства как буржуазная организация, выступающая против интересов крестьянства и его революционной борьбы.

Рабочий класс

Товарищи, индийский пролетариат высоко политически развит. Он прошел большую школу политической борьбы. В открытом письме трех компартий индийским коммунистам приводится оценка Ленина политического выступления (стачка и демонстрация протеста против ареста Тилака) бомбейских рабочих в 1908 г. С 1908 г. индийский пролетариат прошел огромное развитие особенно в период с 1919 по 1932 г. Неправильно не видеть, не оценивать роста политического развития индийского пролетариата. В рабочем классе отряд металлистов небольшой, текстильщики связаны с деревней, рабочих второго поколения не очень много и т. д. и т. п. — все это имеет влияние, но все же, если подвести итог, то очевидно, что индийский пролетариат особенно в период 1919—1932 гг. прошел огромную школу политической борьбы и политического воспитания. Либеральный слуга буржуазии Ганди признавал еще в 1919 г., что индийский пролетариат был активнейшей политической силой, и факты подтверждают это. Только сторонники Роя в листовке к съезду профсоюзов в Калькутте в 1931 г. в июньской листовке к студентам (1932 г.), подписанных комитетом действия независимости, имеют наглость отрицать рост классовой сознательности рабочих и заявлять, что вопрос свободы и независимости Индии является для трудящихся масс «абстрактной концепцией», ничего для них не говорящей. Не видеть политический рост пролетариата было бы большой ошибкой. Возьмем развитие стачечного движения. В 1928 29 г. прошла огромная волна экономических стачек. Экономические стачки вел главным образом авангард — железнодорожники, текстильщики Бомбея и Калькутты; огромная волна экономической борьбы переплелась с отдельными политическими выступлениями. Эта борьба оказала влияние на подъем 1930—1931 гг.

В 1930 г. была огромная волна народного освободительного движения. В 1930 г. индийский пролетариат выступал активнейшей силой, хотя количество экономических стачек в 1930 г. снизилось, было огромное число политических стачек. Эти стачки отчасти были самостоятельные, отчасти проходили вместе с Национальным конгрессом, *вернее* с народными массами, шедшими за ним. В 1930 г. на фоне широкой волны экономических стачек 1928—1929 гг. была волна политических стачек авангарда индийского пролетариата. Затем в 1931 г. наблюдается снижение экономических и политических стачек. Это снижение связано с тем, что среди широких масс рабочего класса начался отход от Национального конгресса. Среди этих слоев рабочего класса, шедших за НК, питавших иллюзии насчет единого национального фронта и веривших в надклассовый, общенародный характер национального конгресса, предательство национальной буржуазии в 1930—1931 гг.— вызвало разочарование Национальным конгрессом и привело к тому, что многие рабочие начали пересматривать свои взгляды и все более убеждались в буржуазном и реформистском характере НК. Отсутствие компартии задерживало процесс освобождения рабочих от влияния НК и «левых» национал-реформистов и приводило к тому, что лишенные руководства рабочие массы не развернули той активности, на которую пролетариат был способен. Это нашло свое отражение в том,что в 1931 г. получилось некоторое снижение стачечного рабочего движения. Это «снижение» по сути дела означало отход от НК, свидетельствовавшее о растущем опыте и классовой сознательности рабочих масс, об идущем процессе переваривания накопленного опыта, и в этом смысле означает переход рабочего движения на новую ступень, ставит новые задачи. Вот что является характерным для этого периода. Этим также подтверждается острота отставания в формировании компартии и необходимость коммунистического руководства.

Отдельные факты характеризуют этот процесс. Например выступления бомбейских рабочих против Ганди и особенно характерная шолапурская стачка. Кроме того симптоматично было и то, что все выступления «левых» национал-реформистов в 1931 г. проходили под флагом «критики» (!) вождей Национального конгресса. Президент реформистского съезда профсоюзов Рюикар вынужден был открыто признать, что среди рабочих масс растет недовольство руководством Национального конгресса. Поэтому в 1931 г. это снижение стачечного движения индийского пролетариата по сути дела происходило в результате того, что передовые слои начали продумывать и переваривать накопленный опыт классовой борьбы, политический смысл которого заключался в отходе от Национального конгресса.

Но 1931 г. интересен и тем, что в бой, в экономическую борьбу начали втяги-

ваться *отсталые* слои индийского пролетариата. В конце 1931 г. наблюдается подъем выступлений рабочих туземных государств, рабочих юга Индии и отсталых слоев передовых центров.

В 1932 г. продолжаются выступления отсталых слоев. По количеству стачек на первое место вышли Центральные провинции, по количеству потерянных дней Мадрасское президентство. Таким образом в борьбу все больше втягиваются отсталые слои рабочего класса. С другой стороны, в начале 1932 г. начался подъем экономической борьбы авангарда, передовых слоев индийского пролетариата. Итак ножницы между передовыми и отсталыми слоями начинают сближаться, сопровождаясь ростом классовой сознательности передовых слоев индийского пролетариата. На этой основе *растет* почва для всеиндийского рабочего движения, для всеиндийских выступлений рабочего класса и для всеобщей стачки. Стачка бомбейских докеров в этом отношении очень показательна, свидетельствуя также о той быстроте, с которой экономические стачки наполняются политическим содержанием. Для понимания вопроса о всеобщей стачке следует проследить борьбу индийских железнодорожников. В подтверждение своей мысли о том, что лозунг всеобщей стачки является важнейшим объединяющим лозунгом, приведу следующие факты.

Во-первых, на железных дорогах наблюдается рост стачек в отдельных железнодорожных мастерских.

Во-вторых, на железных дорогах реформистские профсоюзы были вынуждены под давлением масс провести в мае-июне 1932 г. баллотировку по вопросу о всеобщей стачке на железных дорогах. Интересны ее результаты. По 6 основным железным дорогам громадное большинство рабочих высказалось за немедленную всеобщую стачку.

На Бенгал-Нагпурской железной дороге за всеобщую стачку высказалось 92% рабочих. В отдельных местах, например в железнодорожных мастерских в Кхорагпуре за всеобщую стачку высказались 9957 против 6, в мастерских Андра — 674 против 5. Эти данные характерны и типичны. Они рисуют готовность индийского железнодорожного пролетариата пойти на всеобщую железнодорожную стачку. Железнодорожная федерация, выступавшая в 1931 г. против стачки в 1932 г., несколько раз говорит о своей готовности в крайнем случае объявить стачку. На деле федерация продолжает свою дезорганизаторскую работу. «Левые» реформисты в 1930 и 1932 гг. выступали против стачек, а сейчас высказываются за стачку, даже критикуя «слева» федерацию железнодорожных профсоюзов за повторное откладывание стачки.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что среди индийских железнодорожных рабочих назрела готовность выйти на всеобщую стачку. Маневренная способность реформистов очень сужена, потому что британское правительство ввиду кризиса, ввиду тяжелого положения продолжает наступление на рабочих и поэтому никаких подачек, никаких уступок для обмана и дезорганизации рядов железнодорожного пролетариата и срыва всеобщей стачки железнодорожная федерация не в состоянии получить. Среди рабочих быстро растет оппозиция против руководства. Приведу цитату из листовки оппозиции железнодорожников Восточно-Бенгальской железной дороги (1932 г.).

«Смотри, служащие-чиновники и их организация — железнодорожная федерация — провели баллотировку о стачке и несмотря на то, что большинство голосов было за стачку, ни одного шага не было сделано за последние три месяца. Разве стачка для них означала шутку? Мы должны выбрать боевых рабочих с линии и мастерских и создать стачкомы... Это вы должны провести стачку... Железнодорожная федерация — это агенты правительства и железнодорожной компании... Они хотят вас обмануть... Присоединяйтесь к профсоюзу и приготовимся к борьбе...»

Какие нужно сделать выводы? Почва для всеобщей стачки по сравнению с XI пленумом созрела. Лозунг всеобщей стачки среди железнодорожников есть лозунг, вокруг которого нужно в ближайшее время организовать и вести в бой массы, т. е. он становится лозунгом действия.

События, которые произошли за этот период, подтвердили правильность линии, данной XI пленумом. Лозунг всеобщей стачки есть один из основных лозунгов развертывающегося индийского революционного движения, который будет способствовать росту революционных сил и отходу рабочих от реформистов. Товарищи, развитие стачечного движения сопровождается ростом классовой сознательности индийского пролетариата, которая выражается не только в отходе от Национального конгресса, но также и от «левых» национал-реформистов.

Я прочитаю вам цитату из калькуттской рабочей газеты «Пролетариат». Из этой цитаты вы ясно увидите, как идет снизу рост классовой сознательности рабочих. Во время стачки на текстиль-

той фабрике, на собрании рабочих выступил рабочий, вожак по имени Заман с разъяснением значения и задач стачки; газета пишет:

«В это время было замечено, что два хорошо одетых господина, пробрались, как воры, и уселись на собрании. Рабочие возбужденно начали требовать об'яснения, что это за люди. Заман сказал: «Я объясню, кто они такие». Один из вновь пришедших тоже сказал: «Да, да, господин, Заман, объясните все это», Заман начал свое объяснение: «Один из этих господ, которых вы здесь видите, это С. Мукундалал. Он ходит, хвастая, что он только что вышел после 10-летнего тюремного заключения. Но только он и Британское правительство знает, почему он был приговорен к 10-летнему заключению и был освобожден без предварительных условий после одного года пребывания в тюрьме. Господин Мукундалал теперь ходит среди рабочих и ведет работу по поручению Конгресса. Для чего? Для того, чтобы разбить рабочих. Это были они, которые пошли в Чусури для встречи и переговоров с фабрикантами и предали забастовку рабочих. Хозяева вашей фабрики — это господа Бирла (Индийский капиталист, поддерживающий Нацконгресс. — *Ред.*). На деньги, высосанные из вашей крови, Бирла вместе с Ганди поехали в Лондон для совещания с англичанами, как бы лучше эксплоатировать вас. И поэтому Мукундалал, друг Бирла, пришел сюда разбить, предать вашу забастовку. Вы должны хорошо знать, что это за человек. Второй, это Джалалудин Хашеми. Он тоже пришел сюда по поручению Конгресса. Я не хочу тратить время на рассказы о его «доблестях», он пришел как компанион (сподвижник) Мукундалала и поэтому вы сами сможете хорошо понять и оценить его».

Когда Заман кончил, Мукундалал встал и сказал, что он тоже хочет сказать несколько слов. Рабочие очень рассердились и сказали: «Мы не хотим слушать тебя. Убирайся вон отсюда». Недоумевая, Мукундалал и Хашеми ушли с собрания также по-воровски, как и пришли.

После собрания был организован стачечный комитет из 11 человек, и т. Синг объяснил ему, в чем должна заключаться его работа. Было также решено собраться опять на следующий день утром. После целого дня работы т. Заман начал парад волонтеров. Он дал каждому из них красный значек и сказал, что они партия красной армии. «По всему миру красные армии готовятся для национальной борьбы, не щадя своей жизни, против штыков и пушек богатых. Красная армия всегда должна быть готова принести в жертву все, даже свою жизнь для того, чтобы осуществить диктатуру мирового пролетариата. Флаг рабочих — это красный флаг. Серп и молот на флаге означают, что рабочие и крестьяне всего мира должны объединиться и стать под знамена красного флага. Трехцветный флаг Конгресса означает, что люди различных религий должны стоять обособленно друг от друга. Красный флаг рабочих означает, что все рабочие объединяются, будь они индусы, мусульмане или христиане. Когда бы и где бы вы не видели красный флаг, вы знайте, что это флаг рабочих,— а когда вы видите какой-нибудь другой флаг, то знайте, что — это флаг врагов ваших».

После этого, с большим воодушевлением была спета песня «Да здравствует революция», и митинг закончился словами т. Замана, предостерегавшего волонтеров быть особенно бдительными и на страже против попыток сорвать забастовку пролетариата».

Товарищи, это выступление против Ганди и Нацконгресса и «левых» национал-реформистов было видным выступлением. Оно рисует борьбу, которую проводят снизу революционные рабочие при отсутствии крепкой коммунистической партии. Революционные рабочие Индии идут к коммунистическому движению и проводят борьбу против Национального конгресса. Это выступление свидетельствует о росте рабочего актива.

В Индии коммунистическая партия находится еще в периоде формирования. Развитие и накопление опыта классовой борьбы проявляется в многочисленных фактах. Индийский пролетариат за последнее десятилетие классовой борьбы на практике проверял позиции различных классов и пролетарских партий. Он видел маневры буржуазии и в частности Национального конгресса во время под'ема 1919—1922 гг., во время стачек и наконец в движение 1930 — 1931 гг. Рабочий класс проверяет политику коммунистов и «левых» национал-реформистов и т. д. Рабочий класс переваривает опыт классовой борьбы, доходит до понимания того, что Национальный конгресс — это организация буржуазии и что нужно создавать свою отдельную, самостоятельную классовую пролетарскую революционную организацию. Это означает, что в Индии, несмотря на то, что потребуется еще некоторое время на формирование кадров, имеются условия для того,

чтобы в краткий период, при правильной политике коммунистов, создать мощную массовую коммунистическую партию. По сравнению с периодом XI пленума расширяется база для массовой коммунистической партии.

Развитие освободительной и стачечной борьбы и рост классовой сознательности широких слоев пролетариата означает, что индийский пролетариат все ближе подходит к тому, чтобы взять гегемонию в народном движении. Но для этого надо иметь коммунистическую партию. В этот вопрос особенно упирается все развитие революционного движения в Индии. В этом отсутствии всеиндийской компартии основное препятствие для развертывания индийской антиимпериалистической и аграрной революции. Отсутствие компартии задерживает изживание национал-реформистских иллюзий среди трудящихся масс, что в свою очередь задерживает развитие революционной борьбы народных масс.

Индийская компартия находится еще в стадии формирования. Растет число коммунистических и революционных групп.

Что следует учесть при рассмотрении развития индийской компартии? Я думаю следующее. В 1930 г. произошел разрыв коммунистических групп с «левым» национал-реформизмом. Это еще не означает, что влияние «левого» национал-реформизма в рядах комдвижения изжито или что «левый» национал-реформизм не является сейчас главным врагом в борьбе за компартию, в борьбе за завоевание большинства рабочего класса на сторону КП, в борьбе за интересы индийского крестьянства, — а следовательно в деле развития аграрной и антиимпериалистической революции. Задача коммунистов как раз заключается в том, чтобы изолировать национал-реформизм.

Однако в 1930 г. индийские товарищи сделали очень серьезную ошибку. Эта ошибка заключается в том, что порвав, с «левым» национал-реформизмом и ведя борьбу с ним, они не сумели понять того, что разрыв с «левым» национал-реформизмом не означает ухода с легальной арены и не означает отказа от борьбы за массы, шедшие за Национальным конгрессом. Без того, чтобы коммунисты идейно и организационно не разорвали с «левым» национал-реформизмом, не могла бы создаваться компартия. Этот разрыв есть огромное достижение, завоеванное в 1930 г. Запоздание с этим по сути дела является одной из важнейших причин слабости комдвижения в Индии. Но, производя этот разрыв, наши товарищи допустили ошибку в том смысле, что не сумели этот поворот произвести так, чтобы в то же время повести борьбу за массы, чтобы не самоизолироваться от массового движения за независимость. В чем заключается задача наших индийских товарищей? Задача была в том, чтобы строить компартию, завоевать большинство трудящихся на свою сторону, изолировать соглашательские партии, а этого можно было добиться, только приняв активное участие в массовой борьбе за независимость, разоблачая Национальный конгресс и привлекая на свою сторону революционно-демократические элементы, которые еще путаются и идут за Национальным конгрессом. Только на этом пути можно построить массовую компартию и изолировать национал-реформизм, в том числе его «левое» крыло.

Ошибку самоизоляции коммунисты должны исправить. Без этого нельзя создать массовую компартию. Непонимание этой ошибки ведет к тому, что в нашем коммунистическом движении есть ряд трений и всякого рода внутренних столкновений на почве непонимания правильной большевистской линии. Но, товарищи, сейчас индийские товарищи допускают и вторую ошибку, о которой здесь уже отчасти говорилось. Эта ошибка заключается в следующем: в 1930 г. национал-реформисты пытались укрепить свое влияние в рабочем движении, используя *национальный момент*, что при огромной политической активности индийского пролетариата давало им большую возможность укреплять свои позиции. Ход классовой борьбы подтверждает массам, что «левые» национал-реформисты на деле предавали интересы масс и не вели подлинной революционной борьбы за независимость и что коммунисты были правы, разоблачая их, как агентов буржуазии. В 1932 г. идет оживление стачечного движения, и «левый» национал-реформизм стремится укрепить свое влияние, используя стачечную борьбу. В общем и целом большинство профсоюзов в Индии имеет верхушечный характер. Это верно. Но сейчас имеются новые обстоятельства. На волне стачечного движения наблюдается стихийное стремление масс к организации, стремление создать массовые союзы, как это имело место например во время стачки докеров в Бомбее. Теперь «левые» национал-реформисты, используя стачечный момент, пытаются укрепить свое влияние в рабочем движении. Борьба против «левых» национал-реформистов в рабочем движении заключается *также* в том, чтобы усилить и развернуть энер-

гичнейшую работу на заводах, профсоюзах и в стачках, организуя борьбу в защиту повседневных интересов рабочих, беря *инициативу* в свои руки, и таким образом бороться за массы, освобождать от влияния реформизма и подымать классовую сознательность рабочих, разъясняя в агитации и показывая на фактах, на деле, что «левые» национал-реформисты не только срывают борьбу за независимость Индии и уничтожение помещичье-феодальной кабалы, но также срывают борьбу рабочих масс за свои повседневные частичные требования. А это означает также, что нужно участвовать в реформистских профсоюзах (там, где есть массы) и участвовать также в тех стачках, которые реформисты ведут.

Коммунистические партии сильны своей связью с массами. Большевистская партия Страны советов на деле, в повседневной борьбе завоевывала ненарушимое доверие русского пролетариата, и она совершила и добилась того, ибо она является единственной подлинной партией рабочего класса. То же самое должны сделать индийские коммунисты.

Первоначальный период создания коммунистической партии Индии показал и другую слабость движения. А именно — неуменье перейти от легальных форм движения к нелегальным, или *вернее* к сочетанию легальных и нелегальных форм движения, борьбы и организации, без чего немыслимо организовать и подвести трудящиеся массы к решающим революционным боям и создать массовую компартию. Ленин в «Детская болезнь «левизны» указывал:

«Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность как коммунистов всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими усилиями».

Это указание Ленина индийские коммунисты должны научиться осуществлять. Ближайшие задачи индийской компартии заключаются в том, чтобы выйти на всеиндийскую арену, стать во главе движения неплатежа аренды, налогов и долгов, стать во главе крестьянского движения и принять в нем самое активное участие. Во-вторых, в том, чтобы организовать, участвовать и пытаться создать, изолируя национал-реформизм, единый фронт всех революционно-демократических элементов для борьбы за независимость. И в-третьих, стать во главе развертывающегося стачечного движения, подводя его ко всеобщей стачке. А в Индии это конечно должно быть тесно связано с повседневной организационной работой на предприятиях. Выполнение этих задач связано и может быть осуществлено лишь на основе последовательной политики высвобождения трудящихся масс из-под влияния национал-реформизма. Сторонники Роя вынуждены были на словах заявить о своей поддержке революционного восстания. Лозунг учредилки, осуществленный мирным путем, сторонники Роя вынуждены были заменить лозунгом — учредилка через восстание. Это не мешает им одновременно дезорганизовывать подготовку всеобщей стачки и развертывание крестьянского движения неплатежа налогов, долгов и арендной платы. Обострение классовой борьбы и рост классовой диференциации привели к тому, что мелкобуржуазные «радикалы» начали открыто уходить из лагеря пролетарского авангарда. Однако разочарование значительных слоев городской мелкой буржуазии политикой Национального конгресса привело в последнее время к тому, что эти «радикалы» заговорили о восстании, одновременно на деле укрепляя позиции буржуазного Национального конгресса и стремясь всячески удержать пролетариат на положении придатка буржуазии. Без разоблачения национал-реформистов и особенно «левых» невозможно добиться пролетарской гегемонии в народной борьбе. На почве борьбы за самостоятельное пролетарское движение растет в Индии число местных организаций, растет рабочий актив. Огромный опыт накопил рабочий класс. Развитие классовой борьбы подводит все ближе массовые выступления ко всеобщей стачке. Это развитие проходит на базе развертывания массовой стачечной борьбы, проходит на фоне развертывания аграрного движения, в котором растут элементы аграрной революции. В этой обстановке создание массовой коммунистической партии является центральной задачей. Надо сказать, что по сравнению с периодом XI пленума обстановка борьбы сейчас гораздо более благоприятная. Однако развертывание революционного движения тормозится отсутствием коммунистической партии. Отсутствие компартии не дает возможности с достаточной точностью предсказать, как пойдет это развитие революционной борьбы в ближай-

шее время, но я думаю, что мы можем повторить и присоединиться к тому, что т. Сталин сказал в одном из своих выступлений: «Где прорвется цепь в ближайшем будущем? Опять-таки там, где она слабее. Не исключено, что цепь может прорваться, скажем, в Индии. Почему? Потому что там имеется молодой, боевой, революционный пролетариат, у которого имеется такой союзник, как освободительное национальное движение — несомненно большой и несомненно серьезный союзник. Потому, что перед революцией стоит там такой, всем известный противник, как чужеземный империализм, лишенный морального кредита и заслуживающий общую ненависть угнетенных и эксплоатируемых масс Индии» (*Сталин*).

Это правильная перспектива, и я думаю, что возможность массового выступления индийских трудящихся масс следует предвидеть и на нашем пленуме.

Редактор А. Липец Техредактор Пигит

Сдана в производство 29/VIII 1932 г. Подписана к печати 22/XII 1932 г. Партиздат № 1815. Формат 62×94/16 13¼ п. л. 48 000 зн. в п. л. Уполномоч. Главлита № В-42943. Тираж 3000 экз.

1-я типография Огиза РСФСР «Образцовая». Москва, Валовая, 28.

2 р. 75 к.

Издательство ЦК ВКП(б)
партиздат

НОВЫЕ КНИГИ

МАНУИЛЬСКИЙ Д.

СССР и мировой пролетариат
Доклад на XII пленуме ИККИ
47 стр., ц. 20 коп.

ПЯТНИЦКИЙ О.

Революционный подъем: отставание компартий и их задачи.
Речь на XII пленуме ИККИ
63 стр., ц. 20 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

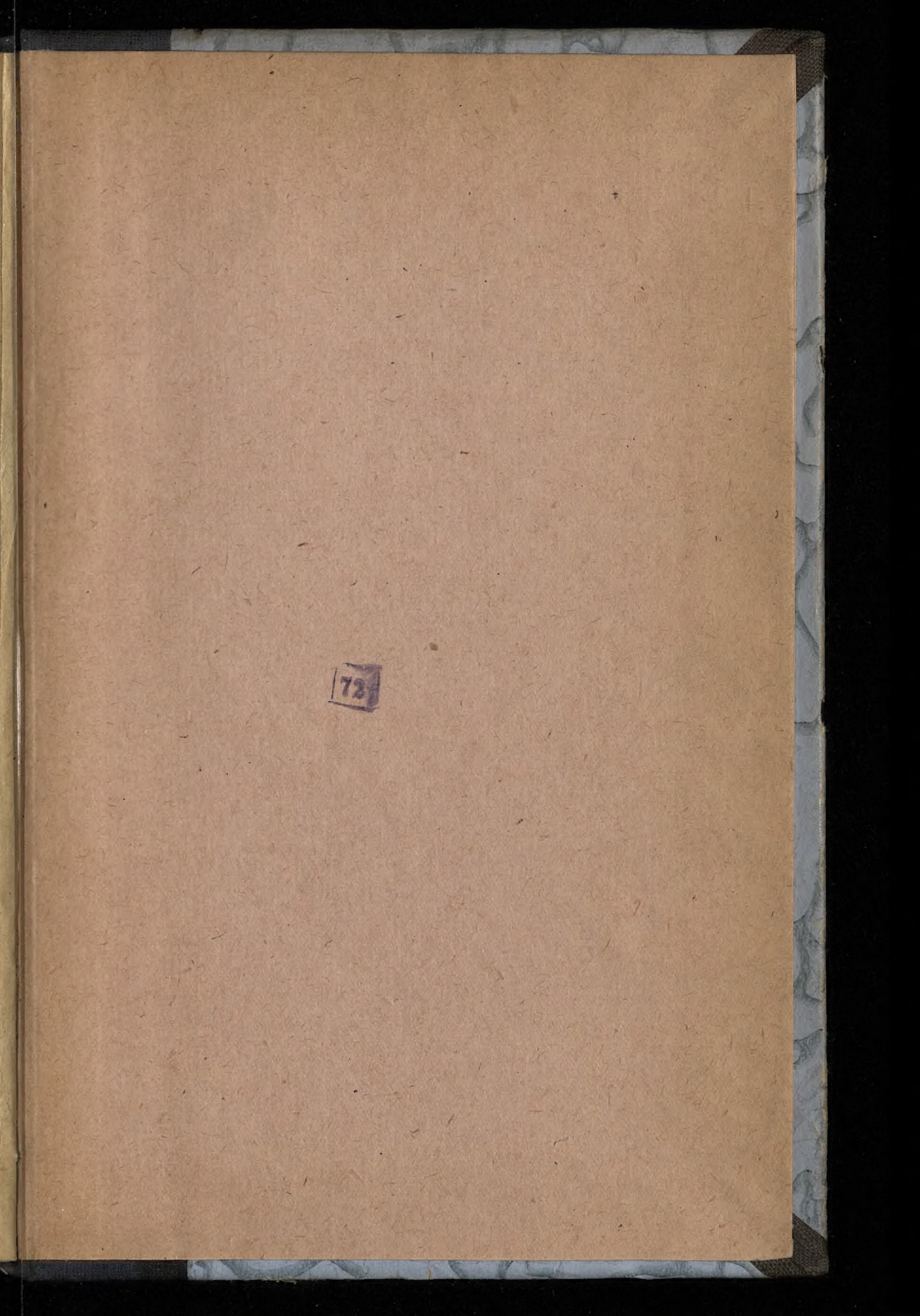
Проблема Китая № 10. Сборник.

Борьба империалистов за Тихий океан. Экономические интересы держав в Шанхае. К вопросу об экономических позициях японского империализма в Китае.
Для партактива.

Проблема Китая № 11. Сборник.

Кара-Мурза, Г. К 50-летию со дня смерти К. Маркса (Китайский вопрос в истории марксизма). Ван-Лин, Советский этап Китайской революции. Иолк, Е. 5 лет советской власти в Китае. Владимирова. Г. Итоги рабочего движения в Китае за 1932 г. и первую половину 1932 г. Велетнер А. Китайская революция и социал-фашизм.
Для партактива

[illegible] Партиздата и книготоргового [illegible]

72

2020075514